









ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ  
СОЧИНЕНІЙ  
**Н. С. ЛѢСКОВА.**

---

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

---

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

---

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.  
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

<http://rcin.org.pl>



Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

# НА НОЖАХЪ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.





## Часть шестая.

# ЧЕРЕЗЪ КРАЙ.

### ГЛАВА ПЕРВАЯ.

#### Вѣсти о Гордановѣ.

Была вторая половина октября. Поля, запорошенные пушистымъ снѣжкомъ, скрипѣли послѣ долгой растопки и глядѣли весело. Изъ оконъ маленькаго домика Синтянинскаго хутора было видно все пространство, отдѣляющее хуторъ отъ бодростинской усадьбы. Вечеромъ, въ одинъ изъ сухихъ и погожихъ дней, обитатели хуторка были осчастливлены посѣщеніемъ, которое ихъ очень удивило: къ нимъ пріѣхалъ старикъ Бодростинъ.

Михаилъ Андреевичъ вздумалъ навѣстить стараго генерала въ его несчастіи, каковымъ имѣлъ основаніе считать его внезапную и непрошенную отставку, но Бодростинъ самъ показался и хозяевамъ, и бывшему у нихъ на этотъ разъ Форову, гораздо несчастнѣе генерала. Бѣднымъ, запоздавшимъ на свѣтъ русскимъ вольтерьянцемъ, очевидно, со-всѣмъ овладѣла шарлатанская клика его жены, и Водростинъ плисалъ подъ ея дудку: онъ болѣе получаса читалъ предъ Синтяниной похвальное слово Глафирѣ Васильевнѣ, расточалъ всякія похвалы ея уму и сердцу; укорялъ себя за несправедливости къ ней въ прошедшемъ и благоговѣнно изумлялся могучимъ силамъ спиритскаго ученія, сдѣлавшаго Глафиру столь образцово-правственною, что рав-

пой ей теперь какъ бы и не было на свѣтъ. Правда, онъ, по старой привычкѣ, позволялъ себѣ слегка подтрунивать надъ ея «общеніями» съ духами, которые послѣ ея знакомства съ Алланомъ Кардекомъ избрали ее своимъ органомъ для передачи смертнымъ ихъ безсмертныхъ откровеній, но, при всемъ томъ, видѣлъ несомнѣнное чудо въ происшедшемъ въ Глафирѣ нравственномъ переворотѣ и слегка кичился ея новыми знакомствами въ свѣтскомъ кругѣ, котораго онъ прежде убѣгалъ, но который все-таки былъ ему болѣе по кости и по праву, чѣмъ тотъ, откуда онъ восхитилъ себѣ жену, плѣняясь ея красотой и особеннымъ, въ то время довольно любопытнымъ, жанромъ.

Киченье Бодростина слегка задѣло плебейскія черты характера Синтянина, и онъ ядовито замѣтилъ, что ни въ чемъ происшедшемъ съ Глафирой чуда не видитъ и ничему не удивляется, ибо Глафирѣ Васильевнѣ прошли годы искать въ жизни только однихъ удовольствій, а названнымъ Бодростиннымъ почтеннымъ дамамъ-аристократкамъ вообще нечего дѣлать и онѣ отъ скуки рады пристать ко всему, что съ виду нравственно и дать какую-нибудь возможность докукой морали заглушать голосъ совѣсти, тревожимой старыми грѣхами.

Старики поспорили, и генераль, задѣтый за живое значеніемъ, какое Бодростинъ придавалъ дамамъ свѣтскаго круга, а можетъ-быть и еще чѣмъ-нибудь инымъ, такъ разошелся, что удивилъ свою жену, объявивъ вдругъ такимъ яростнымъ врагомъ завезеннаго Бодростиной спиритизма, какимъ онъ не былъ даже по отношенію къ нигилизму, привезенному нѣкогда Висленевымъ. Синтянинъ удивилъ жену еще и тѣмъ, что онъ въ спорѣ съ Бодростиннымъ обнаружилъ начитанность, которую приобрѣлъ, проведя годъ своей болѣзни за чтеніемъ духовныхъ книгъ, и помощію которой забилъ волтерьянца въ уголъ, откуда тотъ освободился лишь, представивъ самое вѣское, по его мнѣнію, доказательство благого вліянія своей жены на «растлѣнныя души погибающихъ людей».

— Вы вѣдь, напримѣръ, конечно, знаете Горданова,—сказалъ Бодростинъ:—и знаете его умъ и находчивость?

— Да-съ, имѣю-съ это-съ удовольствіе-съ,—отвѣчалъ генераль со своимъ—са, что выражало уже высокую степень раздраженія.

— Да, я знаю, что вы его знаете и даже знаю, что вы его не любите, — продолжалъ Бодростинъ: — и я его самъ немножко не люблю, но и немножко люблю. Я не люблю его нравственности, но люблю его за неутомимую энергію и за смѣлость и реальность; такіе люди намъ нужны; но я, конечно, не одобряю всѣхъ его нравственныхъ качествъ и поступковъ, особенно противъ Подозерова... Его жена... ну да... что дѣлать: кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ; но пусть ужъ, что стряслось, то пусть бы и было. Поволочился и довольно. Имѣлъ успѣхъ, ну и оставь ее; но сбить молоденькую бабочку совѣмъ съ толку, рассорить ее и заставить разстаться съ мужемъ, подвергнуть ее всѣмъ тягостямъ фальшиваго положенія въ обществѣ, гдѣ она имѣла свое мѣсто, — я этого не одобряю...

— Гордановъ-съ закоренѣлый-съ негодий-съ, — отвѣчалъ, засверкавъ своими бѣлыми глазами, генералъ Синтянинъ.

— И противъ этого я, пожалуй, не возражаю: онъ немножко ужъ слишкомъ реальная натура.

— Я бы его разстрѣлялъ, а потомъ бы-съ повѣсилъ-съ, а потомъ бы...

— Что же бы потомъ еще сдѣлали? Разстрѣляли или повѣсили, ужъ и конецъ, болѣе уже ничего не сдѣлаете, а вотъ моя Глафира его гораздо злѣе расказнила: она совершила надъ нимъ нравственную казнь, вывернула предъ нимъ его совѣсть и заставила отречься отъ самого себя и со скрежетомъ зубовымъ оторвать отъ себя то, что было мило. Короче, она однимъ своимъ письмомъ обратила его на путь истинный. Да-съ, полагаю, что и всякій долженъ признать здѣсь силу.

Эффектъ, произведенный этою новостью, былъ чрезвычайный: генералъ, жена его, майоръ и отецъ Евангелъ безмолвствовали и ждали поясненія съ очевиднымъ страхомъ. Бодростинъ имъ разказывалъ, что обращенный на правую стезю Гордановъ возгнушался своего безнравственнаго поведенія и въ порывѣ покаянія оставилъ бѣдную Лару, самъ упрасивая ее вернуться къ ея законнымъ обязанностямъ.

Повѣствователь остановился, слушатели безмолвствовали.

Бодростинъ продолжалъ. Онъ разказалъ, что *Lara versa des larmes amères*, однакоже, оказалась упорною, и Гордановъ былъ вынужденъ оставить ее за границей, а самъ воз-

вратился на-дняхъ одинъ въ свою дереvушку, гдѣ и живетъ затворникомъ, оплакивая свои заблужденія и ошибки.

Когда Бодростинъ кончилъ, присутствовавшіе продолжали хранить молчаніе.

Это показалось Михаилу Андреевичу такъ неловко, что, ни къ кому исключительно не относясь, спросилъ:

— Что же вы, господа, на все это скажете?

Но онъ не скоро дождался отвѣта, и то, какъ слушатели отозвались на его вопросъ, не могло показаться ему удовлетворительнымъ. Майоръ Форовъ первый изъ выслушавшихъ эту повѣсть Гордановскаго обращенія, всталъ съ мѣста и, презрительно плюнуvъ, отошелъ къ окну. Бодростинъ повторилъ ему свой вопросъ, но получилъ въ отвѣтъ одно коротенькое: «наплевать». Потомъ, сожалительно качавъ головой, поднялся и молча направился въ сторону Евангеля. Бодростинъ и его спросилъ, но священникъ лишь развелъ руками и сказалъ:

— Это по-нашему называется: укравши Часовникъ, «услыши Господи правду мою» воспѣвать. Этакъ не идетъ-съ.

Бодростинъ перевелъ вопрошающій взглядъ на генерала, но тотъ сейчасъ же всталъ и, закуривъ трубку, проговорилъ:

— Тутъ всего интереснѣе только то: зачѣмъ все это дѣлается съ такой помпой?

— Какая же помпа, mon cher Иванъ Демьянычъ? Въ чемъ тутъ помпа? Я не его партизанъ, но... *il faut avoir un peu d'indulgence pour lui.*

Но на это слово изъ-за стола быстро встала Сиятянина и, вся негодующая, твердо произнесла:

— Нѣтъ никакого снисхожденія человѣку, который имѣлъ духъ такъ поступить съ женщиной.

— Сжечь его?—пошутилъ Бодростинъ.—А? сжечь? Аутодафе, съ раздуваньемъ дамскими опахалами?

Но шутка вышла не у мѣста: блуждавшая по лицу Сиятяниной тѣнь смущенія исчезла, и Александра Ивановна, оставивъ свой прямой взглядъ въ лицо Бодростина, проговорила:

— Я удивляюсь вамъ, Михаилъ Андреевичъ, какъ вы, несомнѣнно образованный человѣкъ, находите удобнымъ говорить въ такомъ тонѣ при женщинѣ о другой женщинѣ и еще, вдобавокъ, о моей знакомой, болѣе... о моемъ другѣ...

да прошу васъ знать, что я считаю бѣдную Лару моимъ другомъ, и если вы будете имѣть случай, то прошу васъ не отказать мнѣ въ одолженіи, гдѣ только будетъ удобно говорить, что Лара мой самый близкій, самый искренній другъ, что я ее люблю иъжнѣйшимъ образомъ и сострадаю всею душой ея положенію. Я какъ нельзя болѣе сочувствую ея упрямству и... употреблю всѣ мои усилія быть ей полезною.

Несмотря на большой свѣтскій навыкъ, Бодростинъ плохо отшутился и уѣхалъ крайне недовольный тѣмъ, что онъ въ этомъ визитѣ вышелъ какъ бы неловкимъ подсылнымъ вѣстовщикомъ, въ каковой должности его признала Синтянина своимъ порученіемъ трубить о ея дружбѣ и сочувствіи ко всѣмъ покинутой Ларѣ.

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

### Синтянина беретъ на себя трудную заботу.

Такъ почти и вышло, какъ предполагалъ Бодростинъ: протисъ съ нимъ, ему не слали послѣдъ благожеланій, а кляли его новость и были полны нехорошихъ чувствъ къ нему самому.

Старый генералъ былъ въ духѣ и заговорилъ первый: его утѣшало, что его жена такъ отбрила и поставила въ такое незавидное положеніе «этого аристократинку», а объ остальномъ онъ мало думалъ. По отъѣздѣ Бодростина, онъ подошелъ къ жепѣ и, поцѣловавъ ея руку, сказалъ:

— Благодарю-съ васъ, Сашенька-съ; благодарю. Ничего-съ, ничего, что вы назвали ея другомъ: поганое къ чистому не пристааетъ.

Александрю Ивановну отъ этого одобренія слегка пердернуло и она, покусавъ губы, сухо сказала:

— Никто не можетъ гордиться своею чистотой: весь бѣлый свѣтъ довольно черенъ.

— Э, пѣтъ-съ, извините-съ, кромѣ васъ-съ, кромѣ васъ-съ!

И съ этимъ генералъ отправился въ свой кабинетикъ писать одну изъ тѣхъ своихъ таинственныхъ корреспонденцій, къ которымъ онъ издавна прибрѣлъ привычку и въ которыхъ и теперь упражнялся по любви къ искусству, а можетъ-быть и по чему-нибудь другому, но какъ на это въ домѣ не обращали никогда вниманія, то еще менѣе было

повода остановиться на этомъ теперь, когда самымъ жгучимъ вопросомъ для генеральши сдѣлалась судьба Ларисы. Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ она, бѣдняжка? На чьихъ рукахъ осталось это бѣдное, слабое, самонадѣянное и безсильное существо?.. Отъ одного размысленія объ этомъ Синтяниной становилось страшно, тѣмъ болѣе, что Бодростинъ, сообщивъ новость о Гордановскомъ покаяніи, ничѣмъ не умѣлъ пояснить и дополнить своихъ сказаній насчетъ Лары. Александра Ивановна, такъ же, какъ ея мужъ, вимало не вѣрила сказкѣ, сложенной на сей случай о Гордановѣ. Они допускали, что задавленный Висленевъ могъ подчиниться Глафирѣ и вѣрить, что съ нимъ сообщается «Благочестивый Устинъ», по раскаявшійся Гордановъ, Гордановъ спирить... Это превосходило всякое вѣроятіе. Генераль, со свойственною ему подозрительностью, клялся женѣ, что это не что иное какъ новая ловушка, и та чувствовала, что въ этомъ подозрѣніи много правды. Генеральшѣ было, впрочемъ, не до Горданова.

Пораженная участію бѣдной Лары, она прежде всего хотѣла разузнать о ней и съ этою цѣлью упростила Филетера Ивановича сѣздить къ Бодростинымъ и выспросить что-нибудь отъ Висленева. Форовъ въ точности исполнилъ эту просьбу: онъ былъ въ бодростинскомъ имѣніи, видѣлъ Глафиру, видѣлъ Висленева и не принесъ ровно никакихъ извѣстій о Ларѣ. И благочестивая Глафира, и жалкій медіумъ равнодушно отвѣчали, что они не разсирасивали Горданова о Ларисѣ, и что это до нихъ не касается, причемъ Висленевъ послѣ разговора съ майоромъ надумался обидѣться, что Форовъ такъ безцеремонно обратился къ нему послѣ того, что между ними было при Гордановской дуэли, но Форовъ не счелъ нужнымъ давать ему объясненій.

Тѣмъ не менѣ первая попытка Синтяниной разыскать Лару осталась безъ всякихъ результатовъ, и генеральша рѣшилась прямо обратиться къ Глафирѣ. Александра Ивановна написала Бодростинной письмо, въ которомъ прямо попросила ее, въ величайшее для нея одолженіе, узнать отъ Горданова, гдѣ и въ какомъ положеніи онъ оставилъ Лару. Бодростина на это не отвѣтила, но Синтянина не сконфузилась и послала ей другое письмо, что было потребностью и для самой генеральши, такъ какъ ея тревога за Ларису усилилась до такой степени, что она не могла

спать и не умѣла ни одной строки написать объ этомъ Форовой въ Петербургъ. Глафира наконецъ отвѣтила, но отвѣтила вздоръ, что ей неловко допрашивать Горданова, и она «объ известной особѣ» ничего цавѣрное не знаетъ, а полагаетъ, что *они* разстались навсегда, такъ какъ *та* осталась глуха къ убѣжденіямъ совѣсти, которыя ей представилъ Гордановъ. Эта безцеремонная наглость и лицемеріе до того возмутили Синягинну, что она въ негодованіи разорвала письмо Бодростиной въ мелкіе клочки и упростила мужа, чтобъ онъ, пользуясь послѣдними погожими днями и тѣмъ, что ему теперь нѣсколько полегче, съѣздилъ отдать визитъ Бодростиной и добился, что они знаютъ о Ларисѣ.

Иванъ Демьяновичъ исполнилъ эту просьбу: онъ ѣздилъ въ Рыбацкое, съ непремѣннымъ намѣреніемъ разузнать о Ларисѣ какъ можно болѣе. Его самого тоже очень интересовала ея судьба, хотя совсѣмъ по другимъ побужденіямъ, чѣмъ жену, но и онъ, однако, вернулся тоже ни съ чѣмъ, если не считать усилившагося кашля и крайняго раздраженія, въ какомъ онъ давно не бывалъ. Все, что онъ могъ сообщить, заключалось въ томъ, что Бодростина не спиритка, а Тартюфъ въ женской юбкѣ и должна имѣть какіе-нибудь гнуснѣйшіе планы; но какъ Александра Ивановна была и сама того мнѣнія, то она могла только подивиться вмѣстѣ съ мужемъ, что этого никто, кромѣ ихъ, какъ будто не видитъ. Тѣмъ не менѣе дѣло все-таки не подвигалось, и Синягинна задумалась. — Гдѣ же, наконецъ, эта бѣдная Лара съ ея молодостью, красотой, испорченною репутаціей, капризнымъ характеромъ, малымъ умомъ и большою самопадѣянностью? Отъ однѣхъ мыслей, которыя приходили по этому поводу въ голову молодой, но искушенной въ жизни женщины, ее бросало въ жаръ и въ ознобъ.

Послѣ двухъ сутокъ мучительнаго раздумья, Александра Ивановна наконецъ пришла къ невѣроятному рѣшенію: она положила подавить въ себѣ всѣ неприязненные чувства и сама ѣхать къ Бодростиной.

### ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

#### Превыше міра и страстей.

Свиданіе свое съ Бодростиной генеральша не откладывала и поѣхала къ ней на другой же день. Для этого ви-

зита ею было выбрано предобѣденное время, съ тою цѣлью, чтобы въ эти часы застать Глафиру одну, безъ гостей, и узнать какъ можно болѣе въ возможно короткое время. Но Александра Ивановна ошиблась: у Глафиры еще съ утра были ея графиня и баронесса, и Синтянина волей и неволей должна была оставаться въ ихъ обществѣ, чѣмъ она, впрочемъ, и не очень тяготилась, ибо нашла въ этомъ для себя очень много занимательнаго. Во-первыхъ, она не узнала самой Глафиры и была поражена ею. Хотя Синтянина всегда многого ожидала отъ разностороннихъ способностей этой женщины, но тѣмъ не менѣе она была поражена отчетливостью произведенной Глафирой надъ собою работы по выполнению роли и должна была сознаться, что при всѣхъ своихъ волненіяхъ залюбовалась ею. Ничего прошлаго и слѣда не было въ нынѣшней Глафирѣ. Синтянина увидала предъ собою женщину, чуждую всего земнаго, недоступную земнымъ скорбямъ и радостямъ,—однимъ словомъ, существо превыше міра и страстей. Какую она себѣ усвоила безстрастную, мягкую рѣчь, какія тихія, спокойныя движенія, какой у нея установился на все оригинальный взглядъ, мистическій и въ то же время институтски-мечтательный!.. И все это у нея выходило такъ естественно, что хотѣлось любоваться этою артистическою игрой, на что генеральша и истратила гораздо больше времени, чѣмъ слѣдовало. Она со вниманіемъ слушала очень долгій разговоръ, который шелъ у этихъ дамъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ, объ абсолютномъ состояніи духа, о средствахъ примиренія неладовъ между нравственной и физической природой человека, о тайныхъ стремленіяхъ души и т. п.

Графиня и баронесса обѣдали у Бодростиной, и потому у Синтяниной была отнята всякая надежда пересидѣть ихъ, и она должна была прямо просить Глафиру Васильевну о минутъ разговора наединѣ, въ чемъ та ей, разумѣется, и не отказала. Онѣ вошли въ маленькій, полутемный будуаръ, и Синтянина прямо сказала, что она находится въ величайшей тревогѣ по случаю дошедшихъ до нея извѣстій о Ларисѣ и во что бы то ни стало хочетъ добиться, гдѣ эта бѣдняжка и въ какомъ положеніи?

Глафира была такъ умна, что, очутивъ наединѣ съ Синтяниной, сейчасъ же сбавила съ себя значительную долю духовной строгости и заговорила о Ларисѣ съ величайшимъ



участіемъ, не упустивъ, однако, сказать, что Лара «очень милое, но, по ея мнѣнію, совершенно погибшее созданіе, которое, сдѣлавши ложный шагъ, не находитъ въ себѣ силъ остановиться и выйти на другую дорогу». Укорять или порицать людей за нежеланіе перемениться и исправиться стало любимой темой Глафиры съ тѣхъ поръ, какъ она сама рѣшилась считать себя и измѣнившеюся, и исправившеюся, благо ей это было такъ легко и такъ доступно.

Но приговоръ о неисправности Лары оказался Синтининой обиднымъ, и она отвѣтила своей собесѣдницѣ, что нравственные переломы требуютъ времени, и къ тому же, на свѣтѣ есть такіе ложные шаги, отъ которыхъ поворотъ назадъ иногда только увеличиваетъ фальшь положенія. Бодростина увидѣла здѣсь шишлюку, и между двумя дамами началась легкая перепалка. Глафира сказала, что она не узнала Синтянину въ этихъ словахъ и никогда бы не ожидала отъ нея такихъ сужденій.

— А я между тѣмъ была всегда точно такая и всегда думала такъ, какъ говорю въ эту минуту,—спокойно отвѣчала Синтянина.

Бодростина, желая запутать свою собесѣдницу, замѣтила, что она думаетъ такимъ образомъ, конечно, потому, что не знаетъ, какъ тяжело женщины переносить фальшивое положеніе.

— Это правда,—отвѣчала Синтянина:—я, слава Богу, не имѣла въ моей жизни такого опыта, но... я кое-что видѣла и знаю, что обо всемъ этомъ всякой женщины надо думать прежде, чѣмъ съ нею что-нибудь случится.

— А если бы съ вами что-нибудь такое случилось прежде, чѣмъ вы получили опытъ и стали такъ разсуждать? Неужто вы не спѣшили бы, по крайней мѣрѣ, хоть поправить вану ошибку?

— Если бы... Я вамъ скажу откровенно: я не могу думать, чтобъ это случилось, потому что я... стара и трусиха; но если бы со мною случилось такое несчастіе, то, смѣю васъ увѣрить, я не захотѣла бы искать спасенія въ поворотѣ назадъ. Это проводится въ иныхъ романахъ, но и тамъ это въ честныхъ людяхъ производитъ отвращеніе и отъ героинь, и отъ автора, а въ жизни... не дай Богъ мнѣ видѣть женщины, которую, какъ Катя Форова говорила: «повозятъ, повозятъ, назадъ привезутъ».

— Другими словами: вы оправдываете упорство Ларисы оставаться въ связи съ Гордановымъ?

— Я одобряю, что она предпочитаетъ муки страданія малодушному возвращенію. Пусть мужъ Лары проститъ ее и позоветъ къ себѣ, — это ихъ дѣло; но самой ей возвращаться послѣ того, что было... это невозможно безъ потери послѣдняго къ себѣ и къ нему уваженія. Притомъ же она еще, можетъ-быть, любить Горданова.

Бодростина покачала головой и томно проговорила:

— Къ чему можетъ вести такая любовь? Только къ вѣчной гибели, къ аду, гдѣ нѣтъ ни раскаянія, ни исправленія.

Александра Ивановна прервала потокъ краснорѣчія Глафиры, замѣтивъ, что она высказалась не противъ раскаянія, а противъ перевертничества и отступничества и, такъ сказать, исканія небесныхъ благъ земными путями; изъ чего выходило, что Синтянина, вовсе не желая бросить камней въ огородъ Бодростинной, безпрестанно въ него попадала. Лѣвый глазъ Глафиры потерялъ спокойствіе и забѣгалъ какъ у конки: она не выдержала и назвала правила Синтянинной противными требованію общественной нравственности, на что та въ свою очередь сказала, что требованіе переходовъ и возвратовъ противно женской натурѣ и невыполнимо въ союзѣ такого свойства, какъ супружество. Короче, эти двѣ дамы посчитались до того, что Бодростина наконецъ сказала, что теорія Синтянинной, конечно, выгоднѣе и пріятнѣе, ибо жить безнаказанно съ кѣмъ *хочешь* вмѣсто того, чтобы жить съ кѣмъ *должно*, это все, чего можетъ пожелать современная разнузданность.

Генеральшѣ кровь слегка стукнула въ виски, она удержала себя и отвѣтила только, что безнаказанно жить съ кѣмъ должно для честной женщины невозможно, потому что такая жизнь всегда болѣе или менѣе сама въ себѣ заключаетъ казнь, и свѣтъ, исполняющій въ такихъ случаяхъ роль палача, при всѣхъ своихъ лицемѣрїяхъ, отчасти справедливъ.

— И вы бы его спокойно несли, этотъ судъ?—воскликнула Бодростина.

— Конечно, несла бы, если была бы его достойна.

— И несли бы безропотно!

— На кого же и за что могла бы роптать?

— И вы не пожелали бы сбросить съ себя этой фальши?

— Сбросить? Но зачѣмъ же я могла бы пожелать сбросить то, чего мнѣ гораздо проще было не брать?

— А если бѣ это было нужно для блага того... ну того, кого вы любите, что ли?

Этотъ неловкій вопросъ бросилъ нѣкоторый свѣтъ на то, что сдѣлано съ бѣдной Ларой. Александра Ивановна поспѣшила отвѣтить, что она объ этомъ не думала, но что, вѣроятно, если бѣ оказалось, что ее Богъ наказалъ человекомъ, который, принявши отъ нея любовь, еще готовъ принять и даже потребовать ся отреченія отъ любви къ нему для его счастья, то она бы... пропала.

— Такъ пусть она...—начала-было Бодростина и чуть не договорила: «пусть она пропадетъ», но тотчасъ спохватилась и молвила:—пусть она скрывается пока... пока это все уляжется...

— Это никогда не уляжется въ сердцѣ ея мужа, которое она разбила, какъ дѣвчонка бьетъ глиняную куклу.

— Время,—начала-было Бодростина банальную фразу о всеглаживающемъ времени, но Синягина нетерпѣливо перебила ее замѣчаніемъ, что есть раны, для которыхъ нѣтъ исцѣленія ни во времени, ни въ возвратѣ къ прежнему образу жизни.

Больше ничего не могла обездоленная своею неудачей Александра Ивановна выпытать о томъ, гдѣ находится Лариса. На прощаньи она сдѣлала послѣднюю попытку: скрѣпи сердце, она, во имя Бога, просила Глафиру серьезно допросить объ этомъ Горданова; но та отвѣтила, что она его уже наводила на этотъ разговоръ, но что онъ уклоняется отъ отвѣта.

— Я васъ прошу не «наводить» его, а просто спросить, чтобы онъ отвѣтилъ прямо,—добивалась генеральша, но Бодростина только изумилась: развѣ это возможно!?

— Вѣдь аи fond мы все-таки не имѣемъ права говорить объ ихъ отношеніяхъ,—замѣтила она, и когда Синягина возразила ей на то, что онѣ не дѣти, чтобы не знать этого, то она очень игриво назвала ее циникомъ.

По тѣмъ не менѣе Александра Ивановна все-таки отъ нея не отстала и, чтобы не смущать строгаго цѣломудрія Глафиры, умоляла ее спросить Горданова письмомъ, такъ какъ бумага и перо не краснѣютъ.

— O, ma plume ne vaut rien,—отвѣтила ей рѣшительно Бодростина.

Послѣ этого добиваться было нечего, и дамы простились, но Синтянина, выѣхавъ отъ Бодростиной, не поѣхала домой, а повернула въ городъ, съ намѣреніемъ послать немедленно денешу Форовой. Но тутъ ее освѣтила еще одна мысль: не скрывается ли Лара у самого Горданова, и нѣтъ ли во всемъ этомъ просто-на-просто игры въ жмурки... Изъ-за чего же тогда она встревожить Петербургъ и расшевелить большія раны Форовой и Подозерова?

— Но какъ быть: черезъ кого въ этомъ удостовѣриться? Ни мужъ, ни Форовъ не могутъ ѣхать къ этому герою... Евангель... но его даже грѣхъ просить объ этомъ. И за что подвергать кого-нибудь изъ нихъ такому униженію? Да они и не пойдутъ: мужчины мелочны, чтобы смирить себя до этого... Нечего раздумывать: я сама поѣду къ Горданову, сама все узнаю! Рѣшено: я должна къ нему ѣхать.

И Синтянина круто поворотила лошадь и, хлеснувъ коня, понеслась по тряскому, мерзлomu проселку къ деревушкѣ Горданова.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

### С л ѣ д ъ.

Синтянина не давала отдыха своей лошади, она спѣшила, да и старалась шибкою ѣздой заглушить заговорившій въ ней неприятный голосъ сомнѣнія: хорошо ли она дѣлаетъ, что ѣдетъ въ усадьбу Горданова? Она сама сознавала, что тутъ что-то неладно, что ей ни въ какомъ случаѣ не должно было отваживаться на это посѣщеніе. Но Синтянина старалась не слышать этого голоса и успокоивала себя тѣмъ, что въ поступкѣ ея нѣтъ никакого особаго риска; она надѣялась встрѣтить кого-нибудь изъ людей, дать денегъ и вывѣдать, нѣтъ ли тамъ Лары. Съ небольшимъ въ полчаса она доѣхала до гордановской усадьбы и встрѣтила... самого Павла Николаевича.

Гордановъ въ мѣховомъ архалучкѣ прогуливался съ золотистой борзою собакой. Онъ увидѣлъ Синтянину ранѣе, чѣмъ она его замѣтила, и встрѣтилъ Александру Ивановну въ упоръ, на поворотѣ узкой дорожки.

При приближеніи ея, онъ приподнял фуражку. Синтя-

нина нѣсколько смѣшалась, по остановила лошадь и сдѣлала знакъ, что хочетъ съ нимъ говорить.

Гордановъ перепрыгнулъ черезъ канаву и подошелъ къ ей тюльбюри.

— Васъ можетъ нѣсколько удивить, если я вамъ скажу, что я пріѣхала къ вамъ,—начала генеральша.

— Нимало, — отвѣчалъ Гордановъ: — очень радъ, чѣмъ могу вамъ служить?

— Я хочу знать, гдѣ Лара?

— Пожалуйста, войдемте ко мнѣ.

«Ага! Такъ вотъ гдѣ она! Мои догадки меня не обманули!» — подумала Синтянина.

Они тронулись рядомъ къ дому: генеральша ѣхала по дорогѣ, а Гордановъ шелъ по окраинѣ. Онъ казался очень грустнымъ и задумчивымъ; они другъ съ другомъ ничего не говорили.

У крыльца онъ велѣлъ челоуѣку принять лошадь Синтяниной и, введя ее въ маленькую гостиную, попросилъ подождать. Генеральша осталась одна. Прошло нѣсколько минутъ. Это ей было неприятно, и у нея мелькнула мысль велѣть подать свою лошадь и уѣхать, но въ эту самую минуту въ комнату вошелъ переродѣтый Гордановъ. Онъ извинился, что заставилъ себя ждать, и спросилъ, чѣмъ можетъ служить.

— Гдѣ же Лара?—обратилась къ нему нетерпѣливо Синтянина.

— Присядьте на одну минут

Генеральша опустила на диванъ и снова повторила свой вопросъ.

— Мнѣ не легко отвѣчать вамъ на это, — началъ тихо Гордановъ.

— Какъ! развѣ ей здѣсь нѣтъ?

— Здѣсь?.. Съ какой же стати?

— Съ какой стати? — воскликнула, вскочивъ съ мѣста, Синтянина и, вся покраснѣвъ отъ гнѣва и досады, строго спросила:—Что жъ это значить, господинъ Гордановъ?

— А что такое-съ?

— Зачѣмъ же вы пригласили меня взойти въ этотъ домъ?

— Извините, я не имѣю обычая говорить у порога съ тѣми, кто ко мнѣ пріѣзжаетъ. Вы пріѣхали, я васъ вѣжливо принялъ, и только.

— И только,—повторила, отворетаясь отъ него, генеральна и пошла къ двери, но здѣсь на минуту остановилась и сказала:—будьте по крайней мѣрѣ великодушны: скажите, гдѣ вы ее оставили?

— Не имѣю причинъ скрыватья. Я оставилъ ее въ Яссахъ.

— Въ Яссахъ?

— Да.

— Вы... это серьезно говорите?

— Къ чему мнѣ лгать? — отвѣчалъ, пожавъ плечами, Гордановъ.

Синятиина ничего болѣе не добилаь, вышла, спросила себѣ свою лошадь и уѣхала.

На дворѣ уже было около пяти часовъ, и осеннее небо начало темнѣть, но Синятиина рассчитывала, что она еще успеетъ до темноты доѣхать до города и послать телеграмму Форовой въ Петербургъ, а затѣмъ возьметъ съ собою Филетера Ивановича и возвратится съ нимъ къ себѣ на хуторъ.

Выѣхавъ съ этимъ расчетомъ изъ гордаповской усадьбы, она повернула къ городу и опять не жалѣла лошади, но сумерки летѣли быстрѣе коня и окутали ее темнымъ туманомъ прежде, чѣмъ она достигла того брода, у котораго читатель нѣкогда видѣлъ ее въ началѣ романа бесѣдовавшею съ Катериной Астафьевной.

Молодая женщина ѣхала въ больномъ смущеніи и отъ приѣма Горданова, и отъ раскаянія, что она сдѣлала этотъ неосторожный визитъ, и отъ извѣстія объ Яссахъ. Какая цѣль оставаться Ларисѣ?

— Это невѣроятно, это невозможно! Тутъ непременно должна скрыватья какая-то темная тайна; но какая?

Подъ вліяніемъ своихъ мыслей, Александра Ивановна и не замѣтила какъ совсѣмъ смерклоь, и была очень испугана, когда ея опытный конь, достигнувъ брода и продавивъ передними ногами покрывавшій рѣку толкій ледокъ, вдругъ испугался, взвился на дыбы и чуть не выронилъ ее, а въ эту же минуту предъ нею точно выплылъ изъ морознаго тумана Свѣтозаръ Водопьяновъ.

Синятиина раздѣляла со многими нѣкоторое безпокойство при видѣ этого чудака ли, шута, или ясновидящаго, но вообще страннаго и тяжело, словно магнетически дѣй-

ствующаго человѣка. Тѣмъ болѣе не принесъ онъ ей особаго удовольствія теперь, когда такъ внезапно выдѣлился изъ тумана, крикнулъ на ея лошадь, крикнулъ самой ей «берегись» и опять спикъ, точно слился съ тѣмъ же туманомъ.

— Онъ ли это, то-есть самъ ли это Сумасшедшій Бедуинъ, или это мнѣ показалось? Фу! а первы между тѣмъ такъ и заговорили и по всей потянуло холодомъ.

Синтянина хлеснула вожжей и, переѣхавъ рѣку, остановилась у знакомаго намъ форовскаго домика: она хотѣла посоветоваться съ майоромъ, наняться у него тѣлаго чаю, составить депешу и, отпавивъ ее съ помощью Филетера Ивановича, уѣхать съ нимъ вмѣстѣ домой. Но, къ сожалѣнiю, она не застала майора дома: служанка майора сказала ей, что за нимъ часть тому назадъ приходилъ слуга изъ Борнесоглѣбской гостиницы. Эта самая обыкновенная вѣсть подѣйствовала на Синтянину чрезвычайно странно, и она тотчасъ же, какъ только ей подали самоваръ, послала въ эту гостиницу просить Форова немедленно придти домой, по посланная женщина возвратилась одна съ клочкомъ гризной бумажки, на которой рукой Филетера Ивановича было написано: «Не могу идти домой,—сиѣните сами сюда, здѣсь слово и дѣло».

Записка эта еще больше увеличила безпокойство генеральши: лаконизмъ, хотя и свойственный манеръ Филетера Ивановича, показался ей въ этотъ разъ какъ-то необычаенъ и многозначителенъ: не могъ же Форовъ вызвать ее въ гостиницу для пустяковъ!

«Это непременно должно касаться Ларисы», рѣшила Синтянина и, закутавшись вуалемъ, пошла въ сопровожденiи служанки.

## ГЛАВА ПЯТАЯ.

### Лара отыскана и устроена.

Дойдя подъ порывами осенняго вѣтра до темнаго подъѣзда гостиницы, Синтянина остановилась внизу, за дверью, и послала пришедшую съ нею женщину наверхъ за майоромъ, который сiю же минуту показался наверху тускло-освѣщенной лѣстницы и сказалъ:

— Скорѣе, скорѣе идите: здѣсь Лара!

Генеральша вбѣжала на лѣстницу и бросилась въ указанную ей Форовымъ слабо освѣщенную узкую комнатку.

Лариса сидѣла на кровати, предъ печкой, которая топилась, освѣщая ея лицо неровными пятнами; руки ея потерянно лежали на колѣняхъ, глаза смотрѣли устало, но спокойно. Она перемѣнилась странно: это были какіе-то останки прежней Лары. Увидя Синятинину, она черезъ силу улыбнулась и затѣмъ осталась безчувственною къ волненію, обнаруженному генеральней: она давала ласкать и цѣловать себя, и сама не говорила ни слова.

— Боже! какъ ты здѣсь и затѣмъ ты здѣсь?—наконецъ спросила ее Синятинина.

— Гдѣ же мнѣ теперь быть? — отвѣчала, затруднилась, Лара.

Синятинина поняла, что она сказала нѣкоторую неловкость, и очень обрадовалась, когда Форовъ заговорилъ противъ намѣренія Ларисы оставаться въ этой гадкой гостиницѣ и нежеланія ея перейти къ нему, въ спальню Екатерины Астафьевны; но Лариса въ отвѣтъ на все это только махала рукой и наконецъ сказала:

— Идѣть, дядя, идѣть, оставьте объ этомъ... Мнѣ вездѣ хорошо: я уже ко всему привыкла. И ты, Alexandrine, тоже не безпокойся,—добавила она и, нѣжно пожавъ ея руку, заключила:—комната сейчасъ согрѣется и я усну: мнѣ очень нуженъ покой, а завтра меня навѣстятъ, и вы, дядя, тоже зайдите ко мнѣ... Я вамъ дамъ знать, когда вы можете ко мнѣ придти.

Синятинину она не пригласила къ себѣ и даже не спросила у нея ни о комъ и ни о чемъ... Глядя на Лару, по ея лицу нельзя было прочесть ничего, кромѣ утомленія и нѣкоторой тревоги. Она даже видимо выживала отъ себя Синятинину, и когда та съ Форовымъ встали, она торопливо пожала имъ на порогъ руки и тотчасъ же повернула въ двери ключъ.

— Хотѣла или не хотѣла она меня видѣть?—спросила Синятинина у Филетера Ивановича, очутясь съ нимъ на улицѣ.

— Да, когда я сказалъ ей, что вы меня зовете и что не лучше ли позвать васъ къ ней, она отвѣчала: «пожалуй», и вслѣдъ затѣмъ Форовъ разсказалъ, что Лариса пріѣхала вечеромъ, выбрала себѣ эту гадкую гостиницу сама, прислала за нимъ полового и просила его немедленно



же, сегодня вечеромъ, извѣститъ о ея прїѣздѣ брата или Горданова.

— Къ кому же вы поѣдете?

— А ужъ, конечно, возьму сейчасъ извозчика и поѣду въ Рыбачье къ Висленеву, пусть онъ самъ извѣщаетъ своего друга.

— Да, не ѣздите къ Горданову.

— Еще бы, онъ, подлець, меня собаками затравить, да скажетъ, что это случай. Висленевъ, по крайней мѣрѣ, гадина беззубая, а впрочемъ, я бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобъ одинъ изъ нихъ былъ повѣшенъ на кшикахъ другого.

Майоръ и генеральша рѣшили не посылать депеши, чтобы не смущать Подозерова, а написали простое извѣщеніе Форовой, предоставляя ей усмотрѣнію сказать или не сказать мужу Лары о ея возвращеніи, и затѣмъ уѣхали. Филетеръ Ивановичъ почевалъ въ кабинетѣ у генерала и рано утромъ отправился къ Бодростинымъ для переговоровъ съ Висленевымъ, а къ вечеру возвратился съ извѣстіемъ, что онъ ѣздилъ не по что и привезъ ничего.

По его разсказу выходило, что внезапное прибытіе Ларисы никого не удивило и не тронуло.

— Даже посылать, — говорилъ онъ: — не хотѣли, и я ничего бы не добился, если бы не секретарь Ропшинъ, который, провозжая меня, далъ слово немедленно послать Горданову извѣщеніе о прїѣхавшей. Форовъ утверждалъ, что бѣдный чухонецъ чрезвычайно радъ этому случаю и видитъ въ Ларисѣ громоотводъ отъ Павла Николаевича.

Прошла недѣля, въ теченіе которой Снитянина волювалась за Лару, но уже не рѣшалась пытаться ни на какое съ нею сближеніе, и на хуторѣ появился Форовъ съ новыми и страшными новостями: у Горданова оказалась въ городѣ очень хорошая квартира, въ которой онъ, однакоже, не жилъ. Въ ней-то, ко всеобщему удивленію, и помѣстилась Лариса.

Снитянину не поразило, что разойтись съ Ларой было противно планамъ Горданова, но она не могла постичь, какъ онъ и Лара признали удобнымъ поселиться *maritalement* здѣсь, въ губернскомъ городѣ, гдѣ подобное положеніе для женщины должно быть гораздо неспоснѣе, чѣмъ въ столицѣ. Но тѣмъ не менѣе Филетеръ Ивановичъ не

путить: Гордановъ дѣйствительно устроился вмѣстѣ съ Ларой.

Это произвело на Синтянину самое непріятное впечатлѣніе, и она изъ-за этого поспорила съ майоромъ, который находилъ, что это все равно, какъ они теперь будутъ жить...

— Совсѣмъ пѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Зачѣмъ они вернулись сюда, въ этотъ городишко? Зачѣмъ они не остались за границей или въ Петербургѣ, гдѣ ей было бы гораздо легче?.. Зачѣмъ онъ ее притащилъ сюда напоказъ... Да, да, именно напоказъ!—горичилась Александра Ивановна.

Черезъ нѣсколько дней она узнала отъ майора, что *Гордановы* (то-есть Гордановъ и Лара) живутъ прекрасно, что дѣлали вечерокъ, на которомъ были кой-кто изъ служебной знати, и Лариса держалась открыто хозяйкой.

— И что васъ это такъ удивляетъ?—сказала Филстеръ Ивановичъ, замѣтивъ смущеніе на лицѣ Синтяниной: — развѣ же она на самомъ дѣлѣ не хозяйка? Не все ли равно, «и съ трубами свадьба, и безъ трубъ свадьба». Но эта «безтрубная свадьба» не успокоила его собесѣдницу, и та только пыталась себя: зачѣмъ они бравировутъ? Гордановъ, повидимому, просто *щеголетъ Ларой*, но она...

Синтяниной хотѣлось знать: неужто Лара спокойно принимаетъ обидное снисхожденіе своихъ мужскихъ гостей? Майоръ этого не умѣлъ рассказать, но зато онъ сообщилъ, что Висленевъ тоже былъ на шире «безтрубной свадьбы» сестры и, говорятъ, очень всѣхъ забавлялъ и дѣлалъ различные спиритскія прорицанія.

«Бѣдный Жозефъ! — подумала Александра Ивановна:— скоро его, должно быть, ужъ заставить для общей потѣхи подъ бильярдомъ лазить... И какъ все это быстро идетъ съ нимъ, и невозможно, чтобъ это скоро не пришло къ какой-нибудь рѣшительной развязкѣ».

## ГЛАВА ШЕСТАЯ.

### Битый небитаго везеть.

Александра Ивановна каждый день ждала новостей, и онѣ не замедлили. Черезъ недѣлю она услышала, что Лариса покинула свою городскую квартиру и спѣшно уѣхала къ Бодростинымъ, гдѣ съ Гордановымъ случилось несчастье: онъ ходилъ на охоту и, перелѣзая гдѣ-то черезъ пле-

тень, зацѣпилъ куркомъ ружья за хворостину и выстрѣлилъ себѣ въ руку. Еще три дня спустя рано утромъ, крестьянскій мальчикъ изъ Рыбацкаго доставилъ генеральнѣ записку, писанную карандашомъ незнакомою рукой, но подписанную именемъ Ларисы. Въ запискѣ этой Лара умоляла немедленно поѣхать къ ней, потому что умираетъ и хочетъ что-то сказать. Подписано имя Лары, но рука не ея. Это поставило Синяшину въ затрудненіе. Но наводитъ справки было некогда, Александра Ивановна сейчасъ же послала лошадь за Форовымъ, и какъ только майоръ прѣхалъ, вмѣстѣ отправились въ Рыбацкое. Одна она не могла рѣшиться туда ѣхать. Ее вводилъ въ сомнѣніе незнакомый почеркъ, очевидно торопливо и едва ли не подъ страхомъ тайны писаннаго письма, и ей про всякій случай необходимою казалась помощь мужчины.

Когда они доѣхали до Рыбацкаго, короткій осенній день уже началъ меркнуть. Въ окнахъ бодростинскаго дома свѣтились огни. На крыльцѣ прѣзжіе встрѣтились со слугами, которые бѣжали съ пустою суповою вазой: господа кушали. Въ передней, гдѣ они спросили о здоровьѣ Ларисы, изъ столовой залы былъ слышенъ говоръ многихъ голосовъ, между которыми можно было отличить голосъ Висленева. О прѣзжихъ, вѣроятно, тотчасъ доложили, потому что въ залѣ мгновенно стихло и послышался голосъ Глафиры: «проводить ихъ во флигель».

Этотъ странный пріемъ не обѣщаль ничего добраго. Да и чего добраго можно было ожидать для Лары въ этомъ домѣ, куда привелъ ее злой случай?

— Гдѣ она? въ какомъ флигелѣ? — настойчиво спрашивала у слугъ Синяшина, и, получивъ отвѣтъ, что Лара въ тепличномъ флигелѣ, вышла назадъ на крыльцо, обошла полукругъ, образуемый небольшою домовою теплицей, составлявшею зимній садъ при домѣ, и вступила въ совершенно темный подъѣздъ двухъэтажной пристройки, въ концѣ теплицы. Генеральна знала, что эта пристройка и называется тепличнымъ флигелемъ. Ей было извѣстно расположеніе этого высокаго, островерхаго домика, построеннаго навильномъ, въ смѣшанномъ и прихотливомъ вкусѣ. Здѣсь внизу были сѣни, передняя и зала съ широкими окнами. Въ этомъ залѣ была когда-то устроена водолѣчебная для сумасшедшаго брата Бодростина, котораго тутъ лѣчили обли-

ваньями и который здѣсь же и умеръ въ припадкахъ бѣшенства. Синтянина знала эту залу, когда она уже была обращена въ кегельную. Но въ потолкѣ ея еще оставался круглый прорѣзь, черезъ который во время дню изъ соотвѣтствующей комнаты верхняго этажа лили на больного съ высоты воду. Въ верхнемъ этажѣ было пять комнатъ, и всѣ онѣ были теперь заняты библіотекой, съ которою Синтянина была хорошо знакома, потому что, пользуясь позволеніемъ Михаила Андреевича, она даже въ его отсутствіе часто сама брала себѣ отсюда разныя книги. Въ этихъ пяти комнатахъ, расположенныхъ вокругъ залы, той самой, гдѣ оставался незадѣланный прорѣзь, никогда никто не жилъ, и, кромѣ книжныхъ шкафовъ, нѣсколькихъ столовъ и старинныхъ, вышедшихъ изъ моды кресель, табуретокъ, здѣсь не было никакой мебели. Зная все это, Синтянина сообразила, что Ларѣ, да еще больной, здѣсь рѣшительно негдѣ было помѣщаться, и усомнилась, не ослышалась ли она. Но человекъ велъ ее и Форова именно въ этотъ флигель. Онъ велъ ихъ чрезъ темную нижнюю переднюю и такую же темную лѣстницу въ первую библіотечную комнату, гдѣ на старинномъ мраморномъ столѣ горѣла одинокая свѣча въ огромномъ бронзовомъ подсвѣчникѣ съ широкимъ подонникомъ. Въ комнатѣ налѣво дверь была полуотворена и тамъ видѣлся огонь и слышался стукъ ложки о тарелку. Синтянина было направилась къ этой двери, но слуга остановилъ ее и шепнулъ, что «здѣсь баринъ».

— Какой баринъ?

— А Павелъ Николаевичъ Гордановъ-съ,—отвѣчалъ слуга.

— А гдѣ же Лариса Платоновна?

— Онѣ вотъ тутъ-съ,—и съ этимъ онъ показалъ на темную залу, по полу которой изъ дальней комнаты тянулась слабая полоса закрытой зонтикомъ свѣчи.

Синтянина начала быстро снимать верхнюю одежду, чтобы не входить къ больной въ холодномъ платьѣ. Когда она отдавала на руки слугѣ свои вещи, изъ комнаты Павла Николаевича вышелъ другой слуга съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стояла посуда, и въ отворенную дверь предъ нею мелькнулъ самъ Гордановъ; онъ былъ одѣтъ въ томъ мѣховомъ архалучкѣ, въ которомъ она его встрѣтила у его усадьбы и, стоя посреди устиланнаго всю комнату пушистаго ковра, чистилъ лѣвою рукой перышкомъ зубы,

между тѣмъ какъ правая его рука очень интересно покоилась на бѣлой перевязи черезъ грудь и лѣвое плечо.

Синтянина прошла чрезъ комнату, гдѣ горничная дѣвушка, нагнувшись надъ тазомъ, набивала рубленымъ льдомъ гуттаперчевый пузырь, — дальше была комната, въ которой лежала Лариса... Боже, но Лариса ли это? Даже противъ того, какою Синтянина видѣла ее нѣсколько дней тому назадъ, ее нельзя узнать: только глаза да очертанія, но ни свѣжести, ни молодости нѣтъ и тѣни... Она лежала навзничъ съ неподвижно уложенною среди подушки головой, съ лицомъ и глазами, устремленными въ ту сторону, откуда должна была войти гостья, и хотѣла привѣтствовать ее улыбкой, но улыбки не вышло, и она поспѣшила только попросить у Александры Ивановны извиненія, что ее безпокоила.

— Что ты, Богъ съ тобою, Лара, есть ли о чемъ говорить! — отвѣчала Синтянина, подавая ей обѣ руки, изъ которыхъ она только до одной коснулась слабою, дрожащею рукою, вытянувъ ее съ усиліемъ изъ-подъ одеяла.

— Нѣтъ, я виновата, потому что я Богъ знаетъ изъ-за чего испугалась и все преувеличила.

— Но что же такое съ тобою: чѣмъ ты больна?

— Пустяки; я хотѣла сбѣжать съ лѣстницы, спотыкнулась, упала и немножко зашибла себѣ плечо... а потомъ... — Она вдругъ потянула къ себѣ Синтянину за руку и прошептала: — Бога ради не говори, что я за тобой послала, по ночуй здѣсь со мной, Бога ради, Бога ради!

Синтянина въ отвѣтъ сжала ее руку.

Здороваясь съ Форовымъ, Лариса повторила, что она упала съ лѣстницы.

— И вывихнули плечо? — договорилъ майоръ. — Гм!.. обыкновенно при этихъ случаяхъ ломаютъ руки или ноги, иногда ребра, но плечо... это довольно удивительно.

Лара слегка смѣшалась, а Форовъ, вертя себѣ толстую папироску, продолжалъ развивать, гдѣ, въ какихъ мѣстахъ обыкновенно всего чаще и всего естественнѣе бываютъ вывихи и переломы при паденіяхъ съ лѣстницъ, и затѣмъ добавилъ, что о вывихѣ плеча при подобномъ казусѣ онъ слышитъ первый разъ въ жизни.

Въ моментъ заключенія этихъ разсужденій въ комнату вошла горничная съ пузыремъ льда, который надо было

положить Ларисѣ на больное мѣсто, и Форовъ съ своею толстою папиросою долженъ былъ удалиться въ другую комнату, а Синтинина, ставъ у изголовья, помогла горничной приподнять голову и плечи больной, которая рѣшительно не могла ворохнуться, и при всей осторожности горничной глухо застонала, закусивъ губу.

Было ясно, что съ нею случилось нѣчто необычайное, что она скрывала, сваливая на паденіе съ лѣстницы.

Не успѣли уложить Лару, какъ въ комнату ея вошла Бодростина: она очень ласково повидалась съ Синтининой, заинтересовалась здоровьемъ Ларисы и, выходя, дала понять Александрѣ Ивановичу, что желала бы съ нею говорить. Та встала, и онѣ вышли въ сосѣдную комнату.

— Она, слава Богу, безопасна, — начала Бодростина.

— Да, но я и Филетеръ Ивановичъ рѣшились не оставлять Ларису, пока ей будетъ лучше; надѣюсь, вы позволите.

Бодростина благодарила въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, и рассказала, что она не знаетъ, какъ упала Лара, потому что это какъ-то случилось ночью: она хотѣла что-то пригнѣсть или кого-то позвать снизу къ больному, и оступилась; но, добавила она, — гораздо опаснѣе самъ Гордановъ, и что всего хуже, онъ раненъ и не хочетъ лѣчиться.

— Отчего же?

— Богъ ихъ знаетъ: они оба стали какіе-то чудаки. Я имѣю нѣкоторыя подозрѣнія... мнѣ кажется, что этотъ выстрѣлъ не случайность. Тутъ не безъ причины со стороны этой Ларисы. Она не ужилась со своимъ первымъ мужемъ и, кажется, не уживется и со вторымъ.

Генеральна хотѣла остановить Бодростину: почему она называетъ Горданова *вторымъ* мужемъ Лары, но оставила это и спросила: что же такое было?

— Я ничего навѣрное не знаю; но у нихъ въ городѣ былъ вечеръ, на которомъ были очень многіе и, между прочимъ, какой-то пріѣзжій художникъ или что-то въ этомъ родѣ, и я думаю, что они поссорились за Лару.

— Другими словами, вы думаете, что это была дуэль?

— Быть-можетъ. Признаюсь, Лариса удивительно не ловка въ своихъ дѣлахъ.

И Бодростина съ этимъ вышла.

На прощаньи она добавила, что ей все это очень не-

приятно видѣть въ своемъ домѣ, но что, конечно, пока Синтянина здѣсь, разстоянія между домомъ и флигелемъ не существуетъ.

Изъ этого генеральна легко могла заключить, что безъ нея между домомъ, гдѣ обитаетъ чистая Глафира, и флигелемъ, гдѣ мѣстится порочная Лара, ископана цѣлая пропасть... Вѣдная Лара!

Александра Ивановна съ нетерпѣніемъ ожидала ночной тишины; надѣясь, что Лариса ей что-нибудь расскажетъ.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

### Бесѣды Сумасшедшаго Бедуина.

Синтянина не ошиблась: Лара сама искала объясненія, и чуть только Синтянина появилась въ ея комнатѣ, она закивала ей головой и зашептала:

— Слушай, слушай, Саша! это все ложь, все неправда, что они хотятъ сочинять.

Лара была въ волненіи, и Синтянина просила ее успокоиться, но та продолжала:

— Нѣтъ, нѣтъ, я должна это сказать: я упала не съ лѣстницы... Это было другое, совсѣмъ другое; я не скажу этого, но ты сама... я слышала... ть-ть... Тутъ какія-то говорящія стѣны... Здѣсь сегодня-завтра будутъ... убивать.

— Убивать! что ты? Богъ съ тобою.

— Да!

— Кого же? кого?

Лара схватила ее рукой и, привлекиши къ себѣ, прошептала: «Придвинься ближе. Онъ говоритъ, стрѣлялся за меня, все вздоръ... Его рука здорова, какъ моя, я это видѣла, и вотъ...»

Лара просунула дрожащую руку подъ изголовье, достала оттуда отрѣзанный рукавъ мужской сорочки и, подавая его своей собесѣдницѣ, молвила: «вотъ она, кровь, за меня пролитая».

Эта «кровь» была обыкновенное красное чернило: въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Лара отвернулась въ сторону и не смотрѣла.

Синтянина держала рукавъ и недоумѣвала: для чего нужна Горданову эта фальшивая рана?.. Прежде чѣмъ она успѣла придти къ какому-нибудь заключенію, ее пришли

звать къ чаю. Такъ какъ она отказалась идти въ домъ, то Глафира приказала сказать, что, желая быть вмѣстѣ съ Александрой Ивановной, она велѣла подать чай въ одной изъ залъ павильона.

Какъ это ни было неприятно для генеральши, но уклониться уже было невозможно, и черезъ полчаса она должна была выйти въ ярко освѣщенную библиотечную комнату, окна которой были завѣшаны темными коленкоровыми шторами.

Тутъ былъ сервированъ чай и собралось общество, состоящее изъ самого Михаила Андреевича, Горданова съ подвязанною рукой, Висленева и Сумасшедшаго Бедуина, котораго Снитянина никакъ не ожидала встрѣтить и который, раскланиваясь съ нею, объявилъ, что очень радъ увидѣть ее предъ своимъ воскресеніемъ.

Несмотря на близкое присутствіе больной, гости и хозяйка были довольно спокойны; а Висленевъ казался даже нѣсколько искусственно оживленъ и, не глядя въ глаза Снитяниной, все заводилъ рѣчь о какомъ-то извѣстномъ ему помещикѣ, который благословилъ дочь-дѣвушку за женатого и самъ ихъ выпроводилъ.

Жозефъ этимъ хотѣлъ, повидимому, оправдать свои отношенія къ сестрѣ и Горданову, но его трудъ былъ тщетен: ни Снитянина и никто другой его не слушали. Разговоръ держался то около дѣлъ завода, устраиваемаго Бодростиннымъ и Гордановымъ, то около водопьяновскаго «воскресенія изъ мертвыхъ», о которомъ тотъ говорилъ нынче съ особенною пріятностью.

Снитянина менѣе слушала, чѣмъ наблюдала, и ее особенно занимало, какъ Гордановъ, будучи утонченно холоденъ къ ней, въ то же время интересничалъ съ своею подвязанною рукой.

Межъ тѣмъ общій шуточный разговоръ свернулъ на шуточный предметъ, на который чаще всего сбивались всѣ рѣчи при Водопьяновѣ: заговорили о смерти.

Снитянина находила этотъ разговоръ нѣсколько неудобнымъ для слуха большой и, вставъ, опустила тихонько дверныя портьеры. Глафира поняла это и, чтобы дать иной тонъ рѣчи, шуточно просила Водопьянова, потчуй его чаемъ, «попробовать передъ смертью положить себѣ въ этотъ чай рому», а онъ отвѣчалъ ей, что онъ «попробуетъ предъ смертью чаю безъ рому».



Глафира относилась къ Водошнянову нѣсколько свысока и вызывала его на споры о его спиритскихъ вѣрованіяхъ съ ироніей. Она какъ будто давала ему чувствовать, что она здѣсь настоящая спиритка, а онъ не спиритъ, а просто какой-то блаженной дурачокъ. Сумасшедшій Бедуинъ нимало на это не гнѣвался, но отвѣчалъ на слова Бодростинной пехотно и болѣе говорилъ съ Филетеромъ Ивановичемъ, который, находясь здѣсь почти поневолѣ и постоянно отворачиваясь отъ Жозефа и отъ Горданова, былъ очень радъ спорить о вещахъ отвлеченныхъ и, въ качествѣ «грубаго матеріалиста и нигилиста», не обинуясь, называлъ спиритизмъ вздоромъ и химерой. Они спорили жарко, касаясь самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Водошняновъ ловко подбиралъ доводы къ своимъ положеніямъ; исторія гражданская и библейская давали ему бездну примѣровъ участія неизвѣстныхъ намъ силъ въ дѣлахъ смертныхъ, при чемъ онъ съ удивительною памятливію перечислялъ эти явленія; въ философіи разныхъ эпохъ онъ черпалъ доказательства вѣчности духа и неземного его происхожденія; въ религіяхъ находилъ сходство со спиритскими вѣрованіями. Говоря о естествовѣдѣніи, намѣчалъ усовершенствованія и открытія, которыя, по его мнѣнію, уже становились на очередь: утверждалъ, что скоро должны произойти великія открытія въ аэронавтикѣ, что разъяснится сущность электрической и магнитной силъ, послѣ чего человѣческое слово сдѣлается лишнимъ, и всѣ позднѣйшіе люди будутъ понимать другъ друга безъ словъ, какъ теперь понимаютъ только влюбленные, находящіеся подъ особенно сильнымъ тяготѣніемъ противоположныхъ токовъ. Окончивъ съ землей, онъ пустился путешествовать по мірамъ и носилъ за собою слушателей; соображалъ, гдѣ какая организація должна быть пригодною для воплощеннаго тамъ духа; хвалилъ жизнь на Юпитерѣ; мечталъ, какъ онъ будетъ переселяться на планеты, и представлялъ это для человѣка такимъ высокимъ блаженствомъ, что Синтинна невольно воскликнула:

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо бы, если бъ это было такъ!

— Это непременно такъ,—утвердилъ Водошняновъ:—мы воскреснемъ и улетимъ-съ!

— И если бъ умирать было легко,—вставилъ Бодростинъ.

— Умирать совершенно легко,—отвѣчалъ ему Свѣтозаръ.

— А зачѣмъ же болѣзнь?

— Болѣзнь это хорошо: это узелъ развязывается,—худо, если онъ рвется.

И съ этимъ онъ заговорилъ туманными фразами о томъ, что душа оставляетъ тѣло раиѣ видимой смерти; что ея уже нѣтъ съ тѣломъ во время агоніи, и что потому-то умирать очень не трудно.

— А потомъ... потомъ,—заговорилъ онъ:—если связь духа разорвана мгновенно, какъ при насильственной смерти, то онъ не знаетъ, куда ему дѣться, и стоитъ надъ своимъ тѣломъ, слушаетъ молитвы, смотритъ на свой гробъ и сопровождаетъ свою погребальную процессію и всехъ беспокоитъ и самъ себя не можетъ понять.

— Онъ такъ можетъ кого-нибудь испугать,—пошутилъ Гордановъ.

— А можетъ,—отвѣчалъ, вздыхая и закативъ глаза, Водопьяновъ:—очень можетъ, ужасно можетъ. Ему даже есть до этого дѣло.

Въ эту минуту на фронтонѣ дома пробило 8 часовъ. Висленевъ при первомъ звукѣ этого боя поблѣднѣлъ и хотѣлъ вынуть свои часы, но, взглянувъ на Бодростину, остановился, удержавъ руку у сердца. Въ это же мгновеніе и въ комнатѣ Лары послышался тревожный, дребезжащій звонъ колокольчика.

Синтянина бросилась къ больной, и застала ее разбросавшею ледъ и одѣяло.

— Что... било восемь часовъ?—заговорила, порываясь съ постели, Лариса и, получивъ подтвержденіе, спросила Синтянину:—гдѣ братъ? гдѣ Иосафъ?

— Тамъ сидитъ, гдѣ и все... за чаемъ...

— Бога ради иди же туда... иди, иди скорѣе туда, и пусть онъ будетъ тамъ, гдѣ и все.

Синтянина хотѣла что-то возразить, хотѣла помочь Ларисѣ снова улечься, но та нетерпѣливо замахала рукой, и, задыхаясь, показала ей на двери.

Генеральша повиновалась и выпила, но когда она воротилась къ оставленному ею на минуту обществу, Иосафа Висленева тамъ уже не было.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

### Свѣтозарово воскресенье.

Печезновеніе Жозефа смутило Александру Ивановну, по

она ничего не могла сдѣлать. Не идти же ей въ самомъ дѣлѣ тревожить больную Лару. Разговоръ и безъ него продолжался не прерываясь. Бодростинъ съ Гордановымъ толковали о ихъ фабриктъ бульона и мисныхъ консервовъ, которая служила пугаломъ для крестьянъ, приписывавшихъ пагубному скоту начавшійся коровій падежъ.

Бодростинъ кряхтѣлъ отъ этого скотскаго падежа и съ неудовольствіемъ слушалъ разсказъ, что мужики коздуютъ, и самъ говорилъ, что когда онъ возвращался прошедшею ночью съ фабрики, его странно перепугали бабы, которыя, несмотря на теперешніе холода, были обнажены и, распустивъ волосы, со стономъ и крикомъ онахивали деревню.

— Вотъ и нынче та же комедія: староста просилъ меня те выѣзжать въ это время.

— Отчего же?

— Чортъ ихъ знаетъ: онъ говоритъ: «не ровень часть». Случай, говоритъ, гдѣ-то былъ, что бабы убили приказчика, который имъ попался навстрѣчу: эти дуры думаютъ, что «коровья смерть» приидывается мужчиной. Вотъ вы, любезный Свѣтозаръ Владеновичъ, какъ спеціалистъ по этой части... Ага! да онъ спитъ.

Водошняновъ молчалъ и сидѣлъ, закрывъ глаза и оцуптивъ на грудь голову.

Бодростинъ громко назвалъ Водошнянова по имени.

Сумасшедшій Бедуинъ поднялъ съ сонныхъ глазъ вѣки и, взглянувъ на всѣхъ точно онъ проспалъ столѣтіе, какъ славный Потокъ-богатырь, всталъ и пошелъ въ смежную круглую залу.

— Онъ непременно исчезнетъ,—пошутила Глафира и, поднявшись, пошла за нимъ слѣдомъ, но, подойди съ улыбкой къ порогу круглой залы, внезапно отступила съ шумомъ назадъ и воскликнула:

— Что это такое?

Вся зала была освѣщена черезъ свой стеклянный куполъ ярко нупцовымъ свѣтомъ. Водошнянова не было, но зато старинныя кресла отъ стѣны поили на средину вмѣстѣ съ ковромъ, покрывавшимъ комнату и, ударяясь другъ о друга, быстро летѣли съ шумомъ одно за другимъ внизъ.

— Великій Боже! онъ провалился въ люкъ!—воскликнула Бодростина и, въ сопровожденіи подбѣжавшихъ къ ней мужа и гостей, кинулась къ прорѣзу, черезъ который увидала

внизу освѣщенную тѣмъ же краснымъ освѣщеніемъ какую-то фантастическую лучу, изъ которой выбивался Сумасшедшій Бедуинъ, и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на зовъ его сверху, вышелъ въ двери смежной комнаты нижняго этажа. Онъ все это сдѣлалъ очень быстро и съ какою-то борьбой, межъ тѣмъ какъ на ярко освѣщенномъ лицѣ его сверкали рѣзкія огненные линіи.

— Я вамъ ручаюсь, что онъ ушелъ,—воскликнула, оборотясь къ мужу, Глафира, но тотъ, вмѣсто отвѣта, обратилъ вниманіе на страшное освѣщеніе комнаты.

— Это непременно пожаръ!—воскликнулъ онъ, бросясь къ завѣшаннымъ окнамъ, и отдернулъ занавѣсу: въ открытое окно ярко свѣтило красное зарево пожара.—И сейчасъ за рощей: это горитъ наша фабрика! Лошадь, скорѣе мнѣ лошадь!

Глафира его удерживала, но онъ ея не послушалъ, и черезъ минуту всѣ мужчины, за исключеніемъ Горданова, бросились внизъ, а Синтянина пошла въ комнату, сосѣдную съ той, гдѣ лежала Лариса, и, ставъ у окна за занавѣсу, начала наблюдать разгоравшійся пожаръ. Зарево становилось все ярче; и дворъ, и лѣсъ, и паркъ, — все было освѣщено какъ при самой блестящей иллюминаціи. Синтянина видѣла, какъ Михаилу Андреевичу подали бѣговыя дрожки и какъ онъ пустилъ въ карьеръ лошадь съ самаго мѣста, и въ то же самое мгновеніе она услышала порохъ въ круглой залѣ. Это была Бодростина и Гордановъ. Глафира пріотворила дверь и, увидавъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ, такъ какъ Синтянина стояла за шторой, сказала Горданову:

— Я тренецу, что этотъ дуракъ все испортитъ.

— Нѣтъ, онъ на все рѣшился и хорошо наученъ. Ужъ если удался поджогъ, то что за мудрость выскочить и стать на мосту: онъ увѣренъ, что это безопасно.

Глафира не отвѣчала.

Синтянина стояла ни жива, ни мертва за шторой: она не хотѣла ихъ подслушивать, но и не хотѣла теперь себя обнаружить, да къ этому не было уже времени, потому что въ эту минуту въ воздухѣ раздался страшный трескъ и вслѣдъ за тѣмъ такой ужасающій ревъ, что и Глафира, и Гордановъ бросились въ разные стороны: первая—въ большой домъ, второй—въ свою комнату.

Александра Ивановна выскользнула из-за занавѣсы и, тщательно притворивъ дверь въ комнату больной, открыла настежь окно и въ нѣмомъ ужасѣ прислушивалась къ неопisanному реву и треску, который несся по лѣсу. Ей смутно представлялись слышанныя полуслова и полунамекы; она не могла дать себѣ отчета, долго ли пробыла здѣсь, какъ вдругъ увидала бѣгущую изъ всѣхъ силъ къ дому человѣческую фигуру съ крикомъ: «Убился, упалъ съ моста... нановаль убить!»

Въ этомъ вѣстникѣ Синтянина узнала Висленова. Его окружили нѣсколько человѣкъ и стали разспрашивать: онъ вертѣлся, вырывался и говорилъ торопливымъ голосомъ: «Да, да; я видѣлъ: всѣ кости какъ въ мѣникѣ».

И съ этимъ онъ вырвался и побѣжалъ въ домъ, а изъ лѣса показалась толпа людей, которые несли что-то тяжелое и объемистое.

У Синтяниной замерло дыханіе.

«Кончено,—думала она,—конечно! Вотъ эти намекы: Бодростина нѣтъ болѣе на свѣтѣ!»

Но она ошиблась: изъ толпы, несшей тяжелую ношу, выдѣлился Форовъ и кричалъ навстрѣчу бѣжавшимъ изъ дома людямъ и встревоженной Глафирѣ:

— Успокойтесь, успокойтесь! Есть бѣда, но не та: здѣсь вышла ошибка.

— Какъ, что? Какая ошибка! Это вздоръ; не можетъ быть ошибки! — отвѣчалъ ему Висленевъ, увлекая впередъ подъ руку дрожащую Глафиру.

— Господа, это ошибка! — повторилъ Форовъ:— Михаилъ Андреевичъ живъ, а это упалъ съ моста и до смерти расшибся Водопьяновъ. Его лошадь чего-то испугалась и слетѣла съ нимъ вмѣстѣ подъ мостъ на камни съ восьмисаженной высоты. И вотъ онъ: смотрите его: да, онъ и лошадь мертвы, но его мальчишка даетъ еще признаки жизни.

Между тѣмъ это «темное и объемистое», что несли за Форовымъ, пронесли за самымъ окномъ, и это былъ трупъ Свѣтозара Владеновича.

Вслѣдъ за этимъ ѣхалъ сзади самъ живою Бодростинъ и, громко крича на людей, приказывалъ «нести это въ контору».

— Болван! — послышалось съ зубнымъ скрежетомъ сбоку Синтяниной.

Она оглянулась и увидѣла въ смежномъ окнѣ голову Горданова, который тотчасъ же хлопнулъ рамой и спрятался.

Какъ и что такое случилось?

Говорили, что покойникъ, выйдя изъ дому, позвалъ своего мальчика, сѣлъ на дрожки и поѣхалъ по направленію къ горящей фабрикѣ, гдѣ ему лежала дорога домой, и благополучно достигъ узкаго моста черезъ крутой, глубочайшій оврагъ, усыянный острыми камнями. Но здѣсь лошадь его чего-то испугалась, взвилась на дыбы, кинулась въ сторону; перила ея не удержали, и она слетѣла внизъ и убила, и убила и сѣдоковъ.

— Да и какъ не убитъся,—разсуждали объ этомъ люди:— когда оттуда камень кинешь, такъ чуть не сто перечтешь, пока онъ долетитъ до низу.

— Но чего же могла испугаться лошадь?

Бабы, которыя, колдуя, онашивали коровью смерть на полѣ, откуда мостъ былъ какъ на ладони, видѣли, что на мостъ выбѣжало что-то бѣлое и затѣмъ все уже оставалось покрыто мракомъ.

Въ домѣ повторяли: «какой ужасный случай!»

И это, дѣйствительно, былъ случай, но не совсѣмъ случайный, какъ думала Синтянина и какъ еще тверже знала Лариса: это была только *ошибка*.

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

### Дѣло темной ночи.

Внезапная смерть Водошнянова произвела самое тягостное впечатлѣніе не только на весь бодростинскій домъ, но и на все село. Это была словно прелюдія къ драмѣ, которая ждалась издавна и представлялась неминуемою. Въ селѣ опять были вспомянуты всѣ злыя предзнаменования: и раки, выползавшіе на берегъ, и куцый мундиръ Бодростина съ разрѣзанною спиной.

Всѣ становились суевѣрными, не исключая даже невѣрующихъ. Заразительный ужасъ, какъ волны, заходилъ по дому и по деревнѣ, на которую недавно налегла бѣда отъ коровой смерти,—великаго несчастья, приписываемаго крестьянами нагону сборнаго скота на консервную фабрику и необычному за нимъ уходу. Ко всему этому теперь являлось подозрѣніе, что пожаръ— не случайность, что крестьяне,

вѣроятно, подожгли заводъ со злости и можетъ-быть нарочно разобрали перила моста, чтобы погубить такимъ образомъ Михаила Андреевича.

Висленевъ высчитывалъ все это какъ по писанному, и Бодростинъ находилъ эти расчеты вѣроятными.

Азартъ пророчества, овладѣвшій Висленевымъ, былъ такъ великъ, что Глафира даже сочла нужнымъ замѣтить, что вѣдь онъ сумасшедшій, но мужъ остановилъ ее, сказавъ, что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего сумасшедшаго.

Въ городъ было послано немедленно извѣстiе о необычайномъ происшествiи. Тѣло Сумасшедшаго Бедуина положено въ конторѣ и къ нему приставленъ караулъ; въ домѣ и въ деревнѣ никто не спалъ. Михаилъ Андреевичъ сидѣлъ съ женой и рассказывалъ, какъ, по его соображенiю, могло случиться это ужасное несчастiе съ Водопьяновымъ. Онъ былъ увѣренъ, что лошадь покойнаго испугалась бабьяго обхода и, поднявшись на дыбы, бросилась въ сторону и опрокинулась за перила, которыя не были особенно крѣпки и которыя, какъ ему донесли, найдены тамъ же подъ мостомъ совершенно изломанными. Впрочемъ, Михаилъ Андреевичъ былъ гораздо болѣе занятъ своимъ сгорѣвшимъ заводомъ и пропажей разбѣжавшихся по лѣсамъ быковъ. Они сорвались во время пожара и въ перепугѣ и бѣшенствѣ ударились по лѣсамъ, что и было причиной того адскаго рева и треска, который несли, какъ ураганъ, предъ вѣстью о смерти бѣднаго Водопьянова.

Шумъ разбудилъ и уснувшую — было Лару. Она проснулась и, будучи не въ силахъ понять причины слышанныхъ звуковъ, спросила о нихъ горничную. Та проговорила ей о происшедшемъ. Лариса схватила свою голову и, вся трепеща, увѣряла, что ее покидаетъ рассудокъ и что она хочетъ приготовить себя къ смерти: она требовала къ себѣ священника, но желала, чтобы о призывѣ его не знали ни Бодростины, ни братъ ея, ни Гордановъ. Форовъ взялся это устроить: онъ ушелъ очень рано и въ десятомъ часу утра уже вернулся съ Евангеломъ.

«Поэтическiй понъ», не подавалъ виду, что онъ пришелъ по вызову, пронесъ дароносицу подъ рисою; но какъ онъ ни былъ остороженъ, Гордановъ почуялъ своимъ тонкимъ чувствомъ, что отъ него что-то скрываютъ, и не успѣла Синтянина оставить большую со священникомъ въ комнатѣ,

какъ Павелъ Николаевичъ вдругъ вышелъ въ перепугѣ изъ своей комнаты и торопливо направился прямо къ Ларисиной двери. Это было очень неожиданно, странно и неловко. Синтянина, только что присѣвшая-было около работавшей здѣсь горничной, тотчасъ же встала и сказала ему по-французски: «вамъ туда нельзя взойти».

— Отчего это?—отозвался Гордановъ на томъ же языкѣ.

— Отъ того, что вы тамъ теперь лишній,—и съ этимъ генеральша заперла дверь на замокъ и, опустивъ ключъ въ карманъ своего платья, сѣла на прежнее мѣсто и стала говорить съ дѣвушкой о ея шитьѣ.

Гордановъ тихо отошелъ, но черезъ минуту снова появился изъ своей комнаты и сказалъ:

— Строго говоря, милостивая государыня, вы едва ли имѣете право дѣлать то, что вы дѣлаете.

Синтянина не отвѣтила.

Онъ прошелся по комнатѣ и снова повторилъ то же самое, но гораздо болѣе рѣзкимъ тономъ и добавилъ:

— Вы вѣрно забыли, что вашъ мужъ теперь уже не имѣетъ болѣе средствъ нисылать, ни высылать.

Синтянина посмотрѣла на него долгимъ, пристальнымъ взглядомъ и сказала, подчеркивая свои слова, что она всегда дѣлаетъ только то, на что имѣетъ право, и находитъ себя и теперь въ правѣ замѣтить ему, что онъ поступаетъ очень неосторожно, вынудивъ изъ-за перевязи свою раненую руку и дѣйствуя ею, какъ здоровую.

Гордановъ смѣшался и быстро сунулъ руку за перевязь. Онъ былъ очень смѣшонъ: спесь и наглый видъ соскочили съ него, какъ позолота.

— Вы не знаете моихъ правъ на нее,—прошипѣлъ онъ.

— Я и не хочу ихъ знать,—отвѣтила сухо генеральша.

— Пѣтъ, если бы вы узнали *все*, вы бы со мною такъ не говорили, потому что я имѣю права...

Въ эту минуту отецъ Евангелъ постучался изъ Ларисиной комнаты. Синтянина повернула ключъ и, выпустивъ блѣднаго и разстроеннаго Евангела, сама ушла къ больной на его мѣсто.

Лариса казалась значительно успокоившеюся: она пожала руку Синтяниной, поблагодарила ее за хлопоты и еще разъ прошептала:



— Не оставяй меня, Бога ради, пока я умру или въ силахъ буду отсюда уѣхать.

Генеральша успокоила, какъ умѣла, больную и весь день не выходила изъ ея комнаты. Наступилъ вечеръ. Утомленная Александра Ивановна легла въ постель и уснула. Вдругъ ее кто-то толкнулъ. Она пробудилась и, къ удивленію, увидѣла Ларису, которая стояла предъ нею блѣдная, слабая, едва держась на ногахъ.

Вокругъ царствовала глубочайшая тишина, посреди которой Синтянина, казалось, слышала робкое и скорое бѣненіе сердца Лары. Но комнатѣ слабо разливался свѣтъ ночной лампы, который едва позволялъ различать предметы. Молодая женщина всматривалась въ лицо Ларисы, прислушивалась и, ничего не слыша, рѣшительно не понимала, для чего та ее разбудила и заставляетъ ее знаками молчать.

Но вотъ гдѣ-то вдали глухо прозвучали часы. По едва слышному, но крѣпкому металлическому тону старой дружины, Синтянина сообразила, что это пробили часы внизу, въ той большой комнатѣ, куда въ приснопамятный вечеръ провалился Водопьяновъ, и только что раздался послѣдній ударъ, какъ послышался какой-то глухой шумъ. Лара крѣпко сжала руку Синтяниной и, приложивъ палецъ къ своимъ губамъ, шепнула: «слушай!» Синтянина привстала, приблизила ухо къ открытому отверстію печного отдушника, на который указала Лариса, и, напрягая слухъ, стала вслушиваться. Сначала ничего нельзя было разобрать, кромѣ гулу, отдававшася отъ двухъ голосовъ, которые говорили между собою въ круглой залѣ; но мало-по-малу стали долетать членораздѣльные звуки и наконецъ явственно раздалось слово «ошибка».

Это былъ голосъ Висленева.

— Ну, такъ теперь терни, если ошибся, — отвѣчалъ ему Гордановъ.

— Нѣтъ, я уже два года кряду терилъ и болѣе мнѣ надоѣло терить приходить въ роли сумасшедшаго.

— Надоѣло! ты еще не пивши говоришь уже, что кисло.

— Да, да, не пивши... именно, не пивши: мнѣ надоѣло стоять по уста въ водѣ и не смѣть напитокся. Я одурѣлъ и отупѣлъ въ этой вѣчной истомѣ и вижу, что я служу только игрушкой, которую заводятъ то на спиритизмъ, то на сумасшествіе... Я, по ея милости, сумасшедшій... Поши-

масшь: кровь, голова... все это горить, сердце... у меня уже сдѣлалось хроническое трепетаніе сердца, нульсь постоянно дрожить какъ струна, и все вокругъ мутится, все путается, и я какъ сумасшедшій; между тѣмъ какъ она загадываетъ мнѣ загадку за загадкой, какъ сказочная царевна Ивану-дурачку.

— Но нельзя же, милый другъ, чтобы такая женщина, какъ Глафира, была безъ своихъ капризовъ. Вѣдь всѣ онѣ такія, красавицы-то.

— Ну, лжешь, моя сестра не такая.

— А почему ты знаешь?

— Я знаю, я вижу: ты изъ нея что хочешь дѣлаешь, и я тебѣ помогаль, а ты мнѣ не хочешь помочь.

— Какой чортъ вамъ можетъ помочь, когда вы другъ друга упрямые: она своєю вѣрой прониклась, и любить человѣка, а не хочетъ его осчастливить безъ брака, а ты не умѣешь ничего устроить.

— Я устроилъ-сь, устроилъ: я жизнью рисковаль: еслибъ это такъ не удалось, и лошадь не опрокинулась, то Водопьяновъ могъ бы меня смять и самого въ пропасть килуть.

— Разумѣется, могъ.

— Да и теперь еще его мальчикъ живъ и можетъ выздороветь и доказать.

— Ну, зачѣмъ же это допустить?

— Да; я и не хочу этого допустить. Дай мнѣ, Паша, яду.

— Зачѣмъ? чтобы ты опять ошибся?

— Нѣтъ, я не ошибусь.

— Ну, то-то: Михаилу Андреевичу и безъ того недолго жить.

— Недолго! нѣтъ-сь, опъ такъ привыкъ жить, что, пожалуй, еще десять лѣтъ протянетъ.

— Да, десять-то, пожалуй, протянетъ, но ужъ не больше.

— Не больше! не больше, ты говоришь? Но развѣ можно ждать десять лѣтъ?

— Это смотря по тому, какова твоя страсть?

— Какова страсть!—воскликнулъ Висленевъ.—А вотъ-сь какова моя страсть, что я его этимъ на сихъ же дняхъ покончу.

— Ты дѣствуешь очертя голову.

— Все равно, мнѣ все равно: я ужъ самъ себѣ надѣлъ: я не хочу болѣе слыть сумасшедшимъ.

— Межъ тѣмъ какъ въ этомъ твоё спасеніе: этакъ ты хоть и попадешься, такъ тебя присяжные оправдаютъ, но я тебѣ не совѣтую, и иди тебѣ даль для мальчишки.

— Ладно, ладно,—твое дѣло было дать, а я распоряджусь, какъ захочу.

— Пу, чортъ тебя возьми,—ты въ самомъ дѣлѣ какая-то отчаянная голова.

— Да, я на все рѣшился.

Щелкнулъ дверной замокъ, и руки Ларисы вторили ему, щелкнувъ въ своихъ суставахъ.

— Ты поняла?—спросила она, сдѣлавъ надъ ухомъ Снегониной трубку изъ своихъ холодныхъ ладоней.

Та сказала ей въ отвѣтъ руки.

— Такъ слушай же,—залепетала ей на ухо Лара.—Точно такъ они говорили за четыре дня назадъ: братъ хотѣлъ взбунтовать мужиковъ, зажечь заводъ и выманить Бодростина, а мужики убили бы его. Потомъ третьяго дня онъ опять приходилъ въ два часа къ Горданову и говорилъ, что на мужиковъ не надѣется и хочетъ самъ привести планъ въ исполненіе: онъ хотѣлъ выскочить изъ куста навстрѣчу лошади на мосту и рассчитывать, что это сойдетъ ему, потому что его считаютъ помѣшаннымъ. Вчера жертвой этого сталъ Водошняновъ, завтра будетъ мальчикъ, послѣзавтра Бодростинъ... Это ужасно! ужасно!

— Лара! скажи же мнѣ, зачѣмъ ты здѣсь: зачѣмъ ты съ ними?

Больная заломала руки и прошипѣла:

— Я не могу иначе.

— Почему?

— Это тайна: этотъ дьяволъ связалъ меня съ собою.

— Разорви эту тайну.

— Не могу: я низкая, гадкая женщина, у меня нѣтъ силы снести наказаніе и срамъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, отчего ты больна?

— Отъ страха, отъ ужасныхъ открытій, что я была женой честнаго человѣка и теперь жена разбойника.

— Жена!.. Ты сказала «жена»?

— Н...да, нѣтъ, но это все равно.

— Совсѣмъ не все равно.

— Ахъ, нѣтъ, оставь объ этомъ... Я испугалась, узнавъ, что онъ раненъ,—залепетала Лара, стараясь замаять вопросы

Александры Ивановны, и рассказала, что она попала сюда по требованію Горданова. Здѣсь она убѣдилась, что онъ не имѣетъ никакой раны, потому что услышала переговоры Горданова съ братомъ, съ которымъ они были притворно враги и не говорили другъ съ другомъ, а ночью сходились въ нижней залѣ и совѣщались. Вздвигнутая Лариса кинулась, чтобы помѣшать имъ, и упала въ тотъ самый мигъ, куда тихо сползъ съ ковра въ Водопьяновъ, но она не была такъ счастлива, какъ покойный Свѣтозаръ, и сильно повредила себѣ плечо.

— И потомъ,—добавляла она:—они съ братомъ... угрожали мнѣ странными угрозами... и я вызвала тебя и дядю... Они боятся тебя, твоего мужа, дядю и Евангела... Они васъ всѣхъ оклеветаютъ.

— Пустяки,—отвѣчала генеральша:—пустяки: намъ они ничего не могутъ сдѣлать; по этого такъ оставить нельзя, когда людей убиваютъ.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

### Предъ послѣднимъ ударомъ.

Атмосфера бодростинскаго дома была Синтяниной невыносима, и она всячески желала разстаться съ этимъ гнѣздомъ. Утромъ горничная Глафиры Васильевны доставила Александрѣ Ивановнѣ записку, въ которой хозяйка, жалуясь на свое разстроенное состояніе, усердно просила гостью навѣстить ее. Отказать въ этомъ не было никакого основанія, и генеральша, приведя въ порядокъ свой туалетъ, очправилась къ Бодростиной. Лара тѣмъ временемъ также хотѣла привести себя въ порядокъ. Больной, казалось, было лучше, то-есть она была крѣпче на ногахъ и менѣ нервна, но зато болѣе насмурна, несообщительна и тѣмъ сильнѣе напоминала собою прежнюю Лару.

Такъ отозвалась о ея здоровьѣ Бодростиной Синтянина, когда онѣ сѣли вдвоемъ за утренній кофе въ Глафириномъ кабинетѣ.

Бодростина казалась нѣсколько утомленною, что было и не диво для такого положенія, въ которомъ находилась дѣла; однакоже, она дѣлала надъ собою усилія и въ своей любезности дошла до того, что, усаживая Синтянину, сама подвинула ей подъ ноги скамейку. Но предательскій лѣвый

глазъ Глафиры не хотѣлъ гармонировать съ мягкостью выраженія другого своего товарища и вертѣлся, и юлилъ, и шпилилъ собесѣдницу, стараясь проникать сокровеннѣйшіе углы ея души.

Глафира говорила о Ларѣ въ тонѣ мягкомъ и снисходительномъ, хотя и не безобидномъ; о Гордановѣ — съ презрѣніемъ, близкимъ къ ненависти, о Висленевѣ — съ жалостью и съ ироніей, о своемъ мужѣ — съ величайшимъ почтеніемъ.

— Одна его безконечная терпимость можетъ обернуть къ нему всякое сердце, — говорила она, давая сквозь эти слова чувствовать, что ея собственное сердце давно оборотилось къ мужу.

Безцѣльный и безсодержательный разговоръ этотъ докончилъ тягостное впечатлѣніе бодростинскаго дома на генеральшу, и она, возвратясь къ Ларисѣ, объявила ей, что желаетъ непременно съѣздить домой.

Къ удивленію Снитяниной, Лара ей нимало не противорѣчила: напротивъ, она даже какъ будто сама выживала ее. Такія быстрыя и непостижимыя перемѣны были въ характерѣ Ларисы, и генеральшѣ оставалось воспользоваться новымъ настроеніемъ больной. Она сказала Ларѣ, что будетъ навѣщать ее, и уѣхала безъ всякихъ уговоровъ и удержекъ со стороны Ларисы. Съ той что-то подѣлалось въ тѣ полтора-два часа, которые Снитянина просидѣла съ Бодростиной. Въ этомъ и не было ошибки: тотчасъ по уходѣ Снитяниной, Лара, едва держась на ногахъ, вышла изъ комнаты и черезъ часъ возвратилась вся блѣдная, разстроенная и упала въ кресло, сжимая рукой въ карманѣ блузы небольшой бумажный сверточекъ. Это, по ея соображеніямъ, былъ тотъ самый ядъ, о которомъ братъ ея разговаривалъ ночью съ Гордановымъ. Лара похитила этотъ ядъ съ тѣмъ, чтобъ устранить преступленіе; но, рѣшась на этотъ шагъ, она не имѣла силы владѣть собою, и потому, когда къ ней заглянулъ въ двери Гордановъ, она сразу почувствовала себя до того дурно, что тотъ бросился, чтобы поддержать ее и безъ умысла взялъ ее за руку, въ которой была роковая бумажка.

Лара вскрикнула и, борясь между страхомъ и слабостью, пыталась взять ее назадъ.

— Отдай, — говорила она: — отдай мнѣ это... я уничтожу...

— А ты это взяла сама?

Лара молчала.

— Ты это сама взяла?.. Какъ ты узнала, что это такое?

— Это ядь.

— Какъ ты узнала это, несчастная?

— Здѣсь все слышно.

Гордановъ торопливо высыпалъ за форточку порошокъ и, разорвавъ на мелкіе кусочки бумажку, пристально посмотрѣлъ на стѣны Ларисиной комнаты, и, поровнявшись съ мѣднымъ печнымъ отдушникомъ, остолбенѣлъ: черезъ этотъ отдушникъ слышно было тихое движеніе мягкой щетки, которою слуга мелъ круглую залу въ нижнемъ этажѣ павильона.

«Вотъ такъ штука», — подумалъ Гордановъ и спросилъ Ларису, гдѣ эту ночь спала Синтянина. Узнавъ, что она спала именно здѣсь, вблизи этого акустическаго отверстія, Гордановъ прошипѣлъ:

— Такъ и она слышала?

Лариса молчала.

— И кто же, она или ты рѣшили взять это?

Гордановъ указалъ на окно, за которое выбросилъ порошокъ.

Лара молчала.

— Она или ты? — повторилъ Гордановъ. — Что же, скажете вы или нѣтъ? Слышите, Лара?

— Она, — прошептала Лариса.

— Ага!

И Гордановъ вышелъ, вскорѣ смѣненный Александрой Ивановной, на которую Ларисѣ теперь было неловко и совѣстно смотрѣть и за которую она даже боялась.

Вотъ въ чемъ заключалась причина непонятной перемѣны въ Ларисѣ.

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

### Воръ у вора дубинку укралъ.

Александра Ивановна, рѣшивъ, что всего случившагося нельзя оставлять безъ вниманія, напрасно ломала голову, какъ открыть мужу то, что она слышала и чего боялась. Генераль встрѣтилъ ее тѣмъ, что просилъ успокоиться и сказалъ, что ему все известно. И съ этихъ поръ она убѣ-

дѣлалась, что мужъ ея, дѣйствительно, все знаетъ. Прошелъ мѣсяць, Александра Ивановна наслаждалась тишиной своего домашняго житья-бытья, которое, ей казалось, стало тихимъ и прїятнымъ послѣ пребыванїя въ бодростинскомъ домѣ, откуда порой лишь доходили до нея нѣкоторыя новости.

Но одно, повидимому, весьма простое обстоятельство смутило и стало тревожить Александру Ивановну. Вскорѣ по возвращенїи ея отъ Бодростинскихъ, Иванъ Демьяновичъ получилъ изъ Петербурга письмо, котораго, разумѣется, никому не показалъ, но сказалъ, что это пишетъ ему какой-то его старый другъ Семень Семеновичъ Ворошиловъ, который будто бы ѣдетъ сюда въ ихъ губернію, чтобы купить здѣсь себѣ на старость лѣтъ небольшое имѣніе на деньги, собранныя отъ тяжкихъ и честныхъ трудовъ своей жизни.

Въ извѣстїи этомъ, какъ видимъ, не было ничего необыкновеннаго, но оно смутило Александру Ивановну, частїю по безотчетному предчувствїю, а еще болѣе по тому особенному впечатлѣнію, какое письмо этого «нѣкоего Ворошилова» произвело на генерала, ожививъ и наэлектризовавъ его до того, что онъ, несмотря на свои немощи, во что бы то ни стало, непременно хотѣлъ ѣхать встрѣчать своего друга въ городъ. Александръ Ивановичъ стоило бы большого труда удержать мужа отъ этой поѣздки, да можетъ-быть она въ этомъ и вовсе не успѣла бы, если бы, къ счастью ея, подъ тотъ день, когда генералъ ожидалъ прїѣзда Ворошилова, у воротъ ихъ усадьбы позднимъ вечеромъ не остановился извозничїй экипажъ, изъ котораго вышелъ совершенно незнакомый человѣкъ. Гость былъ мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, пловный, высокаго роста, гладко выбритый, въ старомодномъ картузѣ съ коричневымъ бархатнымъ околышемъ и въ старомодной шинели съ кашпономъ.

Онъ обратился съ вопросомъ къ встрѣтившему его на дворѣ работнику и затѣмъ прямо направился къ крыльцу.

— Кто бы это такой? — спросила Александра Ивановна, глядя на дверь, въ которую долженъ былъ войти незнакомецъ.

Сидѣвшїй тутъ же генералъ не могъ отвѣтить женѣ на этотъ вопросъ и только пожалъ плечами и всталъ съ мѣста.

Александръ Ивановичъ показалось, что мужъ ея находится въ некоторомъ смущеніи, и она не ошиблась. Когда гость появился въ передней и спросилъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ генерала, тотъ, стоя на порогѣ заальной двери, въ недоумѣніи отвѣтилъ:

— Я самъ-съ, къ вашимъ услугамъ. Съ кѣмъ имѣю честь видѣться?

— Карташовъ,— тихо произнесъ гость, глядя черезъ свои золотые очки.

Звукъ этой фамиліи толкнулъ генерала, какъ электрическая искра. Онъ живо протянулъ прѣвзжему руку и произнесъ:

— Я васъ ждалъ завтра.

— Я поторопился и прѣвхалъ ранѣе.

— Прому васъ въ мой кабинетъ.

И гость, и хозяинъ скрылись въ маленькую комнату, куда генераль потребовалъ свѣчи, и сюда же ему и гостю подавали чай.

Бесѣда ихъ продолжалась очень долго, и генеральша, посылая туда стаканы чая, никакъ не могла себѣ уяснить, что это за господинъ Карташовъ, про котораго она никогда ничего не слыхала.

Ближе видѣть этого гостя ей не удалось: онъ уѣхалъ поздно, прямо изъ кабинета, и въ залъ не входилъ.

На другое утро Александра Ивановна полюбопытствовала спросить о немъ и получила отъ мужа отвѣтъ, что это и есть тотъ самый его пріятель, котораго онъ ожидалъ.

«Старый пріятель, и между тѣмъ они встрѣтились такъ, какъ будто въ глаза одинъ другого никогда не видали... Нѣтъ, это что-нибудь не такъ», — подумала генеральша и, поглядѣвъ въ глаза мужу, спросила его:— какъ же это онъ называлъ своего пріятеля Ворошиловымъ, когда этотъ носитъ фамилію Карташовъ?

— Ну ужъ такъ-съ, — отвѣчалъ генераль. — А впрочемъ, я не помню, чтобъ онъ называлъ себя Карташовымъ?

— Но я это слышала.

— Могла ослышаться.

— Такъ какая же его настоящая фамилія: Карташовъ или Ворошиловъ?

— Ворошиловъ-съ, Ворошиловъ, Семень Семенычъ Ворошиловъ, прекраснѣйшій человекъ; онъ завтра у насъ бу-



деть обѣдать, и съ нимъ прїѣдетъ еще его землемѣръ, простой очень человѣкъ.

— И у того двѣ фамиліи?

— Нѣтъ-съ, одна: его зовутъ Андрей Парфенычъ Перушкинъ.

Генеральша улыбулась.

— Что же тутъ смѣшного?

— Такъ, я думаю объ этой фамиліи.

— Фамилія самая обыкновенная.

— Даже очень мягкая и прїятная. Я читала, что Крыловъ одинъ разъ нарочно нанялъ себѣ квартиру въ домѣ, хозяинъ котораго назывался Блиновъ. Ивану Андреевичу очень понравился звукъ этой фамиліи, и онъ рѣшилъ, что это непременно очень добрый человѣкъ.

— А вышло что?

— А вышло, что это былъ большой сутяга и плутъ.

— Вотъ какъ! Ну, разумѣется, фамиліи Бодростинъ, или Гордановъ, или Висленевъ гораздо лучше звучать, — отвѣчала съ неудовольствіемъ генераль, не отвыкшіи ядовито досадовать на свою калгонистскую фамилію.

Этимъ разговоръ о новопрїѣзжихъ гостяхъ и окончился, а на другой день они преножаловали сами, и большой Ворошиловъ въ своихъ золотыхъ очкахъ и въ шинели, и Андрей Парфеновичъ Перушкинъ, маленькій кубарикъ, съ крошечными, острыми коричневыми глазками, съ толстыми, выпуклыми пунцовыми щечками, какъ у рисованнаго амура. Они прїѣхали вмѣстѣ и привезли съ собой что-то длинное, завернутое въ рогожу, и прямо съ этою кладью проникли опить въ кабинетъ Ивана Демьяновича, гдѣ и оставались до самаго обѣда. Александра Ивановна увидала ихъ только за столомъ и не могла перестать удивляться, что ни Ворошиловъ вовсе не похожъ на помѣщика, а весь типичный петербургскій чиновникъ стариннаго закала, ни Перушкинъ не отвѣчаетъ приданной ему землемѣрской профессіи, а имѣетъ всѣ приемы и замашки столичнаго мѣщанина изъ разряда занимающихся хожденіемъ по дѣламъ.

Впрочемъ, оба они были несомнѣнно люди умные, ловкіе и, что называется, «бывалые» и немножко оригиналы. Особенно такимъ можно назвать было Перушкина, который казался человѣкомъ беззаботнѣйшимъ и невиннѣйшимъ; зналъ бездну анекдотовъ, умѣлъ ихъ рассказывать; ядовито

острилъ простонароднымъ языкомъ и овладѣлъ вниманіемъ глухонѣмой Вѣры, показывая ей разные фокусы съ кольцомъ, которое то исчезало изъ его сжатой руки, то висѣло у него на лбу, то моталось на спаленной ниткѣ.

Генераль послѣ бесѣды съ этими гостями былъ необыкновенно веселъ: румянецъ полосами выстуналъ у него вверху щекъ, онъ точно скинулъ съ костей десять лѣтъ и даже бравировалъ, шаркая ногами и становясь предъ открытою форткой.

Ворошиловъ оказался тоже человѣкомъ крайне любезнымъ: онъ говорилъ съ генеральней такъ, какъ будто давно зналъ ее, и просилъ у нея фотографическую карточку, чтобъ отослать своей женѣ, но Синтянина ему въ этомъ должна была отказать, потому что она съ прошлаго года не дѣлала своихъ портретовъ, и послѣдній отдала Ларѣ, которая желала его имѣть.

Послѣ обѣда гости снова заперлись въ кабинетѣ съ генераломъ, а вечеромъ Перушкинъ, для забавы Вѣры, магнетизировалъ пѣтуха, бралъ голою рукой раскаленную самоварную конфорку, показывая, какъ можно лить фальшивыя монеты съ помощью одной раснеленной колодочки и, измѣивъ между ладонями мякинигъ неклеваннаго хлѣба, изумительно отчетливо отгиснулъ на клочкѣ почтовой бумаги водянистую сѣть ассигнаціи.

Наблюдая этого занимательнаго человѣка, Александра Ивановна совсѣмъ перестала вѣрить, что онъ землемѣръ, и имѣла къ тому основанія, хотя и Ворошиловъ, и Перушкинъ говорили при ней немножко объ имѣніяхъ и собирались съѣздить къ Водростину, чтобы посоветоваться съ нимъ объ этомъ предметѣ: но явилось новое странное обстоятельство, еще болѣе убѣдившее Синтянину, что всѣ эти разговоры о покупкѣ имѣнія не болѣе какъ выдумка, и что цѣль пріѣзда этихъ господъ совсѣмъ иная.

Обстоятельство это заключалось въ томъ, что къ генеральнѣ на другой день пришелъ Форовъ, и, увидя Ворошилова и Перушкина, началъ ее увѣрять, что онъ видѣлъ, какъ эти люди вѣзжали съ разносчиками въ бодростинскую деревню.

— Чтò вы за вздоръ говорите, майоръ?

— Истина, истина: я самъ ихъ видѣлъ и не могу ихъ не узнать, несмотря на то, что они гримированы мастерски

и костюмировались такъ, какъ будто цѣлый вѣкъ проходили въ тулупахъ: эти лица были ваши гости Ворошиловъ и Перушкинъ. Я поздравляю васъ: мы въ средѣ самыхъ достопочтенныхъ людей.—И майоръ захохоталъ и добавилъ:— воръ у вора дубинку-съ крадетъ! Генеральша хотѣла спросить мужа, что значитъ этотъ непонятный маскарадъ, цѣль и значеніе котораго Иванъ Демьяновичъ неизменно знаетъ, но рѣшила лучше не спрашивать, потому что все равно ничего бы не узнала.

Между тѣмъ всякій день приносилъ ей новыя подозрѣнія. Такъ, прислуга, отодвигая отъ стѣны на средину комодъ въ кабинетѣ генерала, набрела на тѣ палки, которыя привезли Ворошиловъ и Перушкинъ, и генеральша, раскрывъ машинально рогожу, въ которую онѣ были завернуты, открыла, что эти палки не что иное, какъ перила моста, съ котораго упалъ Водошняновъ. Одни концы этихъ палокъ изломаны, другіе же — гладко отрѣзаны пилой и припечатаны тремя печатами, изъ которыхъ въ одной Александръ Ивановичъ не трудно было узнать печать ся мужа. Далѣе въ этомъ же сверткѣ нашлась и маленькая ручная пила съ щегольской точкою ручкой... Что все это за таинственности? Генеральша ждала со дня на день Форову, но та не пріѣзжала сама и ничего не писала изъ Петербурга.

Ворошиловъ и Перушкинъ два дня не являлись, но зато изъ бодростинскихъ палестинъ пришли вѣсти, что у крестьянъ совсѣмъ погибаетъ весь скотъ, и что они приходили гурьбой къ Бодростину просить, чтобъ онъ выгналъ изъ села остатки своего фабричнаго скота. Бодростинъ ихъ прогналъ; былъ большой шумъ, и въ дѣло вмѣшался чиновникъ, разслѣдовавшій причины смерти Водошнянова, и грозилъ послать въ городъ за военною командой. По селу, говорятъ, бродятъ какіе-то знахари и заговорщики и между ними будто бы видѣли Висленева, который тоже совсѣмъ присталъ къ чародѣямъ.

## ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

### Огненный змѣй.

Вблизи бодростинской усадьбы есть Аленинъ Верхъ. Это большая котловина среди дремучаго лѣса. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ не отборный, а мѣшанный, и оттого, что ни дерево,

то и своя особая фізіономія и фігура: тутъ коренастыя серьезныя дубы, нахучія липы, въ цвѣтахъ которыхъ лѣтомъ гудятъ рои пчелъ, косматая ива, осины, клены, березы, дикая яблоня, черемуха и рябина,—все это живетъ здѣсь рядомъ, и оттого здѣшняя зелень пестра, разнообразна и дробится на множество оттѣнковъ. Теперь, осенью, разумѣется, не то: суровыя вѣтры оборвали и разнесли по полямъ и оврагамъ убранство деревьевъ, но и бѣлое рубище, въ которое облекла ихъ приближающаяся зима, на каждого нала по-своему: снѣговая пыль, едва кое-гдѣ мелкими точками сѣвшая по гладкимъ вѣтвямъ липъ и отрогамъ дубовъ, сверкаетъ серебряною пронизью по силетенію ивы; кучами лежитъ она на грушахъ и яблоняхъ, и длинною вожжей повисла вдоль густыхъ, тонкихъ прутьевъ плакучей березы. Совсѣмъ иначе разсеребрила эта бѣлая пороша поднизи елей и сосенъ, и еще иначе запорошила она мохнатыя, зеленые кусты низкаго дрока и рослой орѣшины, изъ-за которыхъ то здѣсь, то тамъ выглядывали красныя кисти рябины.

Таковъ былъ этотъ лѣсъ тою порой, когда бодростинскіе крестьяне собрались добывать въ немъ *живой огонь*, который, по народному повѣрью, долженъ былъ *попалить королю смерть*.

Добываніе огня, какъ послѣднее, крайнее и притомъ несомнѣнно дѣйствительное средство, было нѣсколько дней тому назадъ: мѣсто для этого было избрано на большой луговинѣ, гдѣ стояла лѣсничья избупка. Это было широкое, ровное мѣсто, окруженное съ трехъ сторонъ рослыми деревьями и кустами, тогда какъ съ четвертой его стороны шла проѣзжая дорога. За этимъ проселкомъ начинался пологій скатъ, за которымъ ниже разстилалась обширная ровная площадь, покрытая лѣтомъ густою шелковистою травой, а теперь заледенѣвшая и скрытая сплошь снѣжнымъ налетомъ: это бездонное болото, изъ котораго вытекаетъ рѣка.

Временемъ для добыванія огня назначался вечеръ Михайлова дня. Сельскіе знахари и звѣздочеты утверждаютъ, что огонь, добытый въ этотъ день чествованія перваго архангела небесныхъ воинствъ, непобѣдимъ и всемогущъ, какъ часть огненной силы покорныхъ великому стратигу ополченныхъ духовъ.

Пять дней тому назадъ, стариковскою радой, собравшеюся ка задокъ за цоловниками, было рѣшено на Михай-

ловъ день уничтожить весь старый огонь и добыть живой, живой, изъ «непорочнаго дерева».

Тайнодѣйствіе это во всемъ селомъ ждалось не безъ нетерпѣнія и не безъ священнаго страха: о немъ шли тихія рѣчи вечерами въ избахъ, освѣщенныхъ лучиною, и такая же тихая, но плывучая молва объ этомъ обтекла окрестныя села. Вездѣ, куда ее доносило, она была утѣшительницею унавшихъ духомъ отъ страха коровьей смерти бабъ; она освѣтляла особенною серьезностію пасмурныя лица унывшихъ мужиковъ и одушевляла нетерпѣливую радостью обоего пола подростковъ, которыхъ молодая кровь скучала въ дымныхъ хатахъ и чуяла раздолбный вечеръ огничанья въ лѣсу, гдѣ должно собираться прेमного всякаго народа, и гдѣ при всѣхъ изъявится чудо: изъ холоднаго дерева закурится и взохнетъ пламенемъ сокрытый живой огонь.

Еще день спустя, старики вновь сошлись на маслобойнѣ у богатаго мужика, у котораго пали всѣ его восемь коровъ. Тутъ дѣды рядили: кому быть главаремъ, чтобъ огневимъ дѣломъ править? Не полагаясь на самихъ себя, они постановили привезть на то изъ далекой деревни стараго мужика, по прозванію Сухого Мартына, да дать ему въ подмогу кузнеца Ковзу, да еще Памфилку-дурачка, на томъ основаніи, что кузнецъ по своему ремеслу въ огнѣ толкъ знаетъ, а Памфилга дуракъ «Вожій человекъ». Міру же этихъ возлюбленныхъ и призванныхъ къ дѣлу людей безиеречь во всемъ слушаться.

Сталось по сказанному, какъ по писанному: привезенъ былъ изъ далекаго села высокій, какъ свая, бѣлый, съ бородой въ прозелень, столѣтній мужикъ Сухой Мартынь, и повели его старики по дорогамъ мѣсто выбирать, гдѣ живой огонь тереть.

Сухой Мартынь выбралъ для этого барскую березовую рощу за волокомъ, но Михаилъ Андреевичъ не позволилъ здѣсь добывать огня, боясь, что лѣсъ сожгутъ. Принасунилось крестьянство и повело Мартына по другимъ путямъ, и сталъ Мартынь на взлобочкѣ за гуменникомъ и молвилъ:

— Вотъ тутотка тоже намъ будетъ, православные, Господу помолиться и на бродячую смерть живой огонь пустить.

Но Михаилъ Андреевичъ и здѣсь не дозволилъ этой радости: не ладно ему казалось сосѣдство огня съ скирдами сухой ржи и пшеницы.

Вдвое противъ прежняго огорчились мужики, и прошло сквозь нихъ лукавое слово, что не хочетъ баринъ конца бѣдѣ ихъ и горести, и что, напротивъ того, видно любу ему гореванье ихъ, такъ какъ и допрежь сего не хотѣлъ онъ ни мудренаго завода своего не ставить, ни выгнать накупной скотъ, отъ котораго вокругъ моръ пошелъ.

И ворча про себя, повелъ народъ Сухой Мартына на третій путь: на сосѣдную казенную землю. И вотъ сталъ Мартынъ на прогалинѣ, оборотясь согнутою спиной къ лѣсной хатѣ, а лицомъ—къ бездонному болоту, изъ котораго течетъ лѣсная рѣчка; сорвалъ онъ съ куста три кисти алой рябины, проглотилъ изъ нихъ три зерна, а остальное заткнулъ себѣ за ремешокъ старой рыжей шляпы и, обведя костылемъ по воздуху вокругъ всего лѣса, топнулъ трижды лантемъ по мерзлой грудѣ и, воткнувъ тутъ костыль, молвилъ:

— Здѣсь, ребята, сведемъ живъ огонь на землю!

Снявъ Мартынъ съ своей сѣдой головы порыжѣлый шляпкъ, положилъ на себя широкій крестъ и сталъ творить краткую молитву, а вокругъ него, крестясь, вздыхая и охая, зашевелились мужики, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ билъ въ грудь Мартыновъ лапоть, высился уже длинный шестъ и на немъ наверху торчалъ голый коровій черепъ.

Мѣсто было облюбовано и занято, и было то мѣсто по барское, а на государевой землѣ, въ Божьемъ лѣсу, гдѣ, мнилось мужикамъ, никто имъ не можетъ положить зарока шивестъ изъ древа и воздуха живой огонь на землю.

И повелѣлъ потомъ мужикамъ Сухой Мартынъ, чтобы въ каждой избѣ была жарко вытоплена подовая печь, и чтобы и старъ и младъ, и паренъ и дѣвка, и старики и малые ребята, всѣ въ тѣхъ печахъ перепарились, а женатый народъ съ того вечера чтобы про женъ позабылъ до самой до той поры, пока сойдетъ на землю и будетъ принесенъ во дворъ новый живой огонь.

О сумеркахъ Ковза кузнецъ и дурачокъ Памфила изъ двора во дворъ пошли по деревнѣ повѣщать народу мыться и чиститься, отерещися женъ и готовиться видѣть «Божье чудесо». Подойдуть къ волоковому окну, стукнуть палочкой, крикнуть:

«Печи топите, мойтеся, правьтеся, женъ берегитесь: завтра огонь на коровью смерть!»—И пойдутъ далѣе.

Не успѣли они такимъ образомъ обойти деревню изъ двора во дворъ, какъ ужъ на томъ концѣ, съ котораго они начали, закурилася не въ урочный часъ лохматая, пизкая кровля, а черезъ часть все большое село, какъ кить на морѣ, дохнуло: сизый дымъ взмылъ кверху какъ покаянный вздохъ о грѣховномъ ропотѣ, которымъ въ горѣ своемъ согрѣшилъ народъ, и, разостлавшись облакомъ, пошелъ по поднебесью; изъ щелей и изъ оконъ поползъ на просторъ густой потный паръ, и изъ темныхъ дверей то одной, то другой избы стали выскакивать до-красна взогрѣтые мужики. Тутъ на морозцѣ терлись они горстями молодымъ, чуть покрывавшимъ землю сѣвкомъ и снова ныряли, какъ куклы, въ ящикъ.

Еще малый часъ, и все это стихло: село погрузилось въ сонъ. Въ воздухѣ только лишь нахло стынувшимъ паромъ, да, глухо крихтя, копали жизнь въ темныхъ хлѣвушкахъ издыхающія коровы. Да еще слылося многимъ сквозь крѣпкій сонъ, будто вдоль по селу прозвенѣла колокольцемъ тройка, а молодымъ бабамъ, чтó спали теперь, исполняя завѣтъ Сухого Мартына, на горячихъ печкахъ, съ непривычки всю ночь до утра мерещился огненный змѣй: обвивалъ онъ ихъ своими жаркими кольцами; жегъ и путалъ цѣпкимъ хвостомъ ноги рѣзвья; туманилъ глаза, вѣя на нихъ крыльями; не давалъ убѣгать, прилащивалъ крѣпкою чарой, медомъ, расписнымъ пряникомъ, и, ударяясь о сыр-землю, скидывался отъ разу стройнымъ молодымъ, въ картузѣ съ козырькомъ на лихихъ кудряхъ, и ласкался опять и трясъ въ карманахъ серебромъ и орѣхами, и гдѣ силой, гдѣ ухваткой, улещалъ и обманывалъ.

И пронесся онъ, этотъ огненный змѣй, изъ двора во дворъ, вдоль всего села въ архангельскую ночь, и смутилъ онъ тамъ все, что было живо и молодо, и прошла о томъ вѣсть по всему селу: со стыда рдѣли, говоря о томъ одна другой говорливья, и никли робкими глазами скромницы, никогда не чаявшія на себя такой напасти, какъ слетѣть огненнаго змѣя.

Сухой Мартынъ самъ только головой трясъ, да послалъ ребятъ, чтобъ около коровьей головы въ Алешиномъ Верху повѣсили сухую змѣиную сорочку, да двухъ сорокъ внизъ головами, чтó и было исполнено.

## ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

### Событія близятся.

Михаиль Андреевичъ узналъ случайно объ этомъ казусѣ отъ Висленева, спозаранку шатавшагося между крестьянами и къ утреннему чаю явившагося поздравить Бодростина съ наступившимъ днемъ его именинъ. Михаиль Андреевичъ позабылъ даже о своей досадѣ по случаю сгорѣвшаго завода и о другихъ неприятностяхъ, въ число которыхъ входилъ и крестьянскій ропотъ на заносъ надежа покуннымъ скотомъ. Огненный змѣй, облетѣвшій вдругъ все село и смутившій разомъ всѣхъ женщинъ, до того разсмѣшилъ его, что онъ, расхохотавшись, не безъ удовольствія поострилъ насчетъ сельскаго цѣломудрія и неразборчивости демона. Висленевъ же объявилъ, что напишетъ объ этомъ корреспонденцію въ «*Revue Spirite*», какъ о случаѣ «эпидемическаго наважденія». Бодростинъ его отговаривалъ.

— Пригрѣло ихъ на печакъ-то, вотъ имъ Адонисы съ орѣхами и съ двугривенными и пошли сниться, убѣждалъ онъ Жозефа; но тотъ, въ свою очередь, стоялъ на томъ, что это необъяснимо.

— Да и объяснять не стѣитъ: однѣ и тѣ же у нихъ фантазіи и одни и тѣ же и сны.

— Нѣтъ-съ, извините, я только не помню теперь, гдѣ это я читалъ, но я непремѣнно гдѣ-то читалъ объ этихъ эпидемическихъ случаяхъ... Ей-Богу читалъ, ей-Богу читалъ!

— Что жъ, очень можетъ быть, что и читалъ: вздору всякаго много написано.

— Нѣтъ, ей-Богу, я читалъ, и вотъ, позвольте вспомнить, или въ книжкѣ «*O явленіи духовъ*», или въ сборникѣ Кроу, о которомъ когда-то здѣсь же говорилъ Водопьяновъ.

При этомъ имени сидѣвшая въ кабинетѣ мужа Глафира слегка наморщила лобъ.

— Да, да, именно или тамъ, или у Кроу, а впрочемъ, привидѣніе съ пѣсьюею головой, которое показывалось въ Фонтенеблоскомъ лѣсу, вѣдь видѣли всѣ,—спорилъ Висленевъ.

— Полно тебѣ, Бога ради, вѣрять такимъ вздорамъ!—замѣтилъ Бодростинъ.

— Да-съ; чего же тутъ не вѣрять, когда и протоколы



объ этомъ составлены, и «слѣдствіе было», какъ говаривалъ покойный Водошняновъ,— снова брякнулъ Жозефъ.

Глафира строго сверкнула на него лѣвымъ глазомъ.

— А вотъ, позвольте-съ, я еще лучше вспомнилъ,— продолжалъ Висленевъ: — дѣло въ томъ, что однажды цѣлый французскій полкъ заснулъ на привалѣ въ развалинахъ, и чтобъ это было достовѣрно, то я знаю и имя полка; это именно былъ полкъ латурь-д'овернскій, да-съ! Только вдругъ всѣ солдаты, которыхъ въ полку, конечно, бываетъ довольно много, увидали, что по стѣнамъ ходило одно окровавленное привидѣніе, да-съ, да-съ, всѣ! И этого мало, но всѣ солдаты, которыхъ, опять упоминаю, въ полку бываетъ довольно много, и офицеры почувствовали, что это окровавленное привидѣніе пожало имъ руки. Да-съ; въ одно и то же время всѣмъ, и все это записано въ лѣтописяхъ латурь-д'овернскаго полка. По крайней мѣрѣ я такъ читалъ въ извѣстной книгѣ бенедиктинца аббата Августина Калмета.

— Но извини меня, милый другъ, а я не знаю ничего на свѣтѣ глуше того, о чемъ ты ведешь разговоры,— воскликнулъ Бодростинъ.

— Почему же, другъ мой?—ласково молвила Глафира.

— Потому что я рѣшительно не думаю, чтобы кто-нибудь путный человѣкъ могъ не въ шутку рассуждать о такихъ вещахъ, какъ видѣнія.

— Покойный Водошняновъ...—перобилъ Висленевъ.

Глафира вслыхнула: ей было ужасно непріятно трепанье этого имени человѣкомъ, совершившимъ съ нимъ то, что совершилъ Жозефъ.

— Ахъ, пощадите отъ этого разговора. Онъ вовсе не кстати, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно о дѣлѣ переговорить съ мужемъ,— замѣтила Глафира, выразительно смотря на Михаила Андреевича.

— Поди, побезѣшній, погуляй по воздуху,— обратился Бодростинъ къ Жозефу.

Висленевъ хлопалъ молча глазами.

— Поди же, поди, побѣгай.

— Помилуйте, зачѣмъ же мнѣ гулять, когда я этого совсемъ не хочу? Я не дитя и не комнатная собака, чтобы меня насильно гулять водить.

— Да мнѣ это нужно, братецъ, чтобы ты ушелъ! Какъ же ты этого не понимаешь, что я хочу поговорить съ своею женой.

— Вы бы прямо такъ и сказали,—отвѣчалъ Жозефъ и съ неудовольствіемъ началъ искать своей шапки.

— Да вотъ я тебѣ и говорю: ступай вонъ.

Висленевъ только нѣсколько громче чѣмъ слѣдовало затворилъ за собою дверь и молвилъ себѣ:

— Каково положеніе! И, небось, найдутся господа, которые стали бы увѣрять, что и это можно поправить?

Выйдя на крыльцо, Висленевъ остановился и вдругъ потерялъ нить своихъ мыслей при видѣ происходившей предъ нимъ странной сцены. Два молодые лакея, поднимая комки мерзлой земли, отгоняли ими Памфилю-дурака, который плакалъ и, несмотря ни на что, лѣзъ къ дому.

— Чего это онъ? — полюбопытствовалъ Жозефъ, и, къ крайнему своему удивленію, получилъ отвѣтъ, что дурачокъ добивается именно его видѣть.

— Что тебѣ нужно, Памфиль?

Слюнявый занка Памфиль подскочилъ къ Висленеву и заговорилъ картава:

— Ись цѣйти бьются со мной: я нысей тебя звать въ свайку играть, а они бьются. Пойдемъ, дядя, пойдемъ съ тобой въ свайку играть!—И онъ ухватилъ Висленева подъ локоть и не отпуская его, настаивая, чтобы тотъ шелъ съ нимъ играть въ свайку.

Сколько Жозефъ ни отбивался отъ дурака, какъ его ни урезонивалъ, что онъ не умѣетъ играть въ свайку, тотъ все-таки не отставалъ и, махая у него предъ глазами острымъ гвоздемъ, твердилъ:

— Ничего: пойдемъ, пойдемъ...

На счастье Жозефа показался конюхъ съ метлой, и испуганный дурачокъ убѣжалъ; но не успѣлъ Висленевъ пройти полуверсты по дорожкѣ за садъ, гдѣ онъ хотѣлъ погулять и хотъ немножко размыкать терзавшія его мысли, какъ Памфиль предъ нимъ снова какъ изъ земли выросъ и опять пошелъ приставать къ нему своею свайкой.

Висленевъ рѣшительно не могъ отвязаться отъ этого дурака, который его тормозилъ, севалъ ему въ руки свайку и наконецъ затѣялъ открытую борьбу, которая ни въѣсть чѣмъ бы кончилась, если бы на помощь Жозефу не подошли мужики, шедшіе дѣлать послѣднія приготовленія для добыванія живого огня. Они отвели дурака и зато узнали етъ Жозефа, что врядъ ли имъ удастся ихъ дѣло и тамъ,

гдѣ они теперь расположились, потому что Михаилъ Андреевичъ послалъ ночью въ городъ просить начальство, чтобы ихъ прогнали изъ Алепина Верха.

Мужики со злости бросили въ землю топоры, которые песли на плечахъ, и заговорили:

— Да что онъ... поугало его, что ли?

— Музыки его за это вой какъ откостятъ!—вмѣшался дуракъ.

— Итъ; этотъ баринъ грѣха надъ собою ждетъ,—прокаатило въ народѣ.

Такъ послѣ ночи огненного змѣя въ селѣ Бодростинѣ начался архангельскій день.

Каково-то онъ кончится?

## ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

### Послѣднія вспышки стараго огня.

Въ эти же часы генераль Синтянинъ и жена его ѣхали парой въ крытыхъ дрожкахъ въ бодростинскую усадьбу, на именины Михаила Андреевича.

Осень опоздала, и день восьмого ноября былъ еще безъ саннаго пути, хотя земля вся сплошь была засыпана рѣдкимъ снѣжкомъ. Утро было погожее, но безсолнечное. Экипажъ синтянинскій подвигался тихо,—больной генераль не могъ выносить скорой ѣзды по мерзлымъ кочкамъ. Было уже около полудня, когда они подъѣхали къ старому лѣсу, въ двухъ верстахъ за бодростинскимъ барскимъ гумномъ, и тутъ замѣтили, что ихъ старый кучеръ вдругъ снялъ шапку и началъ набожно креститься. Генеральна выглянула изъ-подъ верха экипажа и увидѣла, что на широкой полянѣ, насупротивъ лѣсниковой избушки, три человѣка съ топорами въ рукахъ ладилы что-то въ родѣ обыкновенныхъ пильничьихъ козелъ. Надъ этими козлами псевдалекъ торчалъ высокій колъ съ насаженнымъ на него рогатымъ коровьимъ черепомъ и отбитымъ горломъ глинянаго кувшина; на другомъ шестѣ моталась змѣиная кожа, а по вѣтвямъ деревь висѣли пряди пакли. Синтянина никакъ не могла понять, для чего собрались здѣсь эти люди, и что такое они здѣсь устриваютъ; но кучеръ разъяснилъ ей недоразумѣнiе, отвѣтивъ, что это готовится огничанье. Разговаривая о «непорочномъ огнѣ», генераль съ женой не замѣ-

тили, какъ они доѣхали до гумешника, и здѣсь ихъ дрожки покренились набокъ. Кучерь соскочилъ подвертывать гайку, а до слуха генерала и его жены достигли изъ группы замѣчательныхъ деревьевъ очень странныя слова: кто-то настойчиво повторялъ: «вы должны, вы должны ему этого не позволять и требовать! Что тутъ такое, что онъ баринъ? Чортъ съ нимъ, что онъ баринъ—и въ немъ одно дыханіе, а не два, а государь и начальство всегда за васъ, а не за господъ».

Голосъ этотъ показался знакомымъ и мужу, и женѣ, и когда послѣдняя выглянула изъ экипажа, она совершенно неожиданно увидала Висленева, стоявшаго за большимъ скирдомъ въ сообществѣ четырехъ мужиковъ, которымъ Жозефъ внушалъ, а тѣ его слушали. Замѣтивъ Синтяниныхъ, Иосафъ Платоновичъ смутился и сначала вильнулъ за скирдъ, но потомъ тотчасъ же вышелъ и показался на дорогѣ, между тѣмъ какъ разговаривавшіе съ нимъ мужики быстро скрылись. Генеральша взглянула потихоньку на мужа и замѣтила острый, пронизательный взглядъ, который онъ бросилъ въ сторону Висленева. Иванъ Демьяновичъ сталъ громко звать Жозефа.

Тотъ еще болѣе смутился и видимо затруднялся, идти ли ему на этотъ зовъ, или притвориться, что онъ не слышитъ, хотя не было никакой возможности не слышать, ибо дорога, по которой ѣхали Синтянины, и тропинка, по которой шелъ Висленевъ, здѣсь почти совсѣмъ сходились. Синтяниной неприятно было, зачѣмъ Иванъ Демьяновичъ такъ назойливо его кличетъ, и она спросила: какая въ томъ надобность и чтò за охота?

— А что-съ? ничего-съ, я хочу его подвезти-съ; онъ далеко отошелъ,—отвѣчалъ генераль, не глядя въ глаза женѣ.

Висленевъ, наконецъ, долженъ былъ оглянуться и, повернувъ, подошелъ къ проѣзжавшимъ: онъ былъ неозвонительно сконфуженъ и перепуганъ и озирался какъ заяцъ.

— Ничего-съ, ничего-съ,—звалъ генераль:—не конфузьтесь! пожалуйте-ка сюда: прокатитесь съ нами.

И съ этимъ онъ снялъ свою запасную шинель съ передней лавочки дрожекъ и усадилъ тутъ Висленева прямо противъ себя и тотчасъ же началъ допрашивать, не сводя своихъ пристальныхъ, холодныхъ глазъ съ потупленнаго висленевского взора.

— Съ мужиками говорили-сь, а? Умень русскій мужичокъ, ухъ умень! О чемъ, позвольте знать, вы съ ними бесѣдовали-сь?

Генеральнѣ это было ужасно противно, а Висленеву даже жутко, но Иванъ Демьяновичъ былъ немилосердъ и продолжалъ допрашивать... Висленевъ болталъ какой-то вздоръ, къ которому генеральша не прислушивалась, потому что она думала въ это время совсѣмъ о другихъ вещахъ,—именно о немъ же самомъ, жалкомъ, замыканномъ Богъ вѣсть до чего. Онъ ей въ эти минуты былъ близокъ и жалокъ, почти милъ, какъ мило матери ея погибшее дитя, которому уже никто ничего не даритъ, кромѣ заслуженной имъ насмѣшки да укоризны.

Такъ они втроемъ доѣхали до самаго крыльца. Предъ крыльцомъ стояла куча мужиковъ, которые, при ихъ приближеніи, спяли шапки и низко поклонились. На ихъ поклонъ отвѣтили и генераль, и его жена, но Висленевъ даже не притронулся къ своей фуражкѣ.

— Они вамъ кланяются-сь, а вы не кланяетесь-сь, — сказалъ генераль. — Это не по-демократически-сь и не хорошо-сь не отвѣчать простому человѣку-сь на его вѣжливость.

Висленевъ покраснѣлъ, быстро оборотился лицомъ къ мужикамъ, поклонился имъ чрезвычайно скорымъ поклономъ и, ни съ того, ни съ сего, шаркнулъ ножкой.

Генераль размѣялся.

Въ домѣ собралось много гостей, пріѣхавшихъ и изъ деревень, и изъ города поздравить Михаила Андреевича, который былъ очень любезенъ и веселъ, вертѣлся попрыгунчикомъ предъ дамами, отпускалъ *bons mots* направо и палѣво и трясъ своими бѣлыми беранжеровскими кудерьками.

Генераль и его жена застали Водростина, сообщавшаго кучкѣ гостей что-то необыкновенно курьезное: онъ то смѣялся, то ставилъ знаки восклицанія и при приближеніи генерала заговорилъ:

— А вотъ и кстати нашъ почтенный генераль: отвѣтите ли, ваше превосходительство, на вопросъ: въ какое время люди должны обѣдать?

— Говорятъ, что какой-то классическій мудрецъ сказалъ, что «богатый—когда хочеть-сь, а бѣдный—когда можеть-сь».

— А вот и выходитъ, что вашъ мудрецъ классически совралъ!—зачастилъ Бодростинъ:—у насъ бѣдный обѣдаетъ когда можетъ, а богатый—когда ему мужикъ позволить.

Генераль этого не понималъ, а Бодростинъ, полюбовавшись его недоумѣнiемъ, объяснилъ ему, что мужики еще вчера затѣяли добывать «живой огонь» и прислали депутацію просить, чтобы сегодня съ сумерекъ во всемъ господскомъ домѣ были потушены всѣ огни и залиты дрова въ печкахъ, такъ чтобы нигдѣ не было ни искорки, потому что иначе добытый новый огонь не будетъ имѣть своей чудесной силы и не поглотитъ королевой смерти.

— Я имъ, разумеется, отказалъ, — продолжалъ Бодростинъ.—Помилуйте, сколько дней имъ есть въ году, когда могутъ себѣ дѣлать всякія глупости, какія имъ придутъ въ голову, такъ нѣтъ, — вотъ подай имъ непременно сегодня, когда у меня гости. «Нонѣ, говорятъ, Михаилъ Архангелъ живетъ, онъ Божью огненную силу править: намъ въ этотъ самый въ его день надѣтъ».

— Ну, ужъ я слуга покорный, — по ихъ дудкѣ плясать не буду. Велѣлъ ихъ вчера прогнать, а они сегодня утромъ еще гдѣ тебѣ до зари опять собрались чуть не всюю гурьбой, а теперь опять... Скажите пожалуйста, какая наглость и вѣдь какова настойчивость. Видѣли вы ихъ?

— Да-съ, видѣлъ-съ,—отвѣчалъ генераль.

— Не отходить прочь да и basta. Три раза посылалъ отгонять—нѣтъ, опять съзнава тутъ. Вѣдь это... воли ваша, нельзя же позволить этимъ лордамъ продѣлывать всякія штуки надъ разжалованнымъ дворянствомъ!..

Въ эту минуту человѣкъ попрѣселъ Бодростина въ рядную къ конторщику. Михаилъ Андреевичъ вышелъ и скоро возвратился веселый и, развязно смѣясь, похвалить практическій умъ своего конторщика, который присоветовалъ ему просто-на-просто неможко припадутъ мужиковъ, давъ имъ обѣщаніе, что огня въ домѣ не будетъ, а между тѣмъ праздновать себѣ праздникъ, опустивъ шторы, какъ будто бы ничего и не было.

О планѣ этомъ никто не высказывать никакого мнѣнія, да едва ли о немъ не всѣ тотчасъ же и позабыли. Что же касается до генеральши, то она даже совсѣмъ не обратила вниманія на эту перемолвку. Ея занималъ другой вопросъ: гдѣ же Лариса? Она глядѣла на всѣ стороны и

видѣла всѣхъ: даже, къ немалому своему удивленію, открыла въ одномъ углу Ворошилова, который сидѣлъ, уткнувъ свои золотые очки въ какой-то книсекъ, но Лары между гостями не было. Это смутило Синтяину, и она подумала:

«Такъ вотъ до чего дошло, ее считаютъ недостойною порядочнаго общества! ее не принимаютъ! И кто же изгоняетъ ее? Глафира Бодростина! Бѣдная Лара!»

Синтяина пошла къ Ларисѣ.

Она застала Лару одну въ ея комнатѣ во флигелѣ, па-сулевную и надутую, но одѣтую чрезвычайно къ лицу и по-гостиному... Она ждала, что ее позовутъ, и ждала напрасно. Она поняла, что гостя это видитъ, и спросила ее:

— Ты была уже тамъ?

Синтяина молча кивнула ей утвердительно головой и тотчасъ же заговорила о стороннихъ пустякахъ, но, увидавъ, что у Лары краснѣютъ вѣки и на рѣсницахъ начинаютъ слезы, не выдержала и, бросаясь къ ней, обняла ее. Обѣ заплакали, склонясь на плечо другъ другу.

— Не жалѣй меня,—прошептала Лариса:—я этого стою, и они правы...

— Никто не правъ, обижая другого человѣка съ намѣреніемъ,—отвѣчала Синтяина, но Лара прервала ея слова и воскликнула съ жаромъ:

— О! если бы ты знала, какъ я страдаю!

Въ это время генеральшу попросили къ столу.

— Иди, ради Бога иди,—шепнула ей Лариса.

## ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

### Красное пятно.

Обѣдъ шелъ очень оживленно и даже весело. Цѣлое море огня съ зажженныхъ во множествѣ бра, люстръ и канделябръ освѣщало большое общество, усѣвшееся за длинный столъ въ высокой бѣлой съ позолотой залѣ въ два свѣта. На хорахъ гремѣлъ хоръ музыки, звуки которой должны были долетать и до одинокой Лары, и до крестьянъ, оплакивавшихъ своихъ коровушекъ и собиравшихся на огничанье.

Этою стороною именинный обѣдъ Бодростина немножко напоминалъ «Пиръ во время чумы»: здѣсь шумъ и оживленное веселье, а тамъ за стѣнами одинокія слезы и мирское горе. Но ни хозяйнѣ, ни гостямъ, никто не думалъ объ

этомъ. Именинникъ сіялъ и разсыпался въ любезностяхъ съ дамами, жена его, снявшая для сегодняшняго торжества свой обычный черный костюмъ и одѣтая въ бѣлое платье съ вѣткой мирты на головѣ, была очаровательна и, вдобавокъ, необыкновенно ласкова и внимательна къ мужу. Зоицы говорили, что этому и должно приписывать перемѣну въ характерѣ Бодростина. Онъ долго ухаживалъ за своею женой послѣ петербургской пертурбаціи съ Казимирой, и цѣломудренная Глафира наконецъ простила ему вѣтрную Казимиру. Она не скрывала этого и постоянно обращалась къ нему съ какимъ-нибудь ласковымъ словомъ при каждомъ антрактѣ музыки, и надо ей отдать справедливость,—каждое ея слово было умно, тонко, сказано у мѣста и въ самомъ дѣлѣ обязывало самыя нелестивыя уста къ комплиментамъ этой умной и ловкой женщины. Старикъ Бодростинъ таялъ; Гордановъ, который сидѣлъ рядомъ съ Висленевымъ, обратилъ на это вниманіе Жозефа, въ которомъ и безъ того кипѣла ревность и опасеніе, что Глафира его совсѣмъ выгонитъ.

— Вижу,—прошепталъ Висленевъ и позеленѣлъ. Ревность душила его.

Обѣдъ уже приходилъ къ концу, какъ внезапно случилось не особенно значительное, но довольно неприятное обстоятельство: подавали шампанское двухъ сортовъ: бѣлое и розовое,—Глафира выбрала себѣ послѣднее.

Заиграли тунъ; всѣ начали поздравлять именинника, а хозяйка въ неизмѣнномъ настроеніи своей любезности встала съ своего мѣста и, обойдя столъ, подошла къ мужу съ намѣреніемъ чокнуться съ нимъ своимъ бокаломъ.

Увидавъ, что жена идетъ къ нему, Михайлъ Андреевичъ быстро схватилъ свой бокалъ и, порывшись въ боковомъ карманѣ своего фрака, посиѣвшилъ къ ней навстрѣчу. Они сошлись какъ разъ за спиной Ропшина. Руки ихъ были протянуты другъ къ другу. Въ рукѣ Глафиры былъ бокалъ съ розовымъ шампанскимъ, а въ рукѣ ея мужа — сложенный листъ бумаги, подавая который, Бодростинъ улыбался. Но въ то самое мгновеніе, когда Глафира Васильевна съ ласковою улыбкой сказала: «живи много лѣтъ, Michel», она поскользнулась, и ея вино цѣликомъ выплеснулось на грудь Михайла Андреевича и, пѣвнися, потекло по гофрировкѣ его рубашки, точно жидкая, старческая, пѣвнящаяся кровь. Ми-



хаиль Андреевичъ выронилъ бумагу, которую держалъ въ рукахъ. Сконфузившаяся на минуту Глафира взглянула на полъ и сказала:

— Это я поскользнулась о яблочное зерно.—И съ этимъ она быстро взяла полный бокалъ Ропшина, чокнулась имъ съ мужемъ, выпила его залпомъ и, пожавъ крѣпко руку Михайла Андреевича, поцѣловала его въ лобъ и пошла, весело шутя, на свое мѣсто, межъ тѣмъ какъ Бодростинъ кидаль недовольные взгляды на сконфуженнаго метръ-д-отеля, поднявшаго и уносившаго зернышко, межъ тѣмъ какъ Ропшинъ поднялся и подалъ ему бумагу.

— Сирячъ и отдай ей,—отвѣтилъ, не принимая бумаги, Михайлъ Андреевичъ, сидѣвшій съ запровленною за галстукъ салфеткой, чтобы не было видно его виномъ облитой рубашки.

— Что это за бумага?—полюбопытствовалъ послѣ обѣда у Ропшина Висленевъ.

— Отгадайте.

— Почему я могу отгадать?

— Спросите духовъ.

— Нѣтъ, я васъ прошу сказать мнѣ!

— А, если просите, это другое дѣло: это дарственная записка, которую Михайлъ Андреевичъ дарить Глафирѣ Васильевнѣ все свое состояніе.

Висленевъ разинулъ ротъ.

Межъ тѣмъ Михайлъ Андреевичъ появился передѣтый въ чистое бѣлье, но гнѣвный и страшно недовольный. Ему доложили, что мужики опять собираются и просятъ велѣть погасить огни. Глафира разсѣяла его гнѣвъ: она предложила прогулку въ Аленинъ Верхъ, гдѣ мужики добываютъ изъ дерева живой огонь, а на это время въ парадныхъ комнатахъ, окна которыхъ видны изъ деревни, погасить огни.

— Тѣхъ же господъ, кто не хочетъ идти смотрѣть на проказы нашей русской Титаніи надъ Оберопомъ, — добавила она:—я приглашаю ко мнѣ на мою половину.

Но это было напрасно: всѣ хотѣли видѣть проказы русской Титаніи, и вереница экипажей понесла гостей къ Аленину Верху.

Огни въ большинствѣ комнатъ сгасли, и въ домѣ остались только сама госпожа, прислуга, да генеральша, ускользнувшая къ Ларѣ.

## ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

## Живой огонь

Тайнодѣйствіе съ огнемъ началось гораздо раниѣе, чѣмъ гости въ господскомъ домѣ сѣли за праздничную трапезу. Убогой обѣдъ на селѣ у крестьянъ отошелъ на раняихъ, и къ полдню во всѣхъ избахъ былъ уже вездѣ залитъ огонь, и люди начинали снаряжаться на огничаніе. При дѣлѣ нужны были немалые распорядки, и потому Сухой Мартынь, видя, что Ковза кузнецъ уже съ ногъ сбился, а въ Памфилякѣ дурачкѣ нѣтъ ему никакой помощи, взялъ себѣ еще двухъ положайниковъ, десятскаго Дербака, да захожаго ружейнаго слесаря, который называлъ себя безъ имени Ермолаичемъ,—человѣка, всѣхъ удивлявшаго своимъ досужествомъ. Онъ всего съ недѣлю зашелъ откуда-то сюда и всѣмъ поправился. Кому завязанное ремнемъ ружьишко поправилъ, кому другою какою угодой угодилъ, а наипаче бабъ обласкалъ своимъ досужествомъ: той замокъ на скрынѣ справилъ, той фольгой всю божницу расцвѣтилъ, той старую прилку такъ наладилъ, что она такъ и гремитъ его славу по всему селу.

Всѣ эти четыре человѣка: Ковза кузнецъ, дуракъ Памфиль, Дербакъ десятскій и захожій слесарь Ермолаичъ, тотчасъ послѣ обѣда, раздѣляясь попарно, обошли все село и заглянули въ каждую печь и залили сами во всякомъ домѣ всякую искорку; повторили строго-на-строго всѣмъ и каждому, чтобы, Боже унаси, никто не смѣлъ ни сѣринки вздуть, ни огнивомъ въ кремень ударить, а наипаче трубки не курить. Затѣмъ настала часъ запирашь избы и задворки и всего осторожнѣе крѣпко-на-крѣпко защититъ коровьи закуты, положивъ у каждой изъ нихъ предъ дверью крестомъ кочергу, помело и лопату. Это необходимая предосторожность, чтобы, когда сойдетъ живой огонь и мертвая мара взмечется, такъ нельзя было ей въ какой-нибудь захлѣвунинѣ спрятаться.

Наказовъ этихъ никому не надо было повторять: всѣ они исполнялись въ точности, и еще на дворѣ было довольно свѣтло, какъ все, что нужно было, въ точности выполнено: лопаты, кочерги были разложены, и крестьяне, и старъ и младъ, снаряжался въ путь.

Многіе мужики даже уже тронулись: нахлобучивъ шапки, они потянулись кучками черезъ зады къ Аленицу Верху, а

за ними, толкаясь и подпрыгивая, плелся подростки обоего пола. Изъ послѣднихъ у каждаго были въ рукахъ у кого черенокъ, у кого старая черная корчажка,—у двухъ или у трехъ изъ наиболѣе зажиточныхъ дворовъ висѣли на кушакѣхъ фонари съ салными огарками, а, кромѣ того, они волюкли въ охапкахъ лучину и сухой хворостъ.

Короткій осенній день рано сумеречилъ, и только что чуть начало сѣрѣть, на порогѣ старостинной избы показался сѣдой главарь всей колдовской справы, Сухой Мартынь, а съ нимъ его два положайника: прохожій Ермолаичъ съ балалайкой и съ дудкой, и Памфилка-дуракъ съ своею свайкой. Кузнеца Ковзы и десятскаго Дербѣака уже не было: они ранѣе ушли въ Аленинь Верхъ съ топорами и веревками излаживать послѣднія приготовленія къ добычѣ живого огня. Съ ними ушло много и другихъ рукодѣльныхъ людей, а остальные сплошную верепицей выходили теперь вслѣдъ за главаремъ, который тихо шагаль, неся предъ собою на груди образъ Архангела и читая ему шопотомъ молитву не каноническаго сложенія.

Въ послѣдней толгѣ было много и старухъ, и небольшихъ дѣвочекъ; взрослые же дѣвки и всѣ молодыя женщины оставались еще на селѣ, но не для того, чтобы бездѣйствовать, — нѣтъ, совсѣмъ напротивъ: имъ тоже была важная работа, и для наблюденія строя надъ ними, Сухимъ Мартыномъ была поставлена своя особая главариха, старая вдова Мавра, съ красными змѣиными глазами безъ вѣкъ и безъ рѣсницъ, а въ подмогу ей даны двѣ положайницы: здоровенная русая дѣвка Евдоха, съ косою до самыхъ ногъ, да бойкая гулевая солдатка Веретеница.

Чуть мужики съ своимъ главаремъ скрылись за селомъ, бабы покидывали съ себя въ избахъ понявы, распустили по плечамъ косы, подмазали лица—кто тертымъ кирпичомъ, кто мѣломъ, кто сажей,—взяли въ руки что кому вздумалось изъ печной утвари и стали таковы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Черезъ полчаса вслѣдъ за мужиками выступали отрядомъ женщины, всѣ босыя, въ одиѣхъ длинныхъ сорочкахъ, съ растрепанными волосами, съ испачканными кирпичомъ и сажей лицами и вооруженныя цѣпами, косами, граблями и вилами. Вышли онѣ на улицу по-семейно; здѣсь по одной изъ крайнихъ десяти дворовъ впряглись въ опрокинутую

кверху соинниками соху, а одиннадцатая съѣла верхомъ на соинныя обжи и захлестала громко длиннымъ пастушьимъ кнутомъ. На этотъ звукъ сейчасъ же изъ-за недалекаго угла выскакала верхомъ на маленькомъ бодромъ конькѣ гулевая солдатка Веретеница и протяжно заунывно аукнула.

— Ау! — отозвались ей въ стыломъ воздухѣ съ другого конца села, и на улицѣ, точно такъ же верхомъ на лохматой чалой лошади, показалась здоровенная русая дѣвка Евдоха.

Обѣ положайницы съѣхались, повернули коней головами къ воротамъ широкаго Кириллина задворка и обѣ разомъ завьли волчихами, да такъ зычно и жалостно, что даже кони ихъ со страху шарахнулись и ушами запряли, а пѣнія раздѣтыя бабы стали креститься и между собою шептаться:

— Точно ли это Евдоха съ солдаткой: не вѣдьмы ли?

Шабашъ начинался: только-что завывалы провѣли свой первый сигналъ, ворота задворка скрипнули, и изъ-подъ его темныхъ навѣсовъ, мотая головой и хлопая длинными ушами, выѣхалъ бѣлый конь, покрытый широкимъ бѣлымъ веретемъ, а на этомъ старомъ смирномъ конѣ сидѣла, какъ смерть худая, вдова Мавра съ красными глазами безъ вѣкъ, въ длинномъ мертвецкомъ саванѣ и лыкомъ подпоясанная. Не успѣлъ показаться крупъ ея бѣлаго копя, какъ изъ-за него, словно воробьи изъ гнѣзда, выпорхнули на разношерстныхъ пахотныхъ лошадакахъ цѣлымъ коннымъ отрядомъ до полтора десятка бабъ, кто въ полушубкѣ навыворотъ, кто въ зипунѣ наопахъ, иныя зашароварившись ногами въ рукава, другія сидя на одномъ конѣ по-двое, и у всякой въ рукѣ или звонкій цѣпъ съ дубиной, или тяжелыя, трезубыя навозныя вилы.

Непривычныя къ такому наѣзду лошаденки, не смотря на свое врожденное смиренство, хралнули и, заматавшись, разнеслись - было въ разныя стороны, но повода были крѣпки, и наѣздницы, владѣя ими своими сильными руками, скоро справились и собрались вокругъ Мавры въ длинномъ саванѣ.

Настала торжественная минута: вдова размахнула свой саванъ, подняла надъ головой широкую печную заслонку изъ листового желѣза и, ударивъ по ней жестянымъ ковшомъ, затряслась и крикнула:

— Сторонися, смерть, предъ бабьею ногой!

И заляскали велѣдъ за нею о древки сухіе цѣпы, зако-

лотили емки и ухваты, зазвенѣли серпы и косы, задребезжали спицами трезубыя вилы; сотни звонкихъ, громкихъ голосовъ, кто во что гораздъ, взвизгнули, гаркнули, крикнули: «згинь, пропади отсюда, коровья смерти!», и, переливаясь, понеслись, то заглушаемые шумомъ, то всплывающіе поверхъ его вновь.

Село опустѣло, но еще не совсѣмъ: оставались старушки съ малыми внуками, но вотъ и онѣ показались. Одна за другою, онѣ тянули на поводкахъ остающихся въ живыхъ коровушекъ, а дѣвчонки сзади подхлестывали животинъ хворостинками. Все это потянуло къ тому же самому центру, на Аленинъ Верхъ, гдѣ надлежало добыть живой огонь, сжечь на немъ соломенную чучелу коровьей смерти или мары, перегнать черезъ ея пламя весь живой скотъ и потомъ опахаты село, съ дѣвственнымъ пламенемъ, на раздѣтыхъ бабахъ.

Въ опустѣлыхъ избахъ остались только тѣ, кто ходить не могъ. Здѣсь темень; только изрѣдка можно было слышать дряхлый кашель недвижимой старухи да безнадежный плачь понапрасну надрывавшихъ себя грудныхъ дѣтей, покинутыхъ безъ присмотра въ лубочныхъ зыбкахъ.

Все остальное какъ вымерло, и на пустую деревню съ пагорья свѣтили лишь праздничные огни двухъэтажныхъ господскихъ палатъ и оттуда же сквозь открытыя форточки оконъ неслись съ высокихъ хоръ звуки пиришественной музыки, исполнявшей на эту пору извѣстный хоръ изъ «Роберта»:

«Въ законъ, въ законъ себѣ поставимъ  
«Для радости, для радости лишь жить».

Теперь это еще болѣе напоминало «*Пиръ во время чумы*» и придавало общей картинѣ злобнѣйшій характеръ, значеніе котораго вполне можно было опредѣлить, лишь заглянувъ подъ нахлобученныя шапки мужиковъ, когда до ихъ слуха вѣтеръ доносилъ порой вздымающіе сердце звуки мейерберовскихъ хоровъ. Яркое, праздничное освѣщеніе дома мутило ихъ глаза и гнело разумъ досадой на невнятную просьбу ихъ, а настрадавшіяся сердца переносило страхомъ, что ради этого непотушеннаго огня «живой огонь» или совсѣмъ не сойдетъ на землю, или же, если и сойдетъ, то будетъ недействителенъ.

Тьмы-темь злыхъ пожеланій и проклятій летѣли сюда на

эти звуки и на этот огонь изъ холоднаго Аленина Верха, гдѣ теперь одни впотьмахъ валяли изъ привезеннаго воза соломы огромнѣйшую чучелу мары, межъ тѣмъ какъ другіе путали и цѣпляли множество вожжей къ концамъ большой сухостойной красной сосны, спиленной и переложенной на козлахъ крестъ-накрестъ съ сухостойною же черною липой.

Барское пиршество и опасенія занесенной Висленевымъ тревоги, что и здѣсь того гляди барскимъ раченіемъ послѣдуетъ помѣха, измѣняли характеръ тихой торжественности, какую имѣло дѣло во время сборовъ, и въ души людей начало красться раздраженіе, росшее быстро. Мужики работали, сунясь, озираясь, толкая другъ дружку и ворча какъ медвѣди.

Но вотъ наконецъ все налажено: высокая соломенная кукла мары поднята на большой камень, на которомъ надлежитъ ее сжечь живымъ огнемъ, и стоитъ она почти вровень съ деревьями; по деревьямъ вѣтвямъ навѣшана длинная пряжа; въ кошелкѣ подъ разбитымъ громомъ дубомъ копошится бѣлый пѣтухъ-получникъ. Сухой Мартынъ положилъ образъ Архангела на бѣломъ ручникѣ на высокій пенъ спиленнаго дерева, снялъ шляпу и, перекрестясь, началъ молиться.

Мужики дѣлали то же самое, и сердца ихъ укрощались духомъ молитвы.

— Теперь все ли, робя?

— Все.

Сухой Мартынъ накрылся шляпой, за нимъ то же сдѣлали другіе.

— Бабы въ своемъ ли уповодѣ?

— За мостомъ стоять — огня ждуть, — отвѣчали полужайники.

— Сторожухи чтобы на всѣхъ дорогахъ глядѣли.

— Глядятъ.

— Никого чтобы не пускали, ни коннаго, ни пѣшаго, а наипаче съ огнемъ!

— По двѣ воздѣ стоять, не пустягъ.

— Кто силомъ попреть, живому не быть!

— Не быть!

— Ну, и съ Господомъ!

Главарь и мужики опять перекрестились. Сухой Мартынъ сѣлъ верхомъ на стволъ сосны, положенной накрестъ утвер-

жденной на козлахъ липы, а народъ расхваталъ концы привязанныхъ къ дереву вожжей.

Сухой Мартынь поблагословилъ воздухъ на всѣ стороны и, выхвативъ изъ-за пояса топоръ, воткнулъ его предъ собой въ дерево.

Народъ тихимъ, гнусливымъ унисономъ затычулъ:

Помоги, архангелы,  
Помоги, святители,  
Добыть огня чистаго  
Съ древа непорочнаго.

По мѣрѣ того, какъ допѣвалось это заклинательное моленье, концы веревокъ натягивались какъ струны, и съ послѣднимъ звукомъ слился звукъ визжащаго тренія: длинное бревно челнокомъ заныряло назадъ и впередъ по другому бревну, а съ нимъ замелькалъ то туда, то сюда старый Сухой Мартынь. Едва держась на своемъ полетѣ за воткнутый топоръ, онъ быстро началъ впадать отъ качанія въ шаманскій азартъ: ему чудились вокругъ него разные руки: черныя, бѣлыя, мѣднокованныя и серебряныя, и всѣ онѣ тянули его и качали, и сбрасывали, а онъ имъ противился и выкликалъ:

— Вертодубъ! Вертогоръ! Трескунъ! Полоскунъ! Боднякъ! Регла! Авсень! Таусень! Ухъ, бухъ, бухъ, бухъ! Слышу соломенный духъ! Стой, стой! Два супостата! Смерть и Животъ, борются и огнемъ мигаютъ!

И Сухой Мартынь соскочилъ съ бревна и, воззрѣвъ изъ-подъ рваной рукавицы въ далекую темь, закричалъ:

— Чуръ, всѣ ни съ мѣста! Смерть или Животъ!

## ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

### Ларисина тайна.

Въ то самое время, какъ въ Алениномъ Верхѣ происходили описанныя событiя, Александра Ивановна Снятинина, пройдя темными переходами, отворила дверь въ комнату Лары и изумилась, что здѣсь была совершенная темнота.

Молодой женщиной вдругъ пришло въ мысль: не сбѣлала ли чего-нибудь съ собою Лариса, по меньшей мѣрѣ не покинула ли она внезапно этого непривѣтливаго и страшнаго дома и не ушла ли куда глаза глядятъ?

Пораженная этою мыслью, Александра Ивановна остано-

вилась на порогѣ. Въ комнатѣ не было замѣтно ни малѣйшаго признака жизни.

Александра Ивановна, безуспѣшно всматриваясь въ эту темь, рѣшилась позвать Ларису и, сдерживая въ груди дыханіе, окликнула ее тихо и нерѣшительно.

— Я здѣсь,—отозвалась ей такъ же тихо Лариса и сейчас же спросила:—что тебѣ отъ меня нужно, Alexandrine?

— Ничего не нужно, другъ мой Лара, но я устала и пришла къ тебѣ посидѣть,—отвѣчала генеральша, идя на голосъ къ окну, въ сѣромъ фонѣ котораго на морозномъ небѣ мерцали рѣдкія звѣзды, а внизу на подоконникѣ были чуть замѣтны силуэты Ларисы.

Александра Ивановна подошла къ ней и, заглянувъ ей въ лицо, замѣтила, что она плачетъ.

— Ты сидишь впотъмахъ?

— Да: мнѣ такъ лучше,—отвѣчала Лара.

— Тебѣ, можетъ-быть, неприятно, что я пришла?

— Нѣтъ; отчего же? мнѣ все равно.

— Можетъ-быть мнѣ уйти?

— Какъ хочешь.

— Такъ прощай,—молвила генеральша, протягивая ей руку.

— Прощай.

— Дай же мнѣ твою руку!

Лариса молча положила пальцы своей руки на руку Синтяниной и прошептала:

— Прощай и... не сердись, что я такая непривѣтливая...

И съ этимъ она не выдержала и неожиданно громко зарыдала.

— О, Боже мой, какое горе,—произнесла Синтянина и, поиславъ ногой стула и не найдя его, опустилась предъ Ларисой на колѣни, сжала ея руки и поцѣловала ихъ.

— Ахъ, Саша, что ты дѣлаешь! —отозвалась Лариса и поспѣшно сама поцѣловала ея руки.

— Лара,—сказала ей Синтянина:—позволь мнѣ быть съ тобою откровенною: я много старше тебя; я знаю тебя съ твоего дѣтства, я люблю тебя и мнѣ ясно, что ты несчастлива.

— Очень, очень несчастлива.

— Поговоримъ же, подумаемъ объ этомъ; совсѣмъ неоправимыхъ положеній нѣтъ.

— Мое неоправимо.



— Это ты все надумала въ своемъ одиночествѣ, а я хочу напомнить тебѣ о людяхъ, способныхъ христіански отнестись ко всякому несчастію...

Лариса быстро ее перебила:

— Ты хочешь мнѣ говорить о моемъ мужѣ? Я и такъ думала о немъ весь вечеръ подъ звуки этой музыки.

— И плакала?

— Да, плакала.

— О чемъ?

Лариса промолчала.

— Говори же: одолѣй себя, смирись, сознайся!

И Синтянина снова сжала ей руки.

— Что-жъ пользы будетъ въ этомъ, — отвѣчала Лариса. — Неужели же ты хотѣла бы, чтобъ я разыграла въ жизни одинъ изъ Авдѣевскихъ романовъ?

— Ахъ, Боже мой, да что тебѣ эти романы, — послушай своего сердца. Вѣдь ты еще его любишь?

— Да.

— Я вижу, тебя мучить совѣсть.

— О, да! Странно, странно мучить, и мнѣ мало всѣхъ моихъ мученій, чтобъ отстрадать мою вину: но я *должна* идти все далѣе и далѣе.

— Это вздоръ.

Лара покачала головой и, усмѣхнувшись, прошептала:

— Нѣтъ, не вздоръ.

— Ты должна положить конецъ своимъ униженіямъ.

— Я этого не могу, понимаешь — я *не могу*, я хочу и не могу.

— Я понимаю, что ты не можешь и не должна сдѣлать туръ, какой дѣлали геронни тѣхъ романовъ, но если твой мужъ позоветъ тебя какъ добрый, любящій человекъ, какъ христіанинъ простить тебя и приметъ не какъ жену, а какъ несчастнаго друга...

— Для меня безсильно все, даже и религія.

— Дай мнѣ договорить: ты не права; христіанская религія не кладетъ никакихъ границъ великодушію. Конечно, есть чувства... есть вещи... которыми возмущается натура и... я понимаю твои затрудненія! Но пойми же меня: развѣ бы ты не рвалась къ Подозерову, если бъ онъ былъ въ несчастіи, въ горѣ, въ болѣзни?

— О, всюду, всюду, но... ты не понимаешь, что говоришь: *я не могу... Я не могу* ничего этого сдѣлать; я связана.

Синтянина возразила ей, что Подозеровъ ея законный мужъ, что его права такъ велики и сильны предъ закономъ, что ихъ никто не смѣетъ оспорить, и заключила она:

— Если ты позволишь, я напишу твоему мужу, и ручаюсь тебѣ за него...

Ларису передернуло.

— *Ты за него* ручаешься!

— Да, *я за него* ручаюсь, что онъ будетъ счастливъ, доставивъ тебѣ, разбитой, покой и отдыхъ отъ твоихъ несчастій,—тѣмъ болѣе, что онъ умѣетъ быть самымъ нетребовательнымъ другомъ, и ты еще можешь въ тишинѣ дожить вѣкъ съ нимъ.

Лариса сдѣлала еще болѣе рѣзкое, нетерпѣливое движеніе.

— Ты серднишься?

— Нѣтъ,—отвѣчала Лара:—нѣтъ; я не сержусь, но вотъ что, Alexandrine, я не могу сносить этого тона, какимъ ты говоришь о моемъ бывшемъ мужѣ. Мнѣ все это дорого стѣитъ. Я уважаю тебя, ты хорошая, добрая, честная женщина; я нерѣдко сама хочу тебя видѣть, но когда мы свидимся... въ меня просто вселяется дьяволь, и... прости меня, сдѣлай милость, я не хотѣла бы сказать тебѣ то, что сейчасъ, должно-быть, скажу: я ненавижу тебя за все и особенно за твою заботу обо мнѣ. Тетя Катерина Астафьевна права: во мнѣ бунуетъ Саулъ при приближеніи кротости Давида.

— Ты просто больна; тебя надо лѣчить.

— Нѣтъ, я не больна, а твои превосходства взяли у меня душу моего мужа.

— О, если тебя только это смущаетъ, то...

— Нѣтъ, молчи,—перебила ее Лара:—ты знаешь ли, что я сдѣлала? Я двумужница! Я вѣнчалась съ Гордановымъ!

Синтянина стояла какъ ошеломленная.

— Да, да, — повторила Лара: — съ тобой говорить двумужница, о которой ему стѣитъ сказать слово, чтобы свести на каторгу, и онъ скажетъ это слово, если я окажу ему малѣйшее неповиновеніе.

— Ты шутишь, Лара?

— О, да, да; это шутка: они надо мною шутятъ, они безчеловѣчно шутятъ, но мнѣ это уже надоѣло, и я не шучу.

При этихъ словахъ она вскочила съ мѣста и, скрежеща зубами, вскричала:

— Онъ хочетъ убить Бодростина и, женясь тайно на мнѣ, жениться на Глафирѣ, но этого не будетъ, не будетъ! И имъ отомщу, отомщу...

Она зашаталась на ногахъ и, произнеся: «я ихъ всѣхъ погублю!»—упала на прежнее мѣсто.

— Оставь ихъ, оставь этотъ домъ...

— Нѣтъ, никогда! — простонала Лара. — И теперь это поздно: я ихъ предала, а они уже все совершили.

— Бѣжимъ, Бога ради бѣжимъ!

— Бѣжать!.. Стой!.. Что это такое?

По лѣстницѣ слышались чьи-то шаги, кто-то спѣшилъ, падалъ, вскакивалъ и бѣжалъ снова, и наконецъ съ шумомъ растворилась дверь, и кто-то, ворвавшись, закричалъ:

— Лариса! Лара! Alexandrine! Гдѣ вы? откликнитесь Бога ради!

Это былъ голосъ Бодростинной.

Лариса и Синтянина остались какъ окаменѣвшія: на нихъ напалъ ужасъ, а воѣжавшая Глафира металась впотьмахъ, наконецъ нащупала ихъ платья и, схватясь за нихъ дрожащими руками, трепеща, глядѣла въ непроглядную темень, откуда опять было слышались шумъ, шаги и паденья.

— Закройте меня! — простонала Глафира.

На Синтянину напалъ ужасъ. Ближе и ближе неся шумъ, и въ шумѣ въ этомъ было что-то страшное и зловѣщее. Межъ тѣмъ кто-то прежде ворвавшійся пугался въ переходахъ, тяжело дышалъ, бился о двери и, спотыкаясь, шепталъ:

— Гдѣ ты! гдѣ же ты наконецъ... я наконецъ сдѣлалъ все, что ты хотѣла... ты свободна... вдова... наконецъ я тебя заслужилъ.

Холодные мурашки, бѣгавшія по тѣлу генеральши, скинулись горячимъ пескомъ; ея горло схватила судорога, и она сама была готова упасть вмѣстѣ съ Ларисой и Бодростинной. Умъ ея былъ точно парализованъ, а слухъ пораженъ всеобщимъ и громкимъ хлопаньемъ дверей, такую бѣготней, такимъ содомомъ, отъ котораго трясся весь домъ. И весь этотъ потокъ лавиной стремился все ближе и ближе, и вотъ еще хлопъ, свистъ и шорохъ, въ узкихъ пазахъ двери сверкнули огненные линіи... и изъ устъ Лары вырвался раздирающій вопль.

Предъ ними на полу вертѣлся Жозефъ Висленевъ, съ окровавленными руками и лицомъ, на которомъ была размазанная и смѣшанная съ потомъ кровь.

— Убійца!—вскрикнула страшнымъ голосомъ Лара.

## ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

### Соломенный духъ.

Когда господа выѣхали смотрѣть огничанье, на дворѣ уже стояла свѣжая и морозная ночь. Ртуть въ термометрахъ на окнахъ бодростинскаго дома быстро опускалась, и изъ-за угловъ надворныхъ строснѣй порывало сухою студеною пылью. Можно было предвидѣть, что погода разыграется; но въ лѣсу, гдѣ крестьяне надрывались надъ добываніемъ огня, было тихо. Рѣдкія звѣзды чуть мерцали и замирали; ни одна снѣжинка не искрилась и было очень темно. Сторопному человѣку теперь не легко попасть сюда, потому что не только сама поляна, но и всѣ ведущія къ ней дороги тщательно оберегались отъ захожаго и заѣзжаго. Съ той минуты, какъ Сухому Мартыну что-то привидѣлось, досмотръ былъ еще строже. Въ морозной мглѣ, то тихо выплывали и исчезали, то быстро скакали взадъ и впередъ и чѣмъ-то размахивали какіе-то темные гномы — это были знакомыя намъ сторожевыя бабелины, вооруженныя тяжелыми цѣпами. Чѣмъ ближе къ Аленину Верху, тѣмъ патрули этихъ амазонокъ становились чаще и духомъ воинственнѣе и нетерпѣливѣе. Дѣло съ огнемъ не ладилось. Съ тѣхъ поръ, какъ Сухой Мартынь зря перервалъ работу, терли они дерево часъ, трутъ другой, а огня нѣтъ. Засинѣеть, будто, что-то на самой стычкѣ деревьевъ и даже сильно горячимъ пахнетъ, а огня нѣтъ. Мужики приналягутъ, силъ и рукъ не щадятъ, но все попусту... все сейчасъ же, какъ словно по злому наговору, и заохлодитъ: ни дымка, ни теплой струйки, точно все водой залито.

— Дѣло нечисто, тутъ что-то сдѣлано,—загудѣлъ народъ, и, побросавъ послѣднее платье съ плечь, мужики такъ отчаянно заработали, что на плечахъ у нихъ задымилась рубахи; въ воздухѣ сталъ потный паръ, лица покраснѣлись какъ рѣпы; набожныя восклицанія и дикая ругань перемѣшивались въ одинъ нестройный гулъ, но проку все нѣтъ; дерево не дастъ огня.

Кто-то крикнулъ, что не хорошо мѣсто.

Слово это пришлось по-сердцу: мужики рѣшили перенести весь снарядъ на другое мѣсто. Закипѣла новая работа: вся справа перетянулась на другую половину поляны: здѣсь опять пропѣли «помоги святители» и стали снова тереть, но опять безъ усѣха.

— Двѣ тому причины есть: либо промежъ насъ есть кто нечистый, либо всему дѣлу вина, что въ барскомъ домѣ старій огонь горить.

Нечистымъ себя никто не призналъ, стало-быть барскій домъ виноватъ, а на него власти нѣтъ.

— Это баре вредять,—проревѣло въ народѣ.

Сухой Мартынъ испатался и полуодурѣлый сошелъ съ дерева, а вмѣсто его мотался на бревнѣ злой Дербакъ. Онъ сидѣлъ неловко; бревно его безпрестанно щемило то за икры, то за голени, и съ досады онъ становился еще злѣе, надрывался, и не зная, что дѣлать, кричалъ, подражая перепелу: «быть-убить, драть-драть, быть-убить, драть-драть». Высокія ели и сосны, замыкавшія кольцою поляну, гудѣли и точно заказывали, чтобы звучное эхо не разносило лихихъ словъ.

Неподалеку въ сторонѣ, у корней старой ели, сидѣлъ на промерзлой кочкѣ Сухой Мартынъ. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и, опершись подбородкомъ на длинный ко-стыль, молчалъ; вокругъ него, привалаясь кто какъ попало на землю, отдыхали безуспѣшно оттершіе свою очередь мужики и раздраженно толковали о своей незадачѣ.

Мужики, ища виноватаго, метались то на того, то на другого; теперь они роптали на Сухого Мартына, что не гоже мѣсто взялъ. Они утверждали, что надо бы тереть на задворкахъ, но обезкураженный главарь все молчалъ и наконецъ, собравшись съ духомъ, едва молвилъ: что они бають не дѣло, что огничать надо на чистомъ мѣстѣ.

— Ну, такъ надо было стать на полѣ, — возразилъ ему какой-то щетинистый спорщикъ.

— На полѣ, разумѣется на полѣ: поле отъ лѣшаго дальше и Богу милѣе: оно христіанскимъ пѣтомъ полито,—поддержалъ спорщика козелковатый голосъ.

— Лѣсъ Богу ближе, лѣсъ въ небо дыра, — едва дыша отвѣчалъ Сухой Мартынъ: — а противъ лѣшаго у насъ на сучьяхъ пряжа развѣшана.

— Лѣшій на пряжу никакъ не пойдетъ, — проговорилъ кто-то въ пользу Мартына.

— Ему нельзя, онъ если сюда ступить, сейчасъ въ пряжу запутается, — пропѣлъ второй голосъ.

— Ну такъ надо было стать посреди лѣсу, чтобы къ Божьему слуху ближе, — возразилъ оштя спорщикъ.

— Божье ухо во весь мѣръ, — отвѣчалъ, оправляясь. Мартынь и зачиталъ искаженный текстъ псалма: «Живыи въ помощи Вышняго».

Это всѣмъ очень понравилось.

Мужики внимали сказанію о необъятности Божіей силы и власти, а Сухой Мартынь, окончивъ псаломъ, пустился своими красками изображать величіе Творца. Онъ описывалъ, какъ Господь облачается небесами, препоясуетъ зорями, а вокругъ него ангеловъ больше, чѣмъ просяныхъ зеренъ въ самомъ большомъ закромѣ.

Мужики, всегда любящіе бесѣду о грандіозныхъ вещахъ, поглотились вниманіемъ и пріумолкли: вышла даже пауза, въ концѣ которой молодой голосъ робко запыталъ:

— А правда ли, что Богъ старѣй мѣсяцъ на звѣзды крошитъ?

— Неправда, — отвѣчалъ Мартынь.

— Чего Онъ ихъ станетъ изъ стараго крошить, когда отъ Него намъ всей новины не пересмотрѣть, а звѣзды окна: изъ нихъ ангелы вылетаютъ, — возразилъ начинавшій передаваться на Мартынову сторону спорщикъ.

— Ну, это врешь, — опровергъ его козелковатый голосъ. — На что ангелъ станетъ въ окно сигать? Ангелу во всемъ небеси вездѣ дверь, а звѣзда пламень, она на то поставлена, чтобъ горѣть, когда мѣсяцъ спать идетъ.

— Неправда; а зачѣмъ она порой и тогда свѣтитъ, когда мѣсяцъ яснить?

Астрономъ сбился этимъ возраженіемъ и, затрудняясь отвѣчать, замолчалъ, но вмѣсто его въ тишинѣ отозвался новый ораторъ.

— Звѣзда стражница, — сказалъ онъ: — звѣзда все видитъ, она видѣла, какъ Кавель Кавеля убилъ. Мѣсяцъ увидаль, да испугался, какъ христіанская кровь брызнула, и сейчасъ спрятался, а звѣзда все надъ Кавелемъ плыла, Богу злодѣя показывала.

— Кавеля?

— Нѣтъ, Кавеля.

— Да вѣдь кто кого убилъ-то: Кавель Кавеля?

— Нѣтъ, Кавель Кавеля.

— Врешь, Кавель Кавеля.

Споръ становился очень затруднительнымъ, только было слышно: «Кавель Кавеля», «нѣтъ, Кавель Кавеля». На чьей сторонѣ была правда ветхозавѣтнаго факта — различить было невозможно, и дѣло грозило дойти до брани, если бы въ ту минуту неразрѣшаемыхъ сомнѣній изъ темной мглы на счастье не выплылъ маленькій положайникъ Ермоланчъ и, упавая отъ усталости къ пенушку, не заговорилъ сладкимъ, немного искусственнымъ голосомъ.

— Ухъ, усталъ я, рабъ Господень, усталъ, ребятушки: дайте присѣсть посидѣть, вашихъ умныхъ словъ послушать.

И онъ, перекачавъ котомъ, помѣстился между мужиковъ, прислонясь спиной къ кочкѣ, на которой сидѣлъ Сухой Мартынъ.

— О чемъ, паренки - братцы, спорили: о странномъ или о божественномъ; о древней о бабушкѣ или о красной о дѣвушкѣ?—заговорилъ онъ тѣмъ же сладкимъ голосомъ.

Ему рассказали о лунѣ, о звѣздахъ и о Кавелѣ съ Кавелемъ.

— Ухъ, Кавели, Кавели, давнѣе люди, что намъ до нихъ, братцы, Божьи работнички: ихъ Богъ разсудилъ, а насчетъ неба загадка есть: что стоитъ, моль, поле полеванское и много на немъ скота гореванскаго, а стережетъ его одинъ пастухъ, какъ ягодка. И идетъ онъ, Божьи людцы, тотъ пастушокъ, лѣсомъ не хрустнетъ, и идетъ онъ плесомъ не всплеснетъ и въ сухой травѣ не зацѣпится, и въ рыхломъ снѣжку не увязнетъ, а кто мудренъ да досужъ разумомъ, тотъ мнѣ сейчасъ этого пастушка отгадаетъ.

— Это красное солнышко,—отозвались хоромъ.

— Оно и есть, оно и есть, молодцы государевы мужички, Божьи молитвеннички. Ухъ да ребятки! я зову: кто отгадаетъ? а они въ одно, что и говорить: умудряетъ Господь, умудряетъ. Да и славно же вамъ тутъ; ишь полегли въ снѣжку какъ зайчики подъ сосенкой и потягиваются, да дѣдушку Мартына слушаютъ.

Сухой Мартынъ затрясъ бородой и, покачавъ головой, съ неудовольствиемъ отозвался, что мало его здѣсь слу-

шаютъ, что каждый тутъ про себя хочетъ большимъ главаремъ быть.

— А-а, ну это худо, худо... такъ нельзя, государевы мужички, невозможно; нельзя всѣмъ главарями быть.—И загадочный Ермолаичъ началъ рассказывать, что на Божиѣмъ свѣтѣ ровни нѣтъ; на что-де лѣсъ дерево, а и тотъ въ себѣ разный порядокъ держитъ.—Гляньте-ка, вонъ гляньте: видите небось: всѣ капралы поскидали кафтаны, а вонъ Божія сосеночка промежду всѣхъ другой законъ бережетъ: стоитъ вся въ листьѣ, какъ егарь въ мундирчикѣ, да командуетъ: кому когда просыпаться и изъ теплыхъ вѣтровъ одежду брать. Надо, надо, людцы, главаря слушаться.

— А что же его слушать, когда по его командѣ огня пѣтъ,—запротестовали мужики.

— Будетъ еще, Божьи дѣтки, будетъ. Сейчасъ нѣтути, а потомъ и будетъ: видите: грѣтъ, куритъ, а станутъ дуть, огня нѣтъ. Пору значить нѣтъ, а придетъ пора, будетъ.

— Говорять, что съ того, что въ барскихъ хоромахъ старый огонь сидитъ?

— Ну, какъ знать, какъ знать голуби, которы молоды.

Ермолаичъ все старался шутить въ риѣму и вообще вель рѣчь, отзывавшуюся искусственною выдѣланностию простонароднаго говора.

— Нѣтъ, это ужъ мы вѣрно знаемъ, — отвѣчалъ Ермолаичу спорливый мужикъ.

— Да; намъ байль самъ пѣгій баринъ, что помѣщикъ, байтъ, огонь нарочно не хочетъ гасить.

— Когда онъ это байль пѣгій баринъ? — переспросилъ Ермолаичъ и, въ десятый разъ съ величайшимъ вниманіемъ прослушавъ краткое изложеніе утренней бесѣды Висленева съ мужиками за гуменникомъ, заговорилъ:

— Ну его, ну его, этого пѣгаго барчука, что его слушать!

— А отчего и не послушать-то? Нѣтъ, онъ все за мужиковъ всегда разсуждаетъ.

— Онъ дѣло байтъ: побить, говорить, ихъ всѣхъ, да и на что того лучше?

— Ну дѣло! легка ли стать! Не слушайте его: ишь онъ какъ шелудовый торопится, когда еще и баня не топится. Глядите-ка лучше вонъ какъ мужички-то приналегли, ажно древо визжить! Ухъ! верти, верти круче! Ухъ! вотъ сей-



часъ взлетитъ орелъ во рту огонь, а по конецъ его хвоста и будетъ коровья смерть.

Народъ налегаль; вожжи ходили какъ струны и бревно летало стрѣлой; но спорливый мужикъ у кочки и здѣсь ворчалъ подь руку, что все это ничего не значить, хоть и добыли огонь: не поможетъ дегтярный крестъ, когда животворящій не помогъ.

Ермолаичъ и ему сталъ поддакивать.

— Ну да,—засластилъ онъ своимъ мягкимъ голоскомъ:— кто спорить, животворный крестъ дегтярнаго завсегда старше, а знаешь присловье: «почитай молитву, не порочь ворожбы».

Это встрѣтило общее одобреніе и кто-то сейчасъ же завель, какъ гдѣ-то вдалькѣ съ коровьей смертью хотѣли одни попы крестомъ да молитвой справиться и не позволяли колдовать; билися они колотилися, и ничего не вышло. И шелъ вотъ по лѣсу мужикъ, такъ плохенькій бѣднячокъ, и коровъ у него отъ роду ни одной не было, а звали его Аванасій и былъ онъ травкой подпоясанъ, а въ той-то травѣ была трава змѣино видище. Вотъ онъ идетъ разъ, видитъ сидитъ въ лѣсу при чищобѣ на пенечкѣ бурый медвѣдь и говоритъ: «Мужикъ Аванасій травкой подпоясанъ, это я самъ и есть коровья смерть, только мнѣ Божьихъ мужичковъ очень жаль стало: ступай, скажи, пусть они мнѣ выведутъ въ лѣсъ одну бѣлую корову, а черныхъ и пестрыхъ весь день за рога держать, я такъ и быть съѣмъ бѣлую корову и отъ васъ и уйду. Сдѣлали такъ по его, какъ онъ требоваль, сейчасъ и моръ пересталъ.

— Да ужъ медвѣдь степенный звѣрь, онъ ни въ жизнь не обманеть.

— А степененъ да глупъ: если онъ въ колоду лапу завязитъ, такъ не вытащитъ, все когти рветъ, а какъ вынуть, про то сноровки нѣтъ.

— Гдѣ же ему сноровки, медвѣдю, взять,—вмѣшался другой мужикъ:—вонъ я въ городѣ слона приводили,—видѣль: на что больше медвѣдя, а тоже булку ему дадутъ, такъ онъ ее въ себя не жевамши, какъ кушечъ въ комодъ, положить.

— Медвѣдь думець,—поправилъ третій мужикъ:—онъ не глупъ, у него думъ въ головѣ страсть какъ много сидятъ, а только наружку ничего не выходитъ, а то бы онъ всѣхъ научилъ.

Но спорщикъ на все это отвѣтилъ сомнѣняемъ и даже не видалъ причины, для коей бы коровья смерть медвѣдемъ сидѣла. Съ этимъ согласились и другіе.

— Да; вѣдь смерть нежить, у нея лица нѣтъ, на что же ей скидываться,—поддержалъ козелковатый.

— Какъ же лица нѣтъ, когда она безъ глазъ видитъ и въ церкви такъ пишется?

— Да, у смерти лица нѣтъ, у нея обликъ,—вставилъ чужой мужикъ:—одинъ обликъ, вотъ все равно какъ у кикиморы. У той тоже вѣдь лица нѣтъ... такъ на мордочкѣ-то ничего не видать, даже никакой облички, вся въ кастрику обвалена, а все прыдетъ и напрыдетъ себѣ въ зиму семьдесятъ семь одежекъ, а все безъ застежекъ, потому ужъ ей застежекъ пришить нечѣмъ.

— А кашей, вонъ хоть съ ноготь, обличье имѣеть, у насъ дѣдъ одинъ его видѣлъ, такъ, говоритъ, личико махонькое-махонькое, какъ затертый пятиалтынникъ.

— Про это и попы не знаютъ, какое у нежити обличье,—отозвался на эти слова звонкоголосый мужичокъ и сейчасъ же самъ заговорилъ, что у нихъ въ селѣ есть образъ пророка Сисанія и при немъ списаны двѣнадцать сестеръ лихорадокъ, всѣ какъ есть просто голыми бабами наружу выставлены, а рожи имъ всѣ повыпечены, потому что какъ кто ставитъ пророку свѣчу, сейчасъ самымъ огнемъ бабу въ морду ткнуть, чтобъ ея лица не значилось.

— Да и архангелъ ихъ, этихъ двѣнадцать сестеръ, тоже огненными прутьями страсть какъ поретъ, чтобъ онѣ народъ не трясли,—пояснилъ другой мужикъ изъ того же села и добавилъ, какъ онъ разъ замерзалъ въ пургу и самого архангела видѣлъ.

— Замерзалъ, говоритъ,—я, замерзалъ и все Егорью молился и сталъ вдругъ видѣть, что въ полугорѣ недалеко самъ Егорій середѣ бѣлаго снѣгу на бѣломъ конѣ стоитъ, позади его яснѣтъ широкъ бѣлъ шатерь, а онъ самъ на ледяное конье опирается, а вокругъ его волки, которые на него бросились, всѣ ледянками стали.

— А я одинъ разъ холеру видѣлъ,—произнесъ еще одинъ голосъ, и вмѣшавшійся въ разговоръ крестьянинъ разсказалъ, какъ предъ тѣмъ года четыре назадъ у нихъ холерѣ быть, и онъ разъ пошелъ весной на дворъ, вилой навозъ ковырять, а на навозѣ, откуда ни возьмись, шѣтухъ, самъ

поеть, а перья на немъ всё болтаются: это и была хо-лера, которая въ ту пору, значить, еще только прилетѣла да съѣла.

Разговоръ сталъ сбиваться и путаться: кто-то заговорилъ, что на Волховѣ на рѣкѣ всякую ночь гробъ плыветъ, а мертвецъ реветъ, вокругъ свѣчи горятъ и ладанъ пышетъ, а покойникъ въ вѣчный колоколъ бьетъ и на Ивана царя грозится. Не умоляе этотъ рассказчикъ, какъ другой сталъ сказывать, куда кони пропадаютъ, сваливая все это на вину живущей гдѣ-то на турецкой землѣ бѣлой кобылицы съ золотою гривой, которую если только конь слышитъ какъ она по почамъ ржетъ, то ужъ непременно уйдетъ къ ней, хоть его за семью замками на цѣпяхъ держи. За этимъ пошла рѣчь о замкахъ, о разрывѣ-травѣ и какъ ее узнавать, когда сѣно косятъ и косы ломаются, и о томъ, что разрывѣ-трава одну кошку не разрываетъ, но что зато кошкѣ дана другая напасть: она если варенаго гороху съѣстъ, сейчасъ оглохнетъ. Оказалось, впрочемъ, что и ей еще не хуже всѣхъ, потому что мышь, если въ церкви подъ царскія врата шмыгнетъ, такъ за то летучей должна скинуться.

Бесѣда эта на всѣхъ, кто ее слушалъ, производила тихое снотворное впечатлѣнiе, такое, что и строптивый мужикъ не возражалъ, а Ермолаичъ, зѣвая и крестя ротъ, пропѣлъ: да, да, все всему глазъ подаетъ, и слушаетъ; дуброва, какъ вода говоритъ: «побѣжимъ, побѣжимъ», а бережки шопотять: «постоимъ, постоимъ», а травка зоветъ: «пошатаемся». Но съ этимъ рассказчикъ быстро всталъ, и за нимъ торопливо вскочили другіе. Великое тайнодѣйствіе на полянѣ совершалось: красная сосна, врѣзаясь въ черную липу, пилила пилой, въ воздухѣ сильно пахло горячимъ деревомъ и смолой и прозрачная синеватая свѣтящаяся нитка мигала на одномъ мѣстѣ въ воздухѣ.

— Ну, ну, сынки-хватки, дочки-полизушки: наляжь! — крикнулъ, бросаясь къ добычникамъ, Ермолаичъ.

Еще секунда, и огонь добытъ; сынки-хватки, дымяся подтомъ, еще сильнѣй налегли; дочки-полизушки сунулись къ дымящимся бревнамъ съ пригоршнями сухихъ стружекъ и съ оттопыренными губами, готовыми раздуть затлѣвшуюся искру въ полямя, какъ вдругъ натянутые безмѣрнымъ усердіемъ концы веревокъ лопнули; съ этимъ вмѣстѣ обѣ стѣны трущихъ огонь крестьянъ, оторвавшись, разомъ упали: рас-

шатанное бревно взвизгнуло, размахнулось и многихъ больно зашибло.

Послышались тяжкіе стоны, затѣмъ хохотъ, затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ адскій шумъ, воскликъ, зовъ на помощь и снова стонъ ужасный, отчаянный; и все снова затихло, точно ничего не случилось, межъ тѣмъ какъ произошло нѣчто замѣчательное: Михаила Андреевича Бодростина не стало въ числѣ живыхъ, и разрѣшить, кто положилъ его на мѣстѣ, было не легче, чѣмъ разрѣшить споръ о Кавелѣ и Кавелѣ.

## ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

### Коровья смерть.

Рядъ экипажей, выѣхавшихъ съ бодростинскими гостями посмотрѣть на проказы русскихъ Титани и Оберона, подвергшись неоднократнымъ остановкамъ отъ бабьихъ объѣздовъ, благополучно достигъ Аленина Верха. Патрули напрасно останавливали и старались удержать господъ,—ихъ не слушали, и рослые господскіе кони, взмахнувъ хвостами, оставили далеко позади себя заморенныхъ крестьянскихъ клячъ и ихъ татуированныхъ всадницъ. Сторожевымъ бабамъ не оставалось ничего иного, какъ только гнаться за господами, и онѣ, нахлестывая своихъ кляченокъ, скакали, отчаянно крича и воія о помощи.

Первыми на мѣсто огничанья примчались троечныя дрожки, на которыхъ ѣхали Бодростинъ, Гордановъ и Висленевъ. Михаилъ Андреевичъ чувствовалъ, что дѣло становится неладно и велѣлъ кучеру остановиться на углу поляны, за густою кучой деревьевъ. Здѣсь онъ хотѣлъ подождать отставшихъ отъ него гостей, чтобы сказать имъ, что затѣю смотрѣть огничанье надо оставить и повернуть скорѣе другою дорогою назадъ. Но сзади по пятамъ гнались бабы: стукъ некованныхъ копытъ ихъ коней уже былъ слышенъ близехонько. Онѣ настигали, и какъ настигнуть, можетъ произойти не вѣсть что. Гдѣ гости: впереди погони, или уже опережены, и погоня мчитъ только за Бодростинымъ? Въ этомъ, казалось, необходимо удостовѣриться. Опасность еще не представлялась особенно большою, но про всякій случай Бодростинъ, оставивъ дрожки на дорогѣ, самъ быстро спрыгнулъ и отошелъ съ тростью въ рукѣ подъ нависшія вѣтви ели. За нимъ послѣдовалъ Гордановъ, Висле-

певъ же остался на дрожкахъ и, спустясь на подножье крыла, притаился, какъ будто его и не было.

— Гдѣ онъ?.. гдѣ же этотъ нашъ бѣзъ? — безпокоился о немъ Бодростинъ. — Возьмите его, пожалуйста, Гордановъ, а то его какая-нибудь Авдоха толкнетъ по макушкѣ, и онъ будетъ готовъ.

Гордановъ пригнулъ къ дрожкамъ, которыя кучеръ изъ предосторожности отодвинулъ къ опушкѣ подъ вѣтви, но Жозефа на дрожкахъ не было. Гордановъ позвалъ его. Жозефъ не отзывался: онъ сидѣлъ на подножьѣ крыла, спусти ноги на землю, и, весь дрожа, держался за бронзу козелъ и за спицы колесъ. Въ этомъ положеніи открылъ его Гордановъ и, схвативъ за руку, повлекъ за собою.

— Не могу, — говорилъ Жозефъ, но Гордановъ его тащилъ, и когда они были возлѣ Бодростина, Жозефъ вдругъ кинулся къ нему и залепеталъ:

— Михаилъ Андреевичъ, я боюсь!.. мнѣ страшно!..

— Чего же, любезный, страшно?

— Не знаю, но право... такъ странно.

— Чего? чего? — повторилъ Гордановъ. — Гдѣ твоя сигара?

— Сигара?.. да, у меня горитъ сигара. Бога ради возьмите, Михаилъ Андреичъ, мою сигару!

И Жозефъ внезапно ткнулъ въ руку Бодростина огнемъ сигары, которую за секунду предъ этимъ всунулъ ему Гордановъ.

Бодростинъ громко вскрикнулъ отъ обжoga; сигара полетѣла на землю, искры ея разсыпались въ воздухъ по низу, а въ то же время по-верху надъ всею группой замелькали цѣпы, точно длинныя черныя змѣи. Раздался вой, бухнулъ во что-то тяжелый толкачъ и рѣзко вырвался одинъ раздирающій вскрикъ. Мимо пронеслась вереница экипажей и троечныя дрожки, на которыхъ ѣхалъ сюда Бодростинъ, неслись Богъ вѣсть куда, по ямамъ и рывинамъ, но на нихъ теперь было не три, а два сѣдока; назадъ скакали, стоя и держась за кучера, только Гордановъ и Висленевъ. Бодростина уже не было.

Кучеръ, не могшій во всю дорогу справиться съ лошадьми, даже у подъѣзда барскаго дома не замѣтилъ, что барина нѣтъ между тѣми, кого онъ привезъ, и отсутствіе Бодростина могло бы долго оставаться необъяснимымъ, если бы Жозефъ, ворвавшись въ домъ, не впалъ въ странный ражъ.

Онъ метался по комнатамъ, то стоналъ, то шепталъ, то выкрикивалъ:

— Глафира! Глафира! Гдѣ вы? Я васъ освободилъ!

Неудержимо несясь съ этими кликами безумнаго изъ комнаты въ комнату, онъ стремительно объѣжалъ всѣ пункты, гдѣ надѣялся найти Глафиру Васильевну, и унять его не было никакой возможности: Гордановъ самъ былъ смущенъ и потерянъ. Онъ не ожидалъ такой выходки, пытался было поймать Жозефа и схватить его за руку, но тотъ отчаянно вырвался и, бросаясь впередъ съ удвоенною быстротою, кричалъ:

— Пѣть-съ; нѣтъ-съ; извините, это я, а не вы-съ... а не вы!

Гордановъ сообразилъ, что ему надо бросить попытку остановить это сумасшествіе, и Жозефъ, переполонивъ весь домъ, ворвался, какъ мы видѣли, въ комнату Лары.

Глафира слышала этотъ переполохъ и искала отъ него спасенія. Она была встревожена еще и другою случайностью. Когда, отпустивъ гостей, она ушла къ себѣ въ будуаръ, гдѣ, подъ предлогомъ перемѣны туалета, хотѣла наединѣ переждать тревожныя минуты, въ двери къ ней кто-то слегка стукнулъ, и когда Глафира откликнулась и оглянулась, передъ нею стоялъ монахъ.

У Глафиры морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Откуда могъ взяться этотъ страшный пришлецъ? Кто могъ впустить и проводить его черезъ цѣлыя ряды комнатъ?

— Что вамъ нужно?—спросила его, быстро двинувшись съ мѣста, Бодростина.

Монахъ улыбался и шатался какъ пьяный.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?—повторила Глафира.

— Помолить о душѣ,—проговорилъ, заикаясь и при этомъ ужасно кривляя лицомъ, монахъ.

— О какой душѣ? прошу васъ выйти! Идите въ контору.

— Проводите.

Глафира бросилась къ звонку: ей показалось, что это не монахъ, а убійца... но когда она, дернувъ звонокъ, оглянулась, монаха уже не было, и ее поразила новая мысль, что это было видѣніе.

Глафира кинулась узнать, какимъ образом могъ появиться этотъ монахъ и куда онъ вышелъ, какъ вдругъ ей противъ воли вспомнился Водоньяновъ и ей показалось, что

это былъ именно онъ. Она бѣжала, не помня себя, и почувствовала, когда метавпійся впотьмахъ Жозефъ былъ освѣщенъ вбѣжавшими вслѣдъ за нимъ людьми съ лампами и свѣчами.

При видѣ растрепанной фигуры, взволпованнаго и перепачканнаго кровью лица и обезумѣвшихъ глазъ Жозефа, который глядѣлъ, ничего не видя, и стремился къ самому лицу Глафиры, хватая ее окровавленными руками и отпихивая ногой Горданова, Глафира затрепетала и, сторонясь, крикнула: «прочь!»

— Это не онъ, не онъ, а я. Я все кончилъ,—лепеталъ Висленевъ.

Глафира, теряя силы, едва могла съ ужасомъ и омерзѣніемъ отпихнуть его и бросилась за Синтянину, межъ тѣмъ какъ Гордановъ, отбросивъ Жозефа, закричалъ:

— Ты съ ума сошелъ, бѣшеная тварь!

Но въ это же самое мгновеніе за плечами Горданова грянулъ выстрѣлъ, и пуля влипла въ стѣну надъ головой Павла Николаевича, а Жозефъ, колеблясь на ногахъ, держалъ въ другой рукѣ дымящійся пистолеть и шепталъ:

— Нѣтъ; полно мени отбрасывать! Обѣщанное ждетсясь!

Все это было дѣломъ одного мгновенія, и ни Гордановъ, ни дамы, ни слуги не могли понять причины выстрѣла и въ болѣе безмолвномъ удивленіи, чѣмъ въ страхѣ, смотрѣли на Жозефа, который, води вокругъ глазами, тинулся къ Глафирѣ.

— Боже мой, чего ему отъ меня нужно?—произнесла она, стараясь укрыться за Гордановымъ.

Но это ей не удалось, и серьезно помѣшавшійся Висленевъ тинулся къ ней и лепеталъ:

— Обѣщанное ждетсясь, обѣщанное ждется! Я сдѣлалъ все... все честно сдѣлалъ и требую расплаты!

Гордановъ пришелъ, наконецъ, въ себя, бросился на Висленева, обезоружилъ его однимъ ударомъ по рукѣ, а другимъ сиибъ съ ногъ и, придавивъ къ полу, велѣлъ людямъ держать его. Лакеи схватили Висленева, который и не сопротивлялся: онъ только тяжело дышалъ и, води вокругъ глазами, просилъ пить. Ему подали воды, онъ жадно началъ глотать ее, и вдругъ, бросивъ на полъ стаканъ, отвернувшись, поманилъ къ себѣ рукой Синтянину и, закрывъ лицо полосой ея платя, зарыдалъ отчаянно и громко.

— Боже мой, Боже мой, что я надѣлалъ! — Люди! всѣ, кто здѣсь есть, бѣгите!.. туда... въ Аленинь Верхъ... тамъ Михаилъ Андреичъ... можетъ-быть онъ еще живъ!

При этихъ словахъ все поднялось, взмѣшалось, и кто бѣжалъ къ двери, кто бросался къ окнамъ; а въ окна чрезъ двойныя рамы врвался силошной гулъ, и во тьмѣ, окружающей домъ, плыло большое огненное пятно, отъ котораго то въ ту, то въ другую сторону отдѣлялись свѣтлыя точки. Невозможно было понять, что это такое. Но вотъ все это приближается и становится кучей народа съ фонарями и пылающими головнями и сучьями въ рукахъ.

Это двигались огничане Аленина Верха: они, наконецъ, добыли огня, сожгли не немъ чучелу мары; набрали въ чугушки и корчажки зажженныхъ лучинъ и тронулись-было опахивать землю, но не успѣли завести борозды, какъ подъ ноги бабъ попалось мертвое и уже окоченѣвшее тѣло Михаила Андреевича. Эта находка поразила крестьянъ неопи- саннымъ ужасомъ; опахиванье было забыто и перенуган- ные мужики съ полунагими бабами въ недоумѣнн и страхѣ потащили на господскій дворъ убитаго барина.

Кортежъ былъ необычайный!

Полуобнаженные женщины въ длинныхъ рубахахъ, съ разстегнутыми воротниками и лицами, размазанными мѣломъ, кирпичомъ и сажей; густой желтосизый дымъ пылаю- щихъ головней и красныхъ угольевъ, свѣтящихся изъ чу- гушковъ и корчажекъ, съ которыми огромная толпа мужи- ковъ ворвалась въ домъ, и среди этого дыма коровій черепъ на шестѣ, неизвѣстно для чего сюда попавшій, и тощая вдова въ саванѣ и съ глазами безъ вѣкъ; а на землѣ трупъ съ распростертыми окоченѣвшими руками, и тутъ же суетящіеся и незнающіе, что дѣлать, гости. Все это составляло фантастическую картину нѣмого и холоднаго ужаса. Здѣсь не было ни слезъ, ни воплей, ни укоризнъ и вздоховъ, а одинъ столбнякъ надъ трупомъ... И надъ *какимъ* трупомъ! Надъ трупомъ челоуѣка, который часъ тому назадъ былъ здоровъ и теперь лежалъ обезображенный, испачканный, окоченѣвшій, съ растопыренными, впередъ вытнутыми ру- ками. Руки мертвеца окостенѣли обѣ въ напряженномъ по- ложеніи; точно онъ на кого-то указывалъ или къ кому-то зывалъ о защитѣ и отмщеніи, или отъ кого-то отпихивался. Къ довершенію картины, трупъ имѣлъ правый глазъ остол-



бенѣлый, съ открытыми вѣками, а лѣвый — припухнувшій, точно подсматривающій и подкарауливающій; языкъ былъ прикушенъ, темя головы совершенно плоско: оно раздроблено, и съ него, изъ-подъ сѣдыхъ, сукровицей, мозгомъ и грязью смоченныхъ волосъ, на самые глаза надулся багровый кровиною подтекъ. Ко всему этому, для полноты впечатлѣнія, надлежитъ еще прибавить бѣднаго Висленева, который, присѣдая, повисалъ на рукахъ схватившихъ его лакеевъ; такъ появился онъ на порогѣ и, вода вокругъ безумными глазами, беззвучно шептала: «обѣщанное ждется-съ; да, обѣщанное ждется».

Первая пришла въ себя Глафира: она сдѣлала надъ собою усилие и со строгимъ лицомъ не плаксивой, но глубокой скорби прошла чрезъ толпу, остановилась надъ самымъ трупомъ мужа и, закрывъ на минуту глаза рукой, бросилась на грудь мертвеца и... въ ту же минуту въ замѣшательствѣ отскочила и попятилась, не сводя взора съ раскачавшихся рукъ мертвеца.

— Вы неосторожно его тронули, — проговорилъ ей на ухо малознакомый голосъ человѣка, къ которому она въ испугѣ прислонилась.

Она взглянула и увидала золотые очки Ворошилова.

— Вы испугались? — продолжалъ онъ шопотомъ.

— Нимало, — отвѣчала она громко, и сейчасъ же, оборотя къ Горданову, сказала повелительнымъ тономъ: — Займитесь, пожалуйста, всѣмъ... сдѣлайте все, что надо... мнѣ не до того.

И съ этимъ она повернулась и ушла во внутренніе покои.

Сцена оживилась: столпившихся крестьянъ погналы вои; гости, кто какъ могъ, отыскивали своихъ лошадей и уѣхали; трупъ Водростина пока прикрыли скатертью, Гордановъ между тѣмъ не дремалъ: въ городъ уже было послано извѣстіе о крестьянскомъ возмущеніи, жертвой котораго палъ безчеловѣчно убитый Бодростинъ. Чтобы подавить возмущеніе, требовалось войско.

## ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

### Нѣжить мечется.

Къ смерти, какъ и ко всему на свѣтѣ, можно относиться различно: такъ созданъ свѣтъ, что гдѣ хоть два есть человѣка, есть и два взгляда на предметъ. Въ тѣ самыя минуты,

когда приговоренный Перопомъ къ смерти эпикуреецъ Люцій шутить, раздѣляющій судьбу его стоикъ Сенека говоритъ: «въ часъ смерти шутки неприличны,—смерть—шагъ великій, и есть смыслъ въ платоновскомъ ученіи, что смерть есть мигъ перерожденья», но оба они умираютъ со своими взглядами на смерть, и нѣтъ свидѣтельствъ, кто изъ нихъ болѣе правъ былъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе, «небытіе ль насъ ждетъ» или «мигъ перерожденья», смерть—шагъ слишкомъ серьезный, и мертвецъ, лежащій предъ нашими глазами, всегда производитъ впечатлѣніе тяжелого свойства. Но и въ этотъ случаѣ человѣкъ видимо платитъ дань вѣшнымъ условіямъ и относится къ значенію лежащаго предъ нимъ «вещественнаго доказательства» его земной временности, подъ вліяніемъ обстановки и обстоятельствъ. Нагой трупъ, препарированный на столѣ анатомическаго театра, или трупъ, ожидающій судебно-медицинскаго вскрытія въ сараѣ съѣзжаго полицейскаго дома, и трупъ, положенный во гробѣ, покрытый парчой, окажженный ладаномъ и освѣщенный мерцаніемъ погребальныхъ свѣчъ,—это все трупы, все останки существа, бывшаго человѣкомъ, тѣ же «кожанья ризы», покинутыя на тлѣнъ и разрушеніе; но чувства, ощущаемыя людьми при видѣ этихъ совершенно однокачественныхъ и однозначанчихъ предметовъ, и впечатлѣнія, ими производимыя, далеко не одинаковы. *Трупъ* безгласенъ, *покойникъ* многовнушительнъ. Не только ученый анатомъ, проводящій всю жизнь въ работѣ надъ трупами въ интересахъ науки, но даже огрубѣлый палачъ не сохраняетъ полнаго равнодушія при видѣ трупа, положеннаго во гробѣ и обставленнаго всѣмъ, чѣмъ грѣхъ христіанская могила. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается, когда снаряженный къ погребенію трупъ вчера еще былъ человѣкъ, нами близко знаемый, вчера живой, нынче безгласный, съ измѣнившимся, обезображеннымъ ликомъ, каковъ былъ теперь Бодростинъ.

Суета, смѣнившаяся мертвою тишиной, какъ только Мишапа Андреевича положили на столъ въ большой залѣ, теперь замѣнялась страхомъ, смѣшаннымъ съ недовѣріемъ къ совершившемуся факту. Люди ощущали тягость присутствія мертвеца и въ то же время не довѣряли, что онъ умеръ. Онъ еще такъ недавно жилъ и дѣйствовалъ, что въ умахъ никакъ не укладывалась мысль, что его уже нѣтъ.

Притомъ же необыкновенная смерть его вела за собой и необычные порядки: мертвеца положили на столъ, покрыли его взятымъ изъ церкви покровомъ и словно позабыли о немъ. Не было заботы, чтобъ окружить его тою обстановкой, на какую онъ имѣлъ право по своему положенію и богатству. Гости разбѣжались во-свои-си; вдова заключилась въ свои апартаменты; управитель Гордановъ, позабывъ о своемъ нездоровьѣ, распорядился окружить домъ и усадьбу утроеннымъ карауломъ и слалъ гонца за гонцомъ въ городъ, настаивая на скорѣйшей присылкѣ войскъ для подавленія крестьянскаго бунта; Ларису почти безъ чувствъ увезла къ себѣ Синятинина; слуги, смятенные, бродили, наступая другъ другу на ноги, и толкались, пока, нагонецъ, устали и, не чуя подъ собою ногъ, начали зѣвать и сѣли... А о покойникѣ все-таки опять никто не позаботился: мѣстный церковный причтъ было толкнулся, но сейчасъ же отчалилъ и Богъ не былъ еще благословенъ надъ умершимъ. Впрочемъ, три церковныхъ подсвѣчника безъ свѣчи, поставленные дьячкомъ въ углу зала, показывали, что церковь помнить свое дѣло, но не смѣетъ приступить къ нему безъ разрѣшенія начальства и власти. Одно, на что посягнули вокругъ трупa,—было чтеніе псалтиря. Къ этому тоже никто никого не приглашалъ, но за это безъ зова взялся старый дворовый, восьмидесятилѣтній Сидъ, знавшій покойнаго еще молодымъ человѣкомъ. Старый рабъ, услыхавъ о событіи, проникъ сюда съ книгой, которая была старше его самого, и, прилѣпивъ къ мѣдной пряжкѣ чернаго переплета грошовую желтую свѣчку, сталъ у мраморнаго подоконника и зашампалъ беззубымъ ртомъ: «Блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ».

Поздній совѣтъ этотъ раздался въ храминѣ упокоенія Бодростина уже о самой полуночи. Зала была почти совсѣмъ темна: ее едва освѣщала грошовая свѣчка чтеца, да одна позабытая и едва мерцавшая вдалекѣ лампа. При такой обстановкѣ одна изъ дверей большого покоя пріотворилась и въ нее тихо вошелъ Ворошиловъ.

Чтець оглянулъ исподлобья вошедшаго и продолжалъ шуршитъ своими беззубыми челюстями.

Ворошиловъ, приблизясь къ столу, на которомъ лежалъ покойникъ, остановился въ ногахъ, потомъ обошелъ вокругъ и опять всталъ. Чтець все продолжалъ свое чтеніе.

Прошло около четверти часа; Ворошиловъ стоялъ и внимательно глядѣлъ на мертвеца, словно изучалъ его или что-то надъ нимъ раздумывалъ и соображалъ, и наконецъ, оглянувшись на чтеца, увидалъ, что и тотъ на него смотритъ и читаетъ наизусть, по памяти. Глаза ихъ встрѣтились. Ворошиловъ тотчасъ же опустил на лицо убитаго покровъ и, подойдя къ чтецу, открылъ табакерку. Сидъ, не прерывая чтенія, поклонился и помоталъ отрицательно головой.

— Не нюхаете?—спросилъ его Ворошиловъ.

— Нѣтъ, не нюхаю, — ввелъ чтецъ въ текстъ своего чтенія и продолжалъ далѣе.

Ворошиловъ постоялъ, понюхалъ табаку и со вздохомъ проговорилъ:

— А? Каковъ грѣхъ-то? Кто это могъ ожидать?

Чтецъ остановился и, поглядѣвъ черезъ очки, отвѣчалъ:

— Отчего же не ожидать? Это ему давно за меня припозначено.

— За васъ? что такое: развѣ покойникъ...

Но Сидъ перебилъ его.

— Ничего больше, — сказалъ онъ: — какъ это онъ свое получилъ: какъ жилъ, такъ и умеръ, собакѣ — собачья и смерть.

Ворошиловъ внимательно воззрися на своего собесѣдника и спросилъ его, давно ли онъ зналъ покойника.

— Давно ли я зналъ его? А кто же его давнѣе меня зналъ? На моихъ рукахъ выросъ. Я его въ купели цѣловалъ и въ гробу завтра поцѣлую: я дядькой его былъ, и его, и брата его Тимоея Андреевича иѣствовалъ: такой же благодарный былъ, какъ и этотъ.

— Это вы про сумасшедшаго?

— Нѣтъ, тотъ былъ Иванъ Андреевичъ, и тотъ былъ аспидъ, да они, такъ сказать, и всѣ были злымъ духомъ обуяны.

— Вы не любили ихъ?

Чтецъ, помолчавъ, поплевалъ на пальцы и, сощипнувъ нагаръ со своей свѣчки, нехотя отвѣтилъ:

— Не любилъ, что такое значить не любить? Когда мое время было любить или не любить, я тогда, милостивый государь, крѣпостной рабъ былъ, а что крови моей они всѣ вволю попили, такъ это вѣрно. Я много обидъ снесъ.

— Который же васъ обижалъ, тотъ или этотъ?

— И тотъ, и этотъ. Этотъ еще злѣе того былъ.

— Ну, вотъ потому, значить, вы его и не долюбливаете?

Чтецъ опять подумалъ и, кивнувъ головой на мертвеца, проговорилъ:

— Что его теперь не долюбливать, когда онъ какъ колода валяется; а я ему всегда говорилъ: «Я тебя переживу», вотъ и пережилъ. Онъ еще на той ледѣль со мной встрѣтился, ажъ зубами заскрипѣлъ: «Чтобъ тебѣ, говорить, старому чорту, провалиться», а я ему говорю: «то-то, моль, и есть, что земля-то твоя, да тебя, изверга, не слушается и меня не принимаетъ».

— Вы такъ ему и говорили?

— Какъ?—переспросилъ съ недоумѣніемъ чтецъ.—А то какъ бы я еще съ нимъ говорилъ?

— То-есть этими самыми словами?

— Да, этими самыми словами.

— Такъ извергомъ его и называли?

— Такъ извергомъ и называлъ. А то какъ еще его было называть? Онъ говоритъ: «когда ты, старый шакаль, издохнешь?» а я отвѣчаю: «тебя переживу и издохну». А то что же ему спущать, что лн, стану? Ни въ жизнь никогда не спускалъ, — и старикъ погрозилъ мертвецу пальцемъ и добавилъ:—и теперь не надѣйся, я вѣрный рабъ и вѣрнѣе пребуду и теперь тебѣ не спущу: говорилъ я тебѣ, что «переживу» и пережилъ, и теперь предстанемъ предъ Судію и посудимся.

И беззубый ротъ старика широко раскрылся и потухшіе глаза его оживились.

— Да!—взывалъ онъ: — да! Пережилъ я тебя и теперь скоро позову тебя на судъ.

Ворошиловъ съ удивленіемъ глядѣлъ на этого «вѣрнаго раба» и тихо ему замѣтилъ, что такъ не идетъ говорить о покойникѣ, да еще надъ его тѣломъ.

— А что мнѣ его тѣло!—рѣзко отвѣтилъ старикъ, и съ этимъ отбросилъ отъ себя на подоконникъ книгу, оторвалъ отъ нея прилѣпленную свѣчонку и, выступивъ съ нею ближе къ трупу, заговорилъ:—А извѣстно ли кому, что это не его тѣло, а мое? Да, да! Кто мнѣ смѣетъ сказать, что это его тѣло? Когда онъ двѣнадцати лѣтъ тонулъ, кто его вытащилъ? Я! Кто его устыжалъ, когда онъ въ Бога не вѣрилъ?

Я! Кто ему говорилъ, что онъ собачьей смертью вздохнетъ? Я! Кто его въ войнѣ изъ чужихъ мертвыхъ тѣлъ на спинѣ унесъ? Я! Я, все я, вѣрный рабъ Сидоръ Тимоѣевъ, я его изъ могилы унесъ, моимъ дыханьемъ отдышалъ! — закричалъ старикъ, начавъ колотить себя въ грудь, и вдругъ подскочилъ къ самому столу, на которомъ лежалъ обезображенный мертвецъ, присѣлъ на корточки и зашамкалъ: — Я ради тебя имя крестное потерялъ, а ты какъ Сидора Тимоѣева злымъ псомъ называлъ? какъ ты по сусаламъ билъ? какъ ты его за дерзость на цѣпь сажалъ? За что, за правду! За то, что я вѣрный рабъ, я крѣпостной слуга, не наемщикъ скаредный, не за деньги тебѣ служилъ, а за побори, потому что я правду говорилъ, и говорилъ я тебѣ, что я тебя переживу, и я тебя пережилъ, пережилъ, и я на судъ съ тобой стану, и ты мнѣ поклонись и скажешь: «прости меня, Сидъ», и я тебя тогда прощу, потому что я вѣрный рабъ, а не наемщикъ, а теперь ты лежи, когда тебя Богъ убилъ, лежи и слушай.

И съ этимъ оригинальный обличитель бросился къ своей книгѣ, перекрестился и быстро забормоталъ: «Услыши, Господи, правду мою и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ».

Ворошиловъ съ недоумѣніемъ оглянулся вокругъ и вздрогнулъ: сзади, за самыми его плечами, стоялъ и, безобразно раскрывъ широкій ротъ, улыбался молодой лакей съ маслянымъ глупымъ лицомъ и безпечно веселымъ взглядомъ. Замѣтивъ, что Ворошиловъ на него смотритъ, лакей щелкнулъ во рту языкомъ, облизнулся и, проведя рукой по губамъ, молвилъ:

— Сидъ Тимоѣичъ всѣхъ удивляетъ-съ, — съ этимъ онъ кивнулъ головой на чтеца и опять застылъ съ своею глупою улыбкой.

Ворошилова вдругъ ни съ того, ни съ сего стало подирать по кожѣ: предъ нимъ былъ мертвецъ и безуміе; все это давало поводъ заглядывать въ обыкновенно сокрытую глубину человѣческой натуры; ему показалось, что онъ въ какомъ-то странномъ мірѣ, и человѣческое слово стоявшаго за нимъ лакея необыкновенно его обрадовало.

— Что вы сказали? — переспросилъ онъ, чтобы затѣять разговоръ.

— Я докладывалъ насчетъ Сиды Тимоѣича, — повторилъ лакей.

— Кто такой этот Сидь? — прошепталъ Ворошиловъ, отведя въ сторону лакея.

— Старый дворовый, дядькой ихъ былъ, потомъ камердинеромъ; только впоследствии онъ, Сидь Тимоѣичъ, ужъ очень старъ сталъ и оставленъ ни при чемъ.

— Онъ сумасшедшій, что ли? — прошепталъ Ворошиловъ.

— Кто его знаетъ: онъ со всѣми добродѣтельный старичокъ, а съ бариномъ завсегда воинствовалъ, — отвѣчалъ вмѣсто глупаго лакея другой, старшій этого лѣтами, вышедшій сюда нетвердыми шагами и съ сильнымъ запахомъ водки. — У насъ всѣ такъ полагаютъ, что Сидь Тимоѣичъ на барина слово зналъ, потому всегда онъ могъ произвести покойника въ большой гнѣвъ, а сколь онъ ему, бывало, иначе ни грубить, но тотъ его совсѣмъ удалить не могъ. Билъ его въ старину и наказывалъ да на цѣпь въ кабинетъ сажалъ, а удалить не могъ. Даже когда Сидь Тимоѣичъ барыню обругалъ и служить ей не захотѣлъ, покойникъ его только изъ комнатъ выслалъ, а совсѣмъ отправить не могли. Сидь Тимоѣичъ и тутъ сталъ на порогъ: «Не пойду, говоритъ: я тебя, Ирода, переживу и твоей Иродіады казнь увижу». Это все на барыню, — добавилъ пьяный лакей, кивнувъ головой на внутренніе покои.

Ворошиловъ любопытно спросилъ, любилъ или не любилъ Сидь Глафиру Васильевну, и, получивъ въ отвѣтъ, что онъ ее ненавидѣлъ, отвлекъ рассказчика за руку въ сосѣднюю темную гостиную и заставилъ рассказать, что это за лицо Сидъ и за что онъ пользовался такимъ особеннымъ положеніемъ. Подвыпившій лакей словоохотливо рассказалъ, что Сидъ дѣйствительно былъ раннимъ пѣстуномъ Михаила Андреевича и его братьевъ. Смотрѣлъ онъ за ними еще въ ту пору, когда они хорошо говорить не могли и вмѣсто Сидоръ выговаривали Сидъ: вотъ отчего его такъ всѣ звать стали, и онъ попрекалъ покойника, что ради его потерялъ даже свое крестное имя. Далѣе повѣствовалъ рассказчикъ, какъ однажды барчуки ѣхали домой изъ пансіона и было утонули вмѣстѣ съ паромомъ, но Сидъ вынесъ вилавъ на себѣ обонхъ барчуковъ, изъ которыхъ одинъ сошелъ отъ испуга съ ума, а Михаилъ Андреевичъ выросъ, и Сидъ былъ при немъ. Тогда онъ былъ въ университетѣ, а потомъ пошелъ съ нимъ на какую-то войну, и тутъ-то Сидъ оказалъ барину великую заслугу, послѣ которой они рассо-

рились и не помирились до сихъ поръ. Изъ словъ рассказчика можно было понять, что дѣло было гдѣ-то на Литвѣ. Войска стояли лагеремъ въ открытомъ полѣ; въ близлежащей городишко, полный предательской шляхты, строго-настрого запрещено было ходить и офицерамъ, и солдатамъ. А тамъ, въ городѣ, были красивыя панни съ ласковыми глазами и соболиною бровью, и былъ тамъ жидъ Ицекъ, который говорилъ, что «пани ажъ ай какъ страшно въ офицеровъ влюблены». А офицерамъ скучно, неодолимо скучно подъ тѣсными палатками; дождь моросить, вѣтеръ трясеть веревки, поколыхиваетъ полотно, а тамъ-то... куда Ицко зоветъ, тепло, свѣтло, шампанское льется и сарматская бровь зажигаетъ кровь. Манится, нестерпимо манится, и вотъ два офицера навертѣли чучель изъ платя, уложили ихъ вмѣсто себя на кровати, а сами, пользуясь темнотой ночи, крадутся къ цѣпи. Все благополучно: ночь — зги не видно, а вонъ мелькнулъ и огонекъ, это въ Ицкиной хатѣ на краю города. Ицко-чаровникъ умѣетъ и одну дичь подманить, и другую выманить, и молодые люди отъ нетерпѣнія стали приподниматься отъ земли, вровень съ которою ползли. Вотъ и окопъ, и знакомая кочка, но вдругъ грянуло: «кто идетъ?» Сейчасъ потребуется пароль, у нихъ его нѣтъ, часовой выстрѣлитъ и пойдетъ потѣха, хуже которой ничего невозможно выдумать. Бѣда неминуемая, ждать некогда: молодые люди бросились на часового и сбили его съ ногъ, но тотъ, падая, выстрѣлилъ; поднялась тревога и ночные путешественники были пойманы, суждены и лишь по особому милосердію только разжалованы въ солдаты. Изъ числа этихъ молодыхъ людей одинъ былъ Михайлъ Андреевичъ Бодростинъ. Сидъ грызъ и точилъ молодого барина въ эти тяжелыя минуты и вывелъ его изъ терпѣнія такъ, что тотъ его ударилъ. «Бей, сказалъ Сидъ,—бей, если твоя рука поднялась на того, кто твою жизнь спасъ. За это тебя самого Богъ, какъ собаку, убьетъ». И злилъ онъ снова барина такъ, что тотъ впалъ въ ожесточеніе и билъ, и билъ его, пока ихъ розняли. А тутъ вдругъ тревога, наступилъ непріятель, и Бодростинъ въ отчаяніи кинулся въ схватку и не было о немъ слуха. Непріятель побѣждалъ, наши ударились въ погоню, Бодростина нѣтъ нигдѣ. Сидъ пошелъ по всему полю и каждое солдатское тѣло къ свѣтлому мѣсяцу лицомъ началъ переворачивать. Иные еще



мягки, другіе закоченѣли, у иныхъ даже какъ будто сердце бѣется, но все это не тотъ, кто Сиду надобенъ... Но вотъ схватилъ онъ за складки еще одну сѣрую шинель, повернулъ ее лицомъ къ мѣсяцу, припалъ ухомъ къ груди и, вскинувъ мертвеца на спину, побѣжалъ съ нимъ, куда считалъ безопаснѣе; но откуда ни возьмись повернулъ на оставленное поле новый вражій отрядъ, и наскочили на Сиду уланы и замахнулись на его ношу, но онъ вдругъ ужомъ вывернулся и принялъ на себя ударъ; упалъ съ погъ, а придя въ себя, истекая кровью, опять понесъ барина. И оба они выздоровѣли и началась съ тѣхъ поръ между ними новая распря: Бодростинъ, котораго опять произвели за храбрость въ офицеры, давалъ Сиду и отпускную, и деньги, и землю, но Сидъ Тимоѣичъ все это съ гордостію отвергъ.

— Ишь ты, подлое твое дворянское отродье, откупиться лучше хочешь, чтобы благодарнымъ не быть, — отвѣчалъ онъ, разрывая отпускную и дарственную.

— Чего же ты хочешь?—добивался Бодростинъ.

— А того хочу, чего у тебя на самомъ дорогомъ мѣстѣ въ душѣ нѣтъ: дай мнѣ, чтобъ я тебя не самымъ негоднымъ человѣкомъ считалъ.

И такъ шли годы, а у этого барина съ этимъ слугой все шли одинакія отношенія: Сидъ Тимоѣичъ господствовалъ надъ господиномъ и съ сладострастіемъ поносилъ и ругалъ его при всякой встрѣчѣ и красовался язвами и ранами, если успѣвалъ ихъ добиться изъ рукъ преслѣдуемаго имъ Бодростина. Тотъ его боялся и избѣгалъ, а этотъ его высѣживалъ и преслѣдовалъ, и раздражалъ съ особеннымъ талантомъ.

— Слушай,—говорилъ онъ вдругъ, выскакивая къ Бодростину изъ-за стога сѣна на лугу, предъ всѣмъ народомъ:—слушай, добрая душа: сошли стараго дядьку на поселеніе! Право, сошли, а то тебѣ здѣсь при мнѣ неспокойно.

— И сошлю,—отвѣчалъ Бодростинъ.

— Врешь, не сошлешь, а жаль: я бы тамъ твоей матери, брату поклонился. Живъ чай онъ — земля не скоро приметъ. А хорошъ человѣкъ былъ—живыхъ въ землю закапывалъ.

Бодростинъ то переносилъ эту докучу, то вдругъ она ставилась ему несносна, и онъ, смявъ свою смущающуюся

совѣсть, братья Сиды въ домъ, сажалъ его на цѣпь, укрѣпленную въ стѣнѣ его кабинета, и они ругались до того, что Михаилъ Андреевичъ въ бѣшенствѣ швырялъ въ старика чѣмъ попало, и нерѣдко, къ крайнему для того удовольствію, зашибалъ его больно, и разъ чуть вовсе не убилъ тяжелою бронзовою статуэткой, но сослать Сиду въ Сибирь у него не хватало духа. Выгнать же Сиду изъ села было невозможно, потому что, выгнанный съ одной стороны, онъ сѣйчасъ же заходилъ съ другой.

Дождавшись событія девятнадцатаго февраля, Сидъ Тимоенчъ перекрестился и, явись съ другими людьми благодарить барина, сказалъ:

— Ну, хоть задомъ-то тебя благодарю, что не всѣ зубы повыбивалъ. Конечно, ваше царство: пережилъ я его и тебя переживу!

Для чего такъ необходимо нужно было Сиду пережить барина, — это оставалось всегдашнею его тайной; но слово это постоянно вертѣлось на его устахъ и было употребляемо другими людьми вмѣсто привѣтствія Сиду.

— Переживешь, Сидъ Тимоенчъ! — кричали ему встрѣчный знакомецъ.

— Переживу, — отвѣчалъ, раскланиваясь, Сидъ, и знакомцы расходились.

Съ тѣхъ поръ какъ Бодростинъ, послѣ одной поѣздки въ Петербургъ, привезъ оттуда жену, Глафиру Васильевну, Сидъ сталъ прибавлять: «Переживу; со Іезавелью-Иродіадою переживу, и увижу, какъ псы ея кровь полижутъ».

Глафира сдѣлалась новымъ предметомъ для злобы Сиды, но древніе года его уже не позволяли ему ее ревностно преслѣдовать, и онъ рѣдко ее могъ видѣть и крикнуть ей свое «переживу». Онъ доживалъ вѣкъ полупомѣшаннымъ и въ этомъ состояніи сегодня посѣтила его, въ его темномъ углу, вѣсть объ убіеніи Бодростина.

Сидъ перекрестился, сталъ съ трудомъ на ноги и пришелъ въ домъ помолиться по псалтирю за душу покойника: входъ Сиду былъ не возбраненъ, — никому и въ голову не приходило, чтобы можно было отлучить его отъ барина.

Ворошиловъ всталъ и, остановясь за притолкой въ той же темной гостиной, началъ наблюдать этого оригинала: Сидъ читалъ, и въ лицѣ его не было ни малѣйшей свирѣлости,

пи злости. Напротивъ, это именно былъ «вѣрный рабъ», котораго можно бы надъ большимъ поставить и позвать его войти во всякую радость господина своего. Онъ теперь читалъ громче, чѣмъ прежде, молился усердно и казалось, что ничего не слыхалъ и не видалъ.

Свѣча чуть мерцала и залъ былъ почти темень; лакеи ушли, но у дверей показалась маленькая фигура Ермолаича. Онъ сталъ, подперся и стоялъ, словно чего-то ждалъ или что-то соображалъ.

Ворошиловъ выдвинулся изъ-за притолки и кивнулъ рукой; Ермолаичъ замѣтилъ это и тотчасъ же, какъ желѣзо къ магниту, подскочилъ къ Ворошилову, и они зашептались, и вдругъ Ермолаичъ дернулъ Ворошилова за рукавъ, и оба глубже спрятались за портьеру: въ залъ вошелъ Гордановъ.

— Замѣть, перевязи нѣтъ, — шепнулъ Ворошиловъ, но Ермолаичъ только отвѣчалъ пожатіемъ руки.

Гордановъ былъ, дѣйствительно, безъ перевязи и съ по-таеннымъ фонарикомъ въ рукѣ.

Войдя въ залъ, онъ прежде всего выслалъ вонъ Сиду, и когда строптивый старикъ ему, къ удивленію, безпрекословно подчинился, онъ, оставшись одинъ, подошелъ къ трупу, приподнялъ покрывавшую его скатерть и, освѣтивъ яркимъ лучомъ фонарнаго рефлектора мертвое, обезображенное лицо, сталъ проворно искать чего-то подъ лѣвымъ бокомъ. Онъ нѣсколько разъ съ усиліемъ тянулъ за окоченѣвшую руку мертвеца, но рука была тверда и не поддавалась усиліямъ одной руки Горданова. Тогда онъ поставилъ фонарикъ на грудь трупа и принялся работать обѣими руками, но фонарикъ его вдругъ полетѣлъ, дребезжа, на полъ, а самъ онъ вскрикнулъ и, отскочивъ назадъ, повалилъ незажженные церковные подсвѣчники, которые покатались съ шумомъ и грохотомъ.

На эту сумятицу изъ передней выбѣжала толпа пребывавшихъ въ праздности лакеевъ и робко остановилась вдали трупа, по другой бокъ котораго наклонялся, чтобы поднять подсвѣчники, сильно смущенный Гордановъ, зажимая въ рукѣ скомканный бѣлый носовой платокъ, сквозь который сильно проступала алая кровь.

Что бъ это могло значить?

— Взметался нежить... чего мечешься? — заговорилъ

вдругъ, входя, Сидъ Тимоѳеичъ и, подойдя къ покойнику съ правой стороны, онъ покрылъ его лицо, потомъ хотѣлъ было поправить руку, но, замѣтивъ замерзшій въ ней пучокъ сухой травы, началъ ее выдергивать, говоря: — «Поддай! тебѣ говорю, поддай, а то ругать стану». — Съ этимъ онъ началъ выколупывать пальцемъ траву, и вдругъ громко разсмѣялся.

Всѣ присутствовавшіе попятились назадъ, а Сидъ Тимоѳеичъ манилъ къ себѣ и звалъ:

— Подите-ка, идите, поглядите, какъ онъ уцѣпился за мой палецъ! Видите, видите, какъ держитъ! — повторялъ Сидъ, поднимая вверхъ палецъ, за который держалась окоченѣлая мертвая рука. — Ага! что! — шамшаль Сидъ. — Какъ онъ, каковъ? Онъ вамъ покажетъ! Онъ вамъ еще покажетъ!

— Вывести воцъ этого сумасшедшаго! — сказалъ Гордановъ, и двое слугъ схватили и потащили старика, который все оборачивался и кричалъ:

— Ничего, ничего! Онъ недаромъ взметался: онъ вамъ покажетъ!

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

### Ночь послѣ бала.

Межъ тѣмъ какъ все это происходило, въ залу вошелъ Ропшинъ. Онъ остановился въ дверяхъ и, пропустивъ мимо себя людей, выводившихъ Сиду, окинулъ всѣхъ однимъ взглядомъ и сказалъ твердымъ голосомъ Горданову:

— Господа! я прошу всѣхъ васъ отсюда удалиться.

— Это что такое? — спросилъ Гордановъ.

— Это такой порядокъ: необыкновенная смерть требуетъ особеннаго вниманія къ трупу, и пока пріѣдутъ власти, я никого сюда не пущу.

— Вы?

— Да, я. Я остаюсь одинъ изъ тѣхъ, кому вѣрилъ покойникъ и кому вѣрить его вдова. Господа, я повторяю мою просьбу удалиться изъ залы.

— Что это за тонъ?

— Теперь, господинъ Гордановъ, не до тоновъ. Всѣ вышли, уходите и вы, или...

— Или что? — спросилъ, сверкнувъ глазами, Гордановъ.

— Тише; здѣсь вѣдь не лѣсъ, и я — не онъ.

Гордановъ поблѣднѣлъ.

— Что это, глупость или намекъ?—спросилъ онъ за-пальчиво.

— Намекъ, а впрочемъ, какъ вамъ угодно, но я сейчасъ запираю залъ, и если вы хотите здѣсь остаться, то я, по-жалуй, запиру васъ.

— Тьфу, чортъ возьми! Да чьею волей и какимъ пра-вомъ вы такъ распоряжаетесь?

— Волей вдовы, господинъ Гордановъ, ея же правомъ. Но дѣло кончено: я васъ сейчасъ запираю. Вы, можетъ-быть, что-нибудь здѣсь позабыли? Это вамъ завтра возвратятъ.

И Ропшинъ пошелъ къ двери.

— Подождите!—крикнулъ, торопливо выскакивая за нимъ, Гордановъ, и когда Ропшинъ замкнулъ дверь, онъ доба-вилъ:—Я сейчасъ пройду къ Глафирѣ Васильевнѣ!

— Къ Глафирѣ Васильевнѣ? Нѣтъ, вы не трудитесь: это будетъ напрасно.

— Что-о?!

— Я вамъ сказалъ что.

— Посмотримъ!

Гордановъ тронулся впередъ, но Ропшинъ его остановилъ.

— Вернитесь, господинъ Гордановъ, вы будете напрасно трудиться: ея дверь заперта для васъ.

— Вы лжете!

— Смотрите. Она поручила мнѣ беречь ея покой.

Съ этимъ Ропшинъ показалъ знакомый Горданову ключъ и слова быстро спряталъ его въ карманъ.

Павель Николаевичъ поблѣднѣлъ.

— Почему Глафира Васильевна не хочетъ меня видѣть?—спросилъ онъ.

Ропшинъ улыбнулся и, пожавъ плечами, прошепталъ:

— Ей кажется... что на васъ кровь, и я думаю то же самое, — и съ этимъ Ропшинъ юркнулъ за дверь и ушелъ по лѣстницѣ на женскую половину.

Гордановъ ушелъ къ себѣ и сейчасъ же велѣлъ подать себѣ лошадей, чтобъ ѣхать въ городъ съ цѣлью послать корреспонденцію въ Петербургъ и переговорить съ властями о бунтѣ.

Въ ожиданіи лошадей, онъ хотѣлъ приготовить письма; но, взглянувъ на ладонь своей лѣвой руки, покраснѣлъ и, досадуя, топнулъ ногой. У него на ладони былъ очень не-

значительный маленькій уколъ, но платокъ, которымъ онъ старался зажать этотъ уколъ, былъ окровавленъ, и это-то дало Ропшину право сказать, что на немъ кровь.

— Чортъ знаетъ что такое! Преступленіе сдѣлано, и сейчасъ уже идутъ и глупости, и ошибки. И какія еще ошибки! Тамъ я позабылъ ножъ, которымъ опараналъ руку... И этотъ уколъ, можетъ-быть, трупный. Тьфу, сто дьяволовъ!.. И ляписа нѣтъ, и прижечь нечѣмъ... Скорѣй въ городъ!

И онъ уѣхалъ.

Межъ тѣмъ Ворошиловъ и Ермоланчъ, выйдя заднимъ ходомъ, обошли домъ и стали въ сѣняхъ конторы, куда посаженъ былъ Висленевъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, понуривъ голову, въ какомъ-то полуснѣ, и все что-то бормоталъ и вздрагивалъ.

Ворошиловъ и Ермоланчъ вошли въ контору и стали возлѣ него.

Висленевъ поднялъ голову, повелъ вокругъ глазами и протоналъ.

— Подлецъ, подлецъ, Гордановъ!..

— Это онъ его убилъ?

— Онъ меня погубилъ, погубилъ; но я буду все говорить, я буду все, все говорить; я всю правду открою... Я... ничего не скрою.

— Да, да, будьте честны: говорите правду.

— Я все, все скажу, если меня помилуютъ.

— Васъ помилуютъ.

— Хорошо. Я все скажу; но только одно... пожалуйста, пусть меня скорѣй отвезутъ въ острогъ, а то онъ меня отравитъ, какъ отравилъ Кюлевейна.

Ворошиловъ дернулъ за руку товарища, и они вышли.

Ропшинъ, взойдя на женскую половину верха, вынулъ ключъ и тихо повернулъ его въ двери коридора, ведшаго къ спальнѣ Глафиры. Вдова лежала на диванѣ и щипала какую-то бумажку.

При входѣ Ропшина она проворно встала и сказала:

— Послушайте... вы что же?..

Но Ропшинъ тихо остановилъ ее на первомъ же словѣ.

— Тсс!..—сказалъ онъ, поднимъ таинственно руку:—теперь вамъ надо меня слушать. Вы, конечно, хотите знать, по какому праву я поступаю съ вами такъ грубо и на-

сильно удержалъ васъ въ вашей комнатѣ? Это было необходимо: я имѣлъ на это право, и я одинъ могу васъ спасти. Прошу васъ помнить, что у меня въ карманѣ есть вчера только-что подписанное духовное завѣщаніе вашего мужа, которымъ онъ все свое состояніе отказалъ вамъ. Долгъ честнаго человѣка повелѣваетъ мнѣ не скрыть этого документа, ввѣреннаго моему смотрѣнію, а между тѣмъ этотъ документъ не только скомпрометируетъ васъ, но... вы понимаете?

— Да, я васъ понимаю.

— Это совсѣмъ не трудно. Новое завѣщаніе прямо говоритъ, что имъ отмѣняется распоряженіе, предоставлявшее имѣніе другимъ родственникамъ, между тѣмъ какъ вы сами знаете, что въ хранимомъ завѣщаніи совсѣмъ не то...

— Да скорѣе, скорѣе: какая ваша цѣна за вашъ долгъ честнаго человѣка?

— Боже меня спаси! Никакой цѣны; но что не можетъ быть цѣнимо на деньги, то подчиняется инымъ условіямъ...

— Послушайте, Ропшинъ: моихъ силъ нѣтъ вынести васъ, и вы можете довести меня до того, что я предпочту Сибирь униженію!

— Я согласенъ скрыть это завѣщаніе и всѣми мѣрами хлопотать объ утвержденіи за вами того, которое хранится въ Москвѣ...

— Ну-съ, и что же, что же вамъ надо за это?

— Я вамъ ручаюсь, что все будетъ сдѣлано скоро и благополучно, п...

— Ну и что же, что вамъ за это?—вскричала, топая ногой и совсѣмъ выходя изъ себя, Глафира.

— Ничего новаго,—отвѣчалъ тихо Ропшинъ, и дѣвственно поникая головой, еще тише добавилъ:—ровно ничего новаго... но только... я бы хотѣлъ, чтобъ это далѣе было согласно съ закономъ и совѣстью.

Глафира сначала не сразу поняла эти слова, а потомъ, несмотря на свою несмугимость, покраснѣла. Она презирала въ эти минуты Ропшина, какъ никого другого въ жизни. Онъ былъ противенъ ей по воспоминаніямъ въ прошедшемъ, по ощущеніямъ въ настоящемъ и по предчувствіямъ въ будущемъ. Несмотря на то, что теперь не было времени для размышленій философскаго свойства, Глафирѣ вдругъ припомнились всѣ люди, на которыхъ она въ по-

мыслахъ своихъ глядѣла, какъ на мужчинъ, и она не могла представить себѣ ничего презрѣннѣе этого бѣлобрысаго Ропшина... Висленевъ и тотъ являлся въ сравненіи съ нимъ чуть не гениемъ совершенства; въ бѣдномъ Жозефѣ все-таки была непосредственная доброта, незлобіе, дѣтство и забавность. И между тѣмъ Глафира поздно замѣтила, что онъ, этотъ Ропшинъ, именно неодолимъ: это сознание низшло къ ней, когда надо смирится подъ рукой этого ничтожества.

— Ропшинъ!—воскликнула она:—смысль вашей гнусной рѣчи тотъ, что вы хотѣли бы на мнѣ жениться?

— Да.

— Вы безумный!

— Не знаю почему.

— Почему? вы презрѣнное, гадкое насѣкомое.

— Но я одинъ,—отвѣчалъ, пожавъ плечами, Ропшинъ:—одно это насѣкомое можетъ васъ снасти. Оглянитесь вокругъ себя,—заговорилъ онъ, дѣлая шагъ ближе:—что повсюду надѣлано: Висленевъ во всемъ признается; онъ скажетъ, что вы и Гордановъ научили его убить вашего мужа.

— Этому нѣтъ доказательствъ!

— Какъ знать? завѣщаніе подписано вчера, и сегодня убійство... Низость всеобщая вокругъ, недовѣріе и шпіонство; забѣгательство впередъ одного предъ другимъ во очищеніе себя. Гордановъ доноситъ, вы доносите, Висленевъ доноситъ, Лариса доноситъ... наконецъ, я тоже писалъ, потому что я долженъ былъ писать, зная затѣвающееся преступленіе, и... все это въ разныя руки, и теперь все это вдругъ сбылось.

— Что же, что сбылось: всѣ говорятъ, что бунтовъ должно ждать. Его убили крестьяне.

— Да-съ: это прекрасно, что бунтовъ должно ждать, но тогда надо ихъ искуснѣе дѣлать: надо было такъ дѣлать, чтобы, дѣйствительно, крестьяне убили.

— Да это такъ и сдѣлано.

— Нѣтъ-съ, не такъ.

Глафира оправилась и добавила:

— Полно вамъ меня пугать, господинъ Ропшинъ, дѣло идетъ о крестьянскомъ бунтѣ, и я здѣсь сторона.

— А если нѣтъ? А если на тѣлѣ есть...

— Что можетъ быть на тѣлѣ?



— Трехгранная рана испанскаго стилета.

Глафира пошатнулась.

— Вашъ хлыстъ?—спросилъ шопотомъ Ропшинъ.

— Его нѣтъ у меня.

— Онь у Горданова. Благодарите Бога, что я не далъ вамъ видѣться съ нимъ: вы будете свободны отъ одного подозрѣнія, но на этомъ не конецъ; чтобъ опровергнуть общее мнѣніе, что вы хотите выйти замужъ за Горданова, я хочу на васъ жениться.

Глафира окинула его удивленнымъ взглядомъ и сдѣлала шагъ назадъ.

— Да,—повторилъ Ропшинъ:—я хочу на васъ жениться, и это единственное условіе, подъ которымъ я могу скрыть завѣщаніе, довѣренное мнѣ убитымъ, тогда я сдѣлаю это съ свободою совѣстью. О преступленіи жены я могу не свидѣтельствовать. Итакъ... я жду, что вы мнѣ скажете?

— Сибирь или Ропшинъ?—выговорила, пристально глядя на него, Глафира.

— Я васъ не притѣсняю.

— Благодарю. Ропшинъ или Сибирь?

— Да, да; Сибирь или Ропшинъ, Ропшинъ или Сибирь? выборъ не сложный—рѣшайте.

— Я рѣшила.

— Что выбрано?

— Ропшинъ.

— Прекрасно; теперь прошу васъ не дѣлать ни малѣйшаго шага къ какимъ-нибудь сближеніямъ съ Гордановымъ—это васъ погубить. Повѣрьте, что я не ревнивъ и это во мнѣ говоритъ не ревность, а желаніе вамъ добра. На васъ падаетъ подозрѣніе, что вы хотѣли извести Бодростина для того, чтобы выйти замужъ за Горданова... Благоразуміе заставляетъ прежде всего опрокинуть это подозрѣніе. Далѣе, я останусь здѣсь, на вашей половинѣ...

— Здѣсь, теперь?—спросила Глафира въ удивленіи, открывая глаза: Ропшинъ, снявъ съ себя сюртукъ, покрылся лежавшею на креслѣ шалью Глафиры и укладывался на ея диванъ.—Это еще что значить?

— Это значить, что я продолжаю мое дѣло вашего спасенія.

— Но вы съ ума сошли. Это всѣ будутъ знать!

— Я этого-то и хочу.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? зачѣмъ, чтобы знали, что Гордановъ былъ ширма, а что вы меня всегда любили; зачѣмъ, чтобы немедленно же пустить на вашъ счетъ другіе разговоры и опрокинуть существующее подозрѣніе, что вы хотѣли выйти замужъ за Горданова. Что, вы меня поняли? Ого-го! стойте-ка, вы увидите, какъ мы ихъ собьемъ съ толку. Только я васъ предупреждаю: наблюдайте за собою при Ворошиловѣ.

— При комъ?

— При Ворошиловѣ.

— При этомъ прїѣзжемъ?

— Да, при прїѣзжемъ.

— Кто же онъ такой?

— А чортъ его знаетъ, кто онъ такой, но во всякомъ случаѣ онъ не тотъ, за кого себя выдаетъ.

Глафира ничего не отвѣчала и задумалась: она молча припоминала все говоренное ею когда-нибудь при Ворошиловѣ, который такъ недавно появился здѣсь и котораго она совсѣмъ почти не замѣчала.

«И что же это такое наконецъ, — думала она: — точно опрокинулся предо мною ящикъ Пандоры и не вѣсть откуда берутся на меня и новыя враждебныя лица, и новыя бѣды».

На нее напалъ невыразимый страхъ нечистой совѣсти, и уснувшій Рошинъ уже пересталъ ей казаться такимъ отвратительнымъ и тяжелымъ. Напротивъ, она была рада, что хотя онъ здѣсь при ней, и когда въ ея дверь кто-то тихо стукнулъ, она поблѣднѣла и дружески молвила: Генрихъ!

Онъ быстро проснулся, узналъ въ чемъ дѣло и, взявъ вдову за ея дрожащую руку, сказалъ:—О, будь покойна,—и зачѣмъ твердымъ голосомъ крикнулъ:—входите! Кто тамъ? входите!

На этотъ зовъ въ комнату со смѣшаннымъ видомъ вступила горничная и объявила, что недавно уѣхавшая Синянина возвратилась опять и сейчасъ же хочетъ видѣть Глафиру.

— Я не могу никого видѣть... Что ей нужно?

— Лариса Платоновна поѣхала съ ними...

— Ну?

— И теперь ихъ нѣтъ.

— Кого?... Ларисы?

— Да-съ; онѣ куда-то убѣжали; ихъ искали вездѣ: на хуторѣ, по лѣсу, въ паркѣ, и теперь сама генеральша здѣсь... и спрашиваютъ Ларису Платоновну.

— Но ея здѣсь нѣтъ; ея здѣсь нѣтъ: пусть ѣдутъ къ Горданову въ городъ... Я теперь никого не могу принять.

— Напротивъ,—вмѣшался Ропшинъ и, давъ дѣвушкамъ знакъ выйти, сказалъ Глафирѣ, что дѣло это не шуточное и что она непременно должна принять Синтянину и въ точности узнать, что такое случилось.

Съ этимъ онъ усадилъ Глафиру въ кресло и самъ вышелъ, а черезъ нѣсколько минутъ возвратился, сопровождая закутанную платкомъ Александру Ивановну.

— Что тамъ еще, Alexandrine?—спросила, не поднимаясь съ мѣста, Глафира.

— Ужасное несчастіе, — отвѣчала, сбрасывая съ себя платокъ, генеральша: — я привезла домой Лару, и пока занялась тѣмъ, чтобы приготовить ей теплое питье и постель, она исчезла, оставивъ на фортепіано конвертъ и при немъ записочку. Я боюсь, что она съ собой что-нибудь сдѣлала.

— Но что же за записка?

— Вотъ она, читайте... — и генеральша подала клочокъ потной бумаги, на которомъ рукой Ларисы было написано карандашомъ: «Я все перепортила, не могу больше жить. Прощайте. Въ конвертъ найдете все, что довело меня до самоубійства».

— Что же было въ конвертѣ?

— Не знаю; его взялъ мой мужъ. Я бросилась ее искать: мы обыскали весь хуторъ, звали ее по полямъ, по дорогѣ, по лѣсу, и тутъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ... нынче добывали огонь, встрѣтились съ Ворошиловымъ и этимъ... какимъ-то человѣкомъ... Они тоже искали что-то съ фонаремъ и сказали намъ, чтобы мы ѣхали сюда. Бога ради посылайте поскорѣ людей во все мѣста искать ее.

Но вмѣсто живого участія къ этимъ словамъ, блѣдная Глафира, глядя на Ропшина, произнесла только:

— Ворошиловъ... тамъ... съ фонаремъ... Ропшинъ, ступайте туда!.. Я васъ умоляю... Что же такое все это можетъ значить?

Ропшинъ скорыми шагами вышелъ за двери, и черезъ минуту послышался топотъ отъѣзжавшихъ лошадей, а дѣвушка подала Синтяниной записочку, набросанную карандашомъ, въ которой распорядительный Генрихъ извѣщалъ ее, что сейчасъ же посылаетъ десять верховыхъ съ фонарями искать Ларису Платоновну по всемъ направлениямъ, и потому проситъ генеральшу не безпокоиться и подождать утра.

Глафира попросила рукой эту записку и, пробѣжавъ ее глазами, осталась неподвижною.

— Лягте, Глафира, попробуйте успокоиться, а я посижу.

— Хорошо, — отвѣчала Бодростина и, поддерживаемая Синтяниной и горничной, перешла изъ будуара въ свою спальню.

Прошелъ часъ: все было тихо, но только домъ какъ будто вздрагивалъ; генеральша не спала и ей казалось, что это, вѣроятно, кто-то сильно хлопаетъ внизу дверь. Но наконецъ это хлопанье стало все сильнѣе и чаще, и на лѣстницѣ послышался шумъ.

Синтянина вскочила, взяла свѣчу и вышла на террасу, на которой, перевѣсясь головой черезъ перила, стояла горничная Глафиры: снизу поднималось нѣсколько человекъ, которые несли глухонѣмую Вѣру.

Она вся дрожала отъ холода, и посинѣвшее лицо ея корчилось, а руки были крѣпко стиснуты у груди, какъ будто она ими что-то держала и боялась съ чѣмъ-то разстаться.

Увидѣвъ мачиху, дѣвочка сдѣлала усиліе улыбнуться и, соскользнувъ съ рукъ несшихъ ее людей, кинулась къ ней и стала быстро говорить своею глухонѣмою азбукой.

Она объясняла, что, боясь за мачиху, бросилась вслѣдъ за нею, не могла ее догнать и, сбившись съ дороги, чуть не замерзла, но встрѣтила людей, которые ее взяли и принесли.

— Что же это были за люди?

Глухонѣмая показала, что это Ворошиловъ и Андрей Парфенычъ.

— Кто это былъ? кого она называетъ? — спросила нетерпѣливо вышедшая на этотъ разговоръ Глафира, и какъ только Синтянина назвала Ворошилова, она прошептала: «опять онъ! Боже! чего же это они повсюду ходятъ?»

Дѣвочки подали теплый чай и сухое платье; она чай

съ жадностью выпила, но ни за что не хотѣла перемѣнить бѣлья и платья, какъ на этомъ ни настаивали; она топала ногой, сердилась и, наконецъ, вырвавъ изъ рукъ горничной бѣлье, бросила его въ каминъ и, сѣвъ предъ огнемъ, начала супиться.

— Ее нельзя болѣе беспокоить и принуждать, — сказала Синтяпина, и когда горничная ушла, между падчерицей и мачихой началась ихъ пѣтая бесѣда: дѣвочка, косясь на безмолвно сидящую въ креслѣ Глафиру, быстро метала руками предъ мачихой свои знаки, и наконецъ, замѣтила, что Синтяпина дремлетъ, а Глафира даже спитъ.

Такъ подѣйствовали на нихъ усталость, теплота камина и манипуляціи пѣмой, съ которыхъ онѣ долго не сводили глазъ. Глухонѣмая какъ будто ждала этого и, повидимому, очень обрадовалась; не нарушая покоя спящихъ, она безъ малѣйшаго шума приподнялась на ноги, распустила свое платье; тщательно уложила за нимъ вдоль своего слабого тѣльца то, что скрывала, и, приведя себя снова въ порядокъ, свернулась и уснула на коврѣ у ногъ генеральши.

Столь тщательно скрываемая этимъ ребенкомъ вещь была щегольской хлысть Глафиры съ потайнымъ трехграннымъ стилетомъ въ рукояткѣ.

## ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ ВТОРАЯ.

### Бунтъ.

Ночь уходила; пропѣли послѣдніе пѣтухи; Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ лежалъ бездыханный въ большой залѣ, а Юсафъ Платоновичъ Висленевъ сидѣлъ на изорванномъ креслѣ въ конторѣ; предъ нимъ, какъ разъ насупротивъ, упираясь своими ногами въ ножки его кресла, помѣщался огромный рыжій мужикъ, съ длинною палкою въ рукахъ, и дремалъ; у дверей стояли два другіе мужика, тоже съ большими палками, и оба тоже дремали, между тѣмъ какъ подъ окнами безпрестанно шмыгали дворовыя жепщины и ребятишки, старавшіеся приподняться на карнизъ и заглянуть чрезъ окно на убійцу, освѣщеннаго сильно нагорѣвшимъ салнымъ огаркомъ. Земскій сотскій и десятскіе въ теченіе всей ночи постоянно отговяли любопытныхъ отъ конторы; въ залу же большого дома, гдѣ лежалъ убитый, всѣмъ и заглянуть казалось опасно. Страшенъ былъ имъ этотъ покойникъ: общее предчувствіе не-

минучей бѣды подавило всякое любопытство: крестьяне съ села не приходили; они, казалось, сами себя чувствовали какъ бы зачумленными, и спали они, или не спали — не разберешь, но вездѣ было темно. Такъ ушелъ и еще часть, и вдругъ, вдалькѣ, за перелогомъ, послышался колокольчикъ и затихъ. Нѣсколько молодыхъ ребятъ, собравшихся на задворкѣ и ведшихъ между собою таинственную бесѣду о дьявольской силѣ, которая непременно участвовала въ нынѣшней бѣдѣ, услыхавъ этотъ звонъ, всполошились было, но подумали, что это послышалось, успокоились и начали снова бесѣду.

— Онъ хитеръ, ухъ какъ хитеръ, — говорилъ рѣчистый рассказчикъ, имѣвшій самое высокое мнѣніе о чортѣ. — Онъ возвелъ Господа на крышу и говоритъ: «видишь всю землю, я ее всю Тебѣ и отдамъ, опричь оставляю себѣ одну орловскую да курскую губерніи». А Господь говоритъ: «а зачѣмъ ты мнѣ курской да орловской губерніи жалѣешь?» А чортъ говоритъ: «это моего тятеньки любимые мужички и моей маменьки приданая вотчина, я ихъ отдать никому не смѣю...»

Но въ это время колокольчикъ раздался еще слышнѣе, и народъ зашевелился даже въ избахъ: по печамъ, припечкамъ, на лавкахъ, на полатахъ и на пыльныхъ загнеткахъ послышался шорохъ и движеніе, и люди однимъ многоустнымъ шопотомъ произнесли ужасное слово: «слѣдство».

Но вотъ колокольчикъ и опять затихъ, какъ бы сорвался, и зато черезъ пять минутъ послышался ближе и громче, со всѣми отливами и переливами охотничьяго малиноваго звона.

— Два, — зашептали на печкахъ: — два звонка-то, а по одинъ.

— Чего два? Можетъ ихъ и не вѣсть сколько: лишь какъ ремжить на разные стороны. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

И точно, послѣднее мнѣніе было справедливѣе: когда звонъ колокольчиковъ раздался у самой околицы и тысячи мужичьихъ и бабьихъ глазъ прилегли къ темнымъ окнамъ всѣхъ избъ, они увидѣли, какъ по селу пронеслась тройкой телѣга, за нею тарантасъ, другой, и опять телѣга, и все это покатило прямо къ господскому дому и скрылось.

Началось невеселое утро: избы не затапливались, лаптевая свайка не играла въ рукѣ мужика, и только веретена кое-какъ жужжали въ рукахъ бабъ. да и то скучно и какъ бы нехотя.

Но вотъ начинается и вылазка: изъ дверей одной избы выглянулъ на улицу зипунъ и сталь-стоитъ на вѣтрѣ; черезъ минуту изъ другой двери высунулась нахлобученная шапка и тоже застыла на мѣстѣ; еще минута и они увидели другъ друга и поплыли, сошлись, вздохнули и, не сказавъ между собою ни слова, потянулись, кряхти и почесываясь, къ господскому дому, на темномъ фасѣ котораго, то тамъ, то здѣсь, освѣщенные окна сіяли какъ огненные раны.

— Не спать,—шепнулъ шапкѣ зипунъ.

— Гдѣ спать!—отвѣчала, шагая за нимъ, шапка.

— Грѣхъ...

И оба пѣшехода вдругъ вздрогнули и бросились въ сторону: по дорогѣ на рысяхъ проѣхали два десятка казаковъ съ пиками и нагайками, съ головы до ногъ покрытые снѣгомъ. Мужики сняли шапки и поплелись по тому же направлению, но на полувсходѣ горы, гдѣ стояли хоромы, ихъ опять потревожилъ конскій топотъ и непривычный мирному сельскому слуху брязгъ оружія. Это ѣхали тяжелою рысью высланные изъ города шесть жандармовъ и впереди ихъ старый усатый вахмистръ.

Завидѣвъ этихъ грозныхъ, хотя не воюющихъ воиновъ, мужики залегли въ межу и, пропустивъ жандармовъ, встали, отряхнулись и пошли въ обходъ къ господскимъ конюшнямъ, чтобы поразвѣдать чего-нибудь отъ знакомыхъ конюховъ; но кончили тѣмъ, что только повздыхали за угломъ на скотномъ дворѣ и повернули домой, но тутъ были поражены новымъ сюрпризомъ: по огородамъ, вокругъ села, словно журавли надъ болотомъ, стояли шагахъ въ двадцати другъ отъ друга цѣхотные солдаты съ ружьями, а посреди деревни, предъ запаснымъ магазиномъ, шелъ гулъ: здѣсь расположился батальонъ, и прозябшіе солдатикки поталкивали другъ друга, желая согрѣться.

Всѣ ждали бѣды и всякъ, въ свою очередь, былъ готовъ на нее, и бѣда шла какъ слѣдуетъ дружнымъ натискомъ, такъ что навстрѣчу ей едва успѣвали отворять ворота. Навѣхавшіе въ тарантасахъ и телѣгахъ должностныя лица чувъ

только оправились въ отведенныхъ имъ покояхъ дома, какъ тотчасъ же освѣдомились о здоровьѣ вдовы. Дворецкій отвѣчалъ, что Глафира Васильевна, сильно разстроенная, сейчасъ только започивала.

— И не беспокоить ее, — отвѣчалъ молодой чиновникъ, которому всѣ пріѣхавшіе съ нимъ оказывали почтительную уступчивость.

— *Qu'est ce qu'elle a?* — обратился съ вопросомъ къ этому господину управлявшійся предъ зеркаломъ молодой жандармскій офицеръ.

— *Elle est indisposée,* — коротко отвѣчалъ чиновникъ и, оборотясь опять къ дворецкому, освѣдомился, кто въ домѣ есть изъ постороннихъ?

Получивъ въ отвѣтъ, что здѣсь изъ гостей остался одинъ пetersбургскій господинъ Ворошиловъ, чиновникъ послалъ сказать этому гостю, что онъ желалъ бы сію минуту его видѣть.

— Вы хотите начать съ разговора съ нимъ? — освѣдомился, подѣлывая колечки изъ усовъ, молодой штабъ-офицеръ.

— Да; съ чего же нибудь надо начинать.

— *C'est vrai, c'est justement vrai. mais si j'étais à votre place...* Mille pardons, но мнѣ... кажется, что надо начинать не съ разспросовъ: во всякомъ случаѣ первое дѣло фрашировать и *il me vient une idée...*

— Пожалуйста, пожалуйста, говорите!

— Сдѣлаемъ по старинной практикѣ.

— Я васъ слушаю: я самъ врагъ нововведеній.

— Не правда ли? *Ne vaudrait-il pas mieux,* чтобы не давать никому опомниться, арестовать какъ можно больше людей и правыхъ, и виноватыхъ... Это во всякомъ дѣлѣ первое, особенно въ такомъ ужасномъ случаѣ, каковъ настоящій.

Чиновникъ слушалъ это, соображалъ, и наконецъ согласился.

— Право, повѣрьте мнѣ, что этотъ пріемъ всегда приводитъ къ добрымъ результатамъ, — утверждалъ офицеръ.

Чиновникъ былъ совсѣмъ убѣжденъ, но онъ видѣлъ теперь только одно затрудненіе: онъ опасался, какъ бы многочисленныя аресты не произвели въ многолюдномъ селѣ открытаго бунта; но офицеръ, напротивъ, былъ убѣжденъ,



что этимъ только и можетъ быть предотвращенъ бунтъ, и къ тому же его осѣнила идея за идеей.

— Il m'est venu encore une idée, — сказалъ онъ: — можно, конечно, арестовать зачинщиковъ по одиночкѣ въ ихъ домахъ, но тутъ возможны всякія случайности. Сдѣлаемъ иначе, намъ бояться нечего, у нашихъ солдатъ ружья заряжены и у казаковъ есть пики. Вѣдь это же сила! Чего же бояться? Мы прикажемъ собрать сходку и... въ кучѣ видѣте, въ кучѣ сейчасъ будутъ видны говоруны и зачинщики...

— Да; вотъ что, говоруны будутъ видны, въ этомъ, мнѣ кажется, вы правы, — рѣшилъ чиновникъ.

— О, ужъ вы положитесь на меня.

Чиновникъ полунехотя пробурчалъ, что онъ, однако, былъ всегда противъ безмысленныхъ арестовъ и дѣйствій силой, но что въ настоящемъ случаѣ, гдѣ не видно никакихъ нитей, онъ соглашается, что это единственный способъ.

Послѣдствіемъ такихъ переговоровъ и соображеній было то, что по дверямъ крестьянскихъ хатъ застучали костыльки сельскихъ десятниковъ, и въ сѣромъ туманѣ предразсвѣтной поры изъ всѣхъ избъ всѣ взрослые люди, одѣтые въ полушубки и свиты, поползли на широкій выгонъ къ магазину, куда созывало ихъ новоприбывшее начальство.

Сходка собиралась въ совершенной тишинѣ. Утро было свѣжее и холодное; на востокѣ только чуть обозначалась алая полоска зимней зари. Народъ стоялъ и стылъ; вокругъ толпы клубился паръ отъ дыханія. Начальство медлило; но вотъ пріѣхалъ жандармскій офицеръ, пошептался съ пѣшимъ майоромъ и въ собранныхъ рядахъ пѣшаго батальона происходили непонятныя мужикамъ эволюціи: одна рота отдѣлилась, отошла, развернулась надвое и исчезла за задворками, образовавъ на огородахъ рѣдкую, но длинную растянутую цѣль. Деревня очутилась въ замкнутомъ кругѣ. Мужики, увидавъ замелькавшіе за плетнями рыжіе солдатскіе башлыки, смѣтили, что они окружены и, тихо крестясь, робко пожались другъ къ другу. Довольно широкая кучка вдругъ собралась и сѣлась, а въ эту же пору изъ-за магазина выступила другая рота и сжала сходку какъ обручемъ.

Мужики, напирая другъ на друга, старались не глядѣть въ лицо солдатамъ, которые, дрожа отъ мороза, подпрыгивали, выколачивая стынущими ногами самую залихватскія дробь. Солдаты были ни скучны, ни веселы: они исполняли свою службу покойно и равнодушно; но мужикамъ казалось, что они злы, и смущенные глаза крестьянъ, блуждая, невольно устремлялись за эту первую цѣпь, туда, къ защитамъ избъ, къ простору разстилающихся за ними бѣлыхъ полей.

Вторая цѣпь, скрытая на задворкахъ, была уже позабита, но суровыя лица ближайшихъ солдатъ наводили панику. Въ толпѣ шептали, что «вотъ скомандуетъ-де имъ сейчасъ ихъ набольнѣй: потроши ихъ, ребята, за вѣру и отечество, и сейчасъ насъ не будетъ». Какой-то весельчакъ понутилъ, что тогда и подупнаго платить не нужно, но другой молодой парень, вслушиваясь въ эти слова, запатался на мѣстѣ, и вдругъ, ни съ того, ни сего, сталъ насѣдать на колѣни. Его отпихнули два раза солдаты, къ которымъ онъ порывался, весь трясясь и прося отпустить его посмотрѣть коровушку. Родная толпа мужиковъ потянула его назадъ и спрятала. Солдатики острили своими обычными остротами и шутками. Говоруны и зачинщики не обозначались, но зато въ эту минуту въ дальнемъ концѣ широкой улицы деревни показались двѣ фигуры, появленіе которыхъ прежде всѣхъ было замѣчено крестьянами, а потомъ ихъ усмотрѣло и начальство, обратившее вниманіе на происшедшее по этому случаю обращеніе крестьянскихъ взоровъ въ одну сторону. Это было очень дурнымъ знакомъ: находчивый жандармскій офицеръ шепнулъ слово казачьему уряднику, и четыре казака, взявъ пики на перевѣсъ, бросились вскачь и понеслись на двухъ прохожихъ. Въ толпѣ крестьянъ пробудилось сильное любопытство: что, молъ, изъ сего послѣдуетъ?

Два внезапно появившіяся лица крестьянами узнаны: это не были совсѣмъ неизвѣстные люди, это наши старые знакомые—священникъ Евангелъ и отставной майоръ Филетеръ Ивановичъ Форовъ.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

### Вѣсть о Ларисѣ.

Когда всѣ изъ дому Снитяниной удалились искать бѣжавшую Лару, майоръ Форовъ избралъ себѣ путь къ Еван-

гелу, въ томъ предположеніи, что не пошла ли Лариса сюда. Это предположеніе было столько же невѣроятно, какъ и всѣ другія, и Форовъ шелъ единственно для очищенія совѣсти, а на самомъ же дѣлѣ онъ былъ глубоко убѣжденъ, что Ларису искать напрасно, что она порѣшила кончить съ собою, и теперь ее если и можно сыскать, то развѣ только мертвую.

Этого же мнѣнія былъ и Евангель, у котораго Ларисы, разумѣется, не оказалось.

Пріятели вмѣстѣ переночевали, поговорили и утромъ рѣшились пойти узнать, нѣтъ ли чего новаго.

Идучи привычною скорою походкой, они уже подходили къ бодростинскому парку, какъ вдругъ ихъ оживило одно странное обстоятельство: они увидали, что изъ рва, окружающаго паркъ, въ одномъ мѣстѣ все выпрыгивалъ и прятался назадъ бѣлый заяцъ и выдѣлывалъ онъ это странно: вскочить на край и забѣгаться и юркнуть въ ровъ, а черезъ минуту опять снова за то же.

Форовъ, имѣвшій прекрасное зрѣніе, поставилъ надъ глазами ладонь и, всматриваясь, сказалъ:

— Нѣтъ, это не заяцъ, а это... это что-нибудь въ родѣ полотна развѣвается... Да; но вонъ надъ нимъ что-то птицы вьются... это галки и вороны. Что же это можетъ быть?

Евангель молчалъ.

— Ну, гайда! пойдемъ: птицы надъ живымъ не летаютъ.

И путники торопливо пошли къ загадочному предмету и вскорѣ убѣдились, что никакого зайца здѣсь, дѣйствительно, не было, а надъ краемъ канавы то взлеталъ, то падалъ бѣлый кусокъ какой-то легкой матеріи. Не успѣли Форовъ и Евангель сдѣлать впередъ еще десять шаговъ, какъ предъ ними, въ глубинѣ окопа, вырисовалась небольшая человѣческая фигура, покрытая большимъ бѣлымъ платкомъ, одинъ уголь котораго былъ обвязанъ вокругъ головы и закрывалъ все лицо, между тѣмъ какъ остальная часть его закрывала грудь и колѣна; вся эта часть была залита коричневымъ потокомъ застывшей крови. Форовъ недолго думалъ, срыгнулъ въ канаву и тотчасъ же оттуда выпрыгнулъ, держа въ дрожащей рукѣ окровавленную бритву съ серебряною буквою Б на черномъ костяномъ черенкѣ.

— Вотъ гдѣ она! — воскликнулъ майоръ, показавъ това-

рицу орудіе Ларисиной смерти и, бросивъ бритву назадъ въ ровъ, отвернулся.

Евангель вздохнулъ и покачалъ головой.

— Да, она; и посмотри, что значитъ женщина: она, убивая себя, заботилась, чтобы трупъ ея никого не пугалъ; сошла внизъ, присѣла на корень березы, закрыла личико и сидитъ какъ спящая.

Они еще посмотрѣли на самоубійцу и пошли на усадьбу, чтобы дать знать о своей находкѣ.

Довольно странно было, что эта неожиданная находка, однако, очень мало ихъ поразила: и Евангель, и Форовъ какъ-будто находили, что этого надо было ждать, и майоръ наконецъ даже высказалъ такую мысль, которая со стороны его собесѣдника вызвала только простой вопросъ:

— А почему ты такъ думаешь?

— Да ей незачѣмъ жить стало.

— Такъ и умирать, и руки на себя поднимать?

— А отчего же не поднять, когда поднимаются.

Евангель посмотрѣлъ на Форова и произнесъ:

— Однако, извини за откровенность, какая ты превредная скотинка.

— Черезъ какое это неблагополучіе, — не черезъ то ли, что допускаю возможность сойти съ земли безъ твоего посредства? Дѣло, братъ: стой за своихъ горю!

— А вотъ я посмотрю, — перебилъ Евангель.

— Что это?

— Какъ ты самъ...

— Умирать, что ли, какъ буду?

— Да.

— Будь увѣренъ, что по всѣмъ правиламъ искусства окончу, — исповѣдаюсь и причащусь. Я вѣдь тебѣ это давно говорилъ и еще разъ скажу: я, братъ, здоровый реалистъ и вздора не люблю: я не захочу, чтобы кому-нибудь со мною, съ мертвымъ, хлопоты были, — все соблюду и приму «какъ сказано».

— Нѣтъ; ты взаправду пустой человѣкъ.

— Да почему же? что ты все только ругаешься!

— Да вотъ такъ... хочу тебя такъ назвать и называю, а хочешь добиться, такъ вотъ почему: не увѣрай, какъ поведешь себя, когда смерть пристигнетъ. Это дѣло строгое.

— Что говоритъ, я и не спорю — моментъ острый, это

не то что гранпасьянсь раскладывать. Однако, вотъ мы пришли, — будетъ тебѣ надо мной въ проповѣдничествѣ упражняться: я и Восюэта, и Бурдалу когда-то читалъ и все безъ покаянія остался. Теперь давай думать, куда намъ идти: въ домъ или въ контору?

Но, придя въ деревню, они были поражены собранною на улицѣ огромною толпой, окруженною пѣшимъ и коннымъ конвоемъ: имъ въ голову не приходило, что это усмиряютъ бунтъ; они не предвидѣли никакого повода для бунта, и потому, когда наскочавшіе на нихъ казаки остановились, не зная, что имъ далѣе дѣлать, то Форовъ съ удивленіемъ, но безъ всякаго испуга, спросилъ ихъ:

— Что это такое? что вамъ надо, ребята?

Казаки, видя предъ собой священника и человѣка въ военной фуражкѣ съ кокардой, начали озираться на начальство, но оттуда тотчасъ же отдѣлился офицеръ и, давъ лошади шпоры, понесся сюда съ крикомъ:

— Берн ихъ!

Казаки спрыгнули съ коней и бросились на Евангела; тотъ не трогался, но Форовъ отскочилъ назадъ и прыгнулъ къ ближайшему строенію, чтобы имѣть у себя за стѣной защиту; но не успѣлъ онъ пробѣжать нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ предъ собою трехъ солдатъ, державшихъ его за руки, межъ тѣмъ какъ третій приставилъ ему къ груди свергающій штыкъ. Маленькій пѣхотный поручикъ съ потнымъ лбомъ юлилъ вокругъ него и, закуривъ тоненькую папирску у одного изъ двухъ стоявшихъ къ Форову спиной господъ, крикнулъ:

— Заряжай его... то бишь: веди его! веди!

— Пошелъ! — крикнулъ сзади майора козлиный голосъ, и здоровый унтеръ-офицеръ усердно толкнулъ Форова въ спину.

Маленькій поручикъ остался на мѣстѣ ареста Форова и опять закуривалъ свою тонкую папирску у двухъ особъ, которыхъ Форовъ не разсмотрѣлъ въ первую минуту; но, оглядая теперь уголъ у выхода на улицу, онъ взглянулъ мимоходомъ на этихъ людей и узналъ въ нихъ Горданова, въ дорожной енотовой шубѣ, и Ворошилова, въ касторовомъ пальто съ камчатскимъ бобромъ. Безстрастное, гладко выбритое чиновничье лицо Ворошилова и въ эту минуту было невозмутимо, но его сѣро-голубые глаза не безъ участія

слѣдили за конвоируемымъ майоромъ. По крайней мѣрѣ такъ показалось Форову, и онъ вдругъ почувствовалъ къ этому человѣку довѣріе, и закричалъ ему:

— Милостивый государь! скажите кому-нибудь, пожалуйста, что тамъ на рубежѣ за паркомъ валяется въ канавѣ мертвая сестра господина Висленева, Лариса Платоновна Подозерова: она зарѣзалась.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

### На ворахъ загораются шапки.

Домъ и усадьба Бодростиныхъ представляли нѣчто ужасное. Въ большомъ залѣ, гдѣ происходилъ вчерашній пиръ, попрежнему лежалъ на столѣ трупъ Бодростина, а въ боковой маленькой залѣ нижняго этажа пристройки, гдѣ жила послѣднее время Лара, было сложено на диванѣ ея бездыханное, покрытое бѣлою простыней, тѣло.

Люди, которые принесли ее, не рѣшались положить ее на столъ, считая такую честь неудобною для самоубійцы.

Въ каменномъ амбарѣ безъ потолка были посажены связанные крестьяне, арестованные для порядку, хотя начальство и увѣрилось, наконецъ, что бунта нѣтъ и усмирять оказалось печего.

Въ отдѣльныхъ трехъ комнатахъ конторы помѣщалась арестованная аристократія: посягатель на убійство Горданова — Жозефъ Висленевъ, сильно подозрѣваемый въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту — священникъ Евангель, и очевидный бунтовщикъ, силой захваченный, майоръ Форовъ. Въ каменномъ же амбарѣ безъ потолка сидѣли человѣкъ двадцать арестованныхъ крестьянъ.

Войско оцѣпляло усадьбу и держало караулы; свободные солдатики хозяйничали въ крестьянскихъ избахъ, исполненныхъ всякой тоски и унылости. Начальство, состоящее изъ разныхъ наѣхавшихъ сюда гражданскихъ и военныхъ лицъ, собралось на мужской половинѣ второго этажа. Здѣсь былъ и Ворошиловъ, и его землемѣръ Андрей Парфенычъ, и старый генералъ Синтянинъ, пріѣхавшій сюда узнать о женѣ. Эти три послѣднія лица сами предложили себѣ въ понятые къ предстоящему осмотру тѣла.

Все эти господа и вмѣстѣ съ ними Гордановъ пили чай и приступали къ приготовленному для нихъ легкому завтраку, послѣ котораго надлежало быть вскрытію тѣла. Па-

вель Николасвичъ самъ не ѣлъ. Несмотря на то, что и онъ, какъ и прочіе, не спалъ ночь и сдѣлалъ утромъ много движенія, у него не было аппетита и къ тому же онъ чувствовалъ непріятный ознобъ, къ крайнему его неудовольствію навѣвавшій на него чрезвычайно неумѣстную лѣность. Онъ не зналъ, чему бы приписать эту странность, и, похаживая вокругъ стола, за которымъ закусывали, едва одолевалъ свою лѣнь, чтобы возстановить въ сознаніи настоящее значеніе событій; но едва лишь онъ одолевалъ это, какъ его тотчасъ отягощало недоумѣніе: почему все слѣдующее за убійствомъ Бодростина не только совсѣмъ не отвѣчаетъ его плану, но даже рѣзко ему противорѣчитъ? Чтò это за лѣность мыщцъ и тяжесть ума, которыя точно вступили въ союзъ съ его врагомъ Ропшинымъ, и удаляютъ его ото всего, къ чему бы онъ долженъ былъ находиться вблизи и не выпускать изъ рукъ всѣхъ нитей дѣла, которыя посилились гдѣ-то въ воздухѣ и могли быть каждую минуту схвачены рукой, самою неблагорасположенною къ Горданову. Павелъ Николаевичъ, возвратясь изъ города, еще не видалъ Глафиры, а теперь даже не зналъ, какъ этого и достичь; онъ еще былъ управитель имѣнія и уполномоченный, и имѣлъ всѣ основанія видѣть вдову и говорить съ нею, но онъ чувствовалъ, что Ропшицъ его отрѣзалъ, что онъ просто-на-просто не пуститъ, и, конечно, онъ поступаетъ такъ съ согласія самой Глафиры, потому что иначе она сама давно бы за нимъ прислала. Теперь бы самое время повидаться съ нею, пока власти подкрѣпляются и идутъ приготовленія, при которыхъ Гордановъ нимало не нуженъ. Онъ оглянулся и, увидавъ въ углу комнаты Ропшина, который тихо разговаривалъ съ глотавшимъ тартинки лѣкаремъ, подумалъ:

«Вотъ и еще побужденіе дорожить этою минутой, потому что этотъ чухонецъ теперь занять тутъ и не замѣтитъ моего отсутствія».

Гордановъ всталъ и вышелъ, какъ будто не обращая ни на кого вниманія, хотя на самомъ дѣлѣ онъ обозрѣлъ всѣхъ, мимо кого проходилъ, не исключая даже фельдшера и молодого священника, стоявшихъ въ передней надъ разложенными на окнѣ анатомическими инструментами. Спустился по лѣстницѣ внизъ, онъ, проходя мимо залы, гдѣ лежалъ трупъ Бодростина, замѣтилъ, что двери этой залы заперты, запечатаны двумя печатами и у нихъ стоитъ караулъ. Гор-

дановъ спросилъ, кто этимъ распорядился, и получилъ въ отвѣтъ, что все это сдѣлалъ Ропшинъ.

— Чья же это другая печать?

— А это пріѣзжаго барина,—отвѣчалъ слуга.

— Пріѣзжаго барина? Чтò это за вздоръ: какого пріѣзжаго барина?

— А господина Ворошилова; они вмѣстѣ съ Генрихомъ Ивановичемъ вокругъ — и эти, и тѣ двери изъ гостиной ночью запечатали.

— И изъ гостиной тоже?

— Да-съ, и изъ гостиной, и тамъ карауль стоитъ.

Гордановъ, не довѣряя, подошелъ поближе къ дверямъ, чтобы разсмотрѣть печати и, удостовѣрившись, что другая печать есть оттискъ аквамариноваго брелока, который носить Ворошиловъ, хотѣлъ еще что-то спросить у лакея, но, обернувшись, увидалъ за собою не лакея, а Ропшина, который, очевидно, слѣдилъ за нимъ и безъ церемоній строго спросилъ его: чтò ему здѣсь угодно?

— Я смотрю печати.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ; я управитель всѣхъ имѣній покойнаго и...

— И ваши полномочія кончились съ его смертью.

— А ваши начались, что ли?

— Да, мои начались.

И Ропшинъ пренагло взглянулъ на Горданова, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого и что онъ вообще равнодушенъ ко всему происходящему и спрашиваетъ болѣе изъ одного любопытства.

— Начались,—повторилъ онъ съ улыбкой:—а что же такое при васъ господинъ Ворошиловъ, дуумвирать, что ли, вы съ нимъ составляете?

— Нѣтъ, мы съ нимъ дуумвирата не составляемъ.

— Зачѣмъ же здѣсь его печать?

— Просто печать посторонняго человѣка, который случился и котораго я пригласилъ, чтобы не быть одному.

— Просто?

— Да, просто.

Гордановъ повернулся и пошелъ по коридору, выводящему ко входу въ верхнюю половину Глафиры. Онъ шелъ нарочно тихо, ожидая, что Ропшинъ его нагонитъ и оста-



повить, но достойный противникъ его стоялъ не шевелясь и только смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Гордановъ какъ бы чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ и, дойдя до поворота, пошелъ скорѣе и наконецъ на лѣстницу взбѣжалъ бѣгомъ, но здѣсь на террасѣ его остановила горничная Глафира и тихо сказала:

— Нельзя, Павелъ Николаичъ, — барыня никого принимать не желаетъ.

— Что?

— Никого не велѣно пускать.

— Какой вздоръ; мнѣ нужно.

— Не велѣно-съ; не могу, не велѣно.

— И меня не велѣно?

— Никого, никого, и васъ тоже.

Гордановъ взглянулъ пристально на дѣвушку и сказалъ:

— Я васъ прошу, подите скажите Глафирѣ Васильевнѣ, что я пришелъ по дѣлу, что мнѣ необходимо ее видѣть.

Дѣвушка была въ затрудненіи и молчала.

— Слышите, что я вамъ говорю: мнѣ необходимо видѣть Глафиру Васильевну, и она будетъ недовольна, что вы ей этого не скажете.

Дѣвушка продолжала стоять, держась рукой за ручку замка.

— Что же вы, не слышите, что ли?

Дѣвушка замаялась, а внизу на лѣстницѣ слегка треснула ступенька. «Это непременно Ропшинъ: онъ или подслушиваетъ, или идетъ сюда не пускать меня силой», сообразилъ Гордановъ и, крѣпко сжавъ руку горничной, прошепталъ:

— Если вы сейчасъ не пойдете, то я сброшу васъ къ чорту и войду насильно.

Съ этимъ онъ дернулъ дѣвушку за руку такъ, что дверь, замка которой та не покидала, полуотворилась и на порогѣ показалась Глафира. Она быстро, но тихо захлопнула за собою дверь и перебѣжала въ комнату своей горничной.

— Что? что такое? — спросила она, снова затворяясь здѣсь съ неотстававшимъ отъ нея Гордановымъ.

— Что ты въ такомъ разстройствѣ? — заговорилъ Гордановъ, стараясь казаться невозмутимо спокойнымъ.

— Интересный вопросъ: мало еще причинъ мнѣ быть въ разстройствѣ? Пожалуйста скорѣе: что вамъ отъ меня нужно? Говорите вѣжливо, сразу все... намъ теперь нельзя

быть вмѣстѣ. C'est la dernière fois que je m'y hasarderai, и если вы будете спрашивать, я уйду.

— Почему здѣсь начинаетъ распоряжаться Ропшинъ?

— Я не знаю, я ничего не вижу, я ничего не знаю, а надо же кому-нибудь распоряжаться.

— А я?

— Вы?.. вы сумасшедшій, Поль! Какъ я могу поручить теперь что-нибудь вамъ, когда на насъ съ вами смотрятъ тысячи глазъ... Зачѣмъ вы теперь пришли сюда, когда вы знаете, что меня всѣ подозрѣваютъ въ связи съ вами и въ желаніи выйти за васъ замужъ? Это глупо, это отвратительно.

— Это въ васъ говоритъ Ропшинъ.

— Что тутъ Ропшинъ, что тутъ кто бы то ни было... пусть всѣ дѣлаютъ, что хотятъ: нужно жертвовать всѣмъ!

— Всѣмъ?

— Всѣмъ, всѣмъ: дѣло идетъ о нашемъ спасеніи.

— Спасеніи?.. отъ кого? отъ чего? Vous craignez où il n'y a rien à craindre.

Но беспокойная вдова въ отвѣтъ на это сдѣлала нетерпѣливое движеніе и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, вамъ все сказано, и я уйду.

И съ этимъ она исчезла за дверями своей половины, у порога которыхъ опять сидѣла въ креслѣ за столикомъ ея горничная, не обращающая, повидимому, никакого вниманія на Горданова, который, прежде чѣмъ уйти, долго еще стоялъ въ ея комнатѣ предъ растворенною дверью и думалъ:

«Что же это такое? Она бѣжитъ меня... въ такія минуты... Не продала ли она меня?.. Это возможно... Да, я недаромъ чувствовалъ, что она меня надуетъ!»

По тѣлу Горданова опять пробѣжалъ холодъ, и что-то острое, въ родѣ комариного жала, болѣзненно шевельнулось въ незначительной ранкѣ на кисти лѣвой руки.

Онъ не могъ разобрать, боленъ ли онъ отъ разстройства, или же разстроены отъ болѣзни, да притомъ уже и некогда было соображать: у залпчатанныхъ дверей залы собирались люди; ближе всѣхъ къ коридору, изъ котораго выходилъ Гордановъ, стояли фельдшеръ, съ уложеннымъ анатомическими инструментами большимъ подносомъ въ рукахъ, и молодой священникъ, который осторожно дотрагивался то

до того, то до другого инструмента, и, приподнимая каждый из них, вопрошала фельдшера:

— Это бистурій?

На что фельдшеръ ему отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не бистурій.

Гордановъ все это слышалъ и боялся выступить изъ коридора: для него начался страхъ опасности.

Подопли новые: самъ лѣкарь, нѣмецкаго происхожденія, поспѣвая за толстымъ чиновникомъ, съ достоинствомъ толковалъ что-то объ аптекахъ.

«Нѣтъ; говорятъ о пустякахъ, и обо мнѣ нѣтъ и помину», подумалъ Гордановъ и рѣшилъ выступить и вмѣшаться въ собиравшуюся у дверей залы толпу одновременно съ Сидомъ Тимофеевичемъ, который появился съ другой стороны и суетился съ какимъ-то конвертомъ.

— Что ты это несешь?—спросили Сиды.

— А документы-съ, господа, расписки на него представляю. Какъ же: не разъ за него въ полку свои хоть малыя деньги платилъ... Теперь ему это въ головы положу.

— Чудакъ,—разъясняли другіе: —лѣтъ пятьдесятъ бережетъ чью-то расписку, что за покойника гдѣ-то рубль долгу заплатилъ. Можетъ триста разъ ему этотъ рубль возвращень, но онъ все свое: «что мнѣ дано, то я, говорить, за принадлежащее мнѣ приѣмлю какъ рабъ, а долгу принять не могу». Такъ всю жизнь надъ нимъ и смѣялись.

— Ага! вы смѣялись... на то вы наемники, чтобы смѣяться; я не смѣюсь, я рабъ, и его вѣрно пережилъ и я ему эти его расписки въ гробъ положу!

И Сидъ жестоко раскуражился своими привилегіями рабства; но его уже никто не слушалъ, потому что въ это время двери залы были открыты и оттуда тянуло неприятнымъ холодомъ, и казалось, что есть уже тяжелый трупный запахъ.

Гордановъ тщательно наблюдалъ, какъ на него смотрять; но на него никто не смотрѣлъ, потому что все глаза были устремлены на входящихъ подъ карауломъ въ залу мужиковъ и Висленева, которые требовались сюда для произведенія на нихъ впечатлѣній.

Это дало Горданову секунду оправиться, и онъ съелъ пужнымъ наюмнить всеѣмъ, что Висленевъ сумасшедшій, и

хотя официально таковымъ не признаетъ, но тѣмъ не менѣе это извѣстно всѣмъ.

Жандармскій штабъ-офицеръ подтвердилъ, что это такъ.

— Да такъ ли-съ?—вопросалъ Синтянинъ.

— Да ужь будьте увѣрены, мы эти вещи лучше знаемъ,— отвѣчалъ молодой штабъ-офицеръ.

Съ этимъ двери снова заперлись, и фельднеръ, держа въ рукѣ скальпель, ждалъ приказанія приступить ко вскрытію.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

### Одинакія книги въ разныхъ переплетяхъ.

Осмотръ тѣла убитаго Бодростина давалъ поводъ къ весьма страннымъ заключеніямъ: на трупѣ не было никакихъ синяковъ и другихъ знаковъ насилія, но голова вся была расколота. Стало-быть, само собою слѣдовалъ выводъ, что причиной смерти былъ тяжелый ударъ по головѣ; но, кромѣ него, на лѣвомъ боку трупа была узкая и глубокая трехгранная рана, проникшая прямо въ сердце. Эта рана была столь же безусловно смертельною, какъ и оглушительный тяжелый ударъ, раздробившій черепъ, и одного изъ этихъ пораненій было достаточно, чтобы покончить съ человѣкомъ, а другое уже представлялось напраснымъ излишествомъ. Надлежало дать заключеніе: который изъ этихъ ударовъ былъ первымъ по порядку и который, будучи вторымъ, уже нанесенъ былъ не человѣку, но трупу? Если же они оба послѣдовали одновременно, то чѣмъ, какимъ страшнымъ орудіемъ была нанесена эта глубокая и мѣткая трехгранная рана? Кто-то напомнилъ о свайкѣ, съ которою утромъ вчерашняго дня видѣли дурачка,—но свайка имѣла стержень круглый; думали, что рана нанесена большимъ гвоздемъ, — но большой гвоздь имѣетъ четырехсторонній стержень и онъ нанесъ бы рану разорванную и неправильную, межъ тѣмъ какъ эта ранка была точно выкроена правильнымъ трехугольничкомъ.

Когда эту рану осматрѣли и изслѣдовали медики, чиновники и понятые, ее показали скованнымъ мужикамъ и Висленеву. Первые посмотрѣли на нее съ равнодушіемъ, а послѣдній прошепталъ:

— Я... я этимъ не билъ.

— Чѣмъ же вы его били, вапъ ударъ, можетъ-быть, этотъ—по головѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ, отстраняясь отъ трупа, Висленевъ. — Я, господа, все расскажу: я участвовалъ въ преступленіи, но я человѣкъ честный, и вы это увидите... Я ничего не скрою, я не отступаюся, что я хотѣлъ его убить, но по побужденіямъ особаго свойства, потому что я хотѣлъ жениться на его женѣ... на Глафирѣ Васильевнѣ... Она мнѣ нравилась... къ тому же, я имѣлъ еще и инныя побужденія: я... и хотѣлъ дать направленіе его состоянію, чтобъ употребить его на благія цѣли... потому что, я не скрываюся, я недоволенъ настоящими порядками... Я говорю объ этомъ во всеуслышаніе и не боюсь этого. Теперь многіе стали хитрить, но по-моему это надо честно исповѣдывать... Насъ много... такихъ какъ я... и мы всѣ убѣждены въ неправдѣ существующаго порядка и не позволимъ... Если законъ будетъ стоять за право наслѣдства, то ничего не остается какъ убивать, и мы будемъ убивать. То-есть не наслѣдниковъ, а тѣхъ, которые оставляютъ, потому что ихъ меньше и ихъ легче искоренить.

Въ средѣ людей, обружавшихъ трупу и слушавшихъ этотъ висленевскій бредъ, пронесся шопотъ, что «онъ сумасшедшій»; но кто-то замѣтилъ, что это не мѣшаетъ выслушать его рассказъ, и какъ рассказъ этотъ всѣмъ казался очень любопытнымъ, то Жозефа вывели въ смежную комнату, и, пока медикъ, оставаясь въ залѣ, зашивалъ трупу Бодростина, чиновники слушали Жозефовы признанія о томъ, какъ было дѣло.

Висленевъ въ одно и то же время и усердно раскрывалъ исторію, и немилосердно ее путалъ. Просидѣвъ въ уединеніи эту тяжелую ночь, онъ надумался облагородить свое поведеніе, притянувъ къ нему социалистскія теоріи: онъ, какъ мы видѣли, не только не отрицалъ того, что хотѣлъ смерти Бодростина, но даже со всею откровенностью объяснялъ, что онъ очень радъ, что его убили!

— Еще бы!—говорилъ онъ:— Бодростинъ самъ по себѣ былъ человѣкъ, можетъ-быть, и не злой, я этого не отрицаю; онъ даже дѣлалъ и мнѣ, и другимъ кое-какія одолженія, но мы на это не смотримъ, тутъ нельзя руководиться личными чувствами. Онъ былъ заѣденъ средой: то дворянинъ, то этакій поганый реалистикъ съ презрѣніемъ къ народнымъ стремленіямъ. Я не могъ переносить этого его отвратительнаго отношенія къ народнымъ интересамъ...

До того дошелъ, что мужикамъ живого огня не позволялъ добыть и... и... и издѣвался надъ ихъ просьбами! Это самый этакій гадостный, мелкій реалистикъ... а я, конечно, стоялъ на сторонѣ народа... Я пожертвовалъ всѣмъ... я человѣкъ искренній... я даже пожертвовалъ моею сестрой, когда это было нужно... Чего же мнѣ было на немъ останавливаться? и потому, когда народъ былъ имъ недоволенъ, я сказалъ мужикамъ: «ну, убейте его», они его и убили, какъ они скоро перебьютъ и всѣхъ, кто старается отстаивать современные порядки.

Возвѣвъ на своего политическаго коня, Висленевъ не могъ его ни сдержать, ни направить, куда ему хотѣлось: исторіи самаго убійства онъ не разъяснялъ, а говорилъ только, что Бодростина *надо было убить*, но что онъ самъ его не билъ, а только вырвалъ у него сигару съ огнемъ, за что его и убили «народъ», къ интересамъ котораго покойникъ не имѣлъ-де должнаго уваженія. Крикъ же свой въ комнатахъ, что «это я сдѣлалъ», онъ относилъ къ тому, что онъ обличилъ Бодростина и подвелъ его подъ народный гнѣвъ, въ чемъ-де и можетъ удостовѣрить Гордановъ, съ которымъ они ѣхали вмѣстѣ и при которомъ онъ предупредилъ Бодростина, что не хорошо курить сигару, когда мужики требовали, чтобъ огня нигдѣ не было, но Бодростинъ этимъ легкомысленно пренебрегъ. А что касается его выстрѣла въ Горданова, то онъ стрѣлялъ потому, что Гордановъ, извѣстный мерзавецъ и въ жизни, и въ теоріи, дѣлалъ ему разныя страшныя подлости: клеветалъ на него, соблазнилъ его сестру, выставлялъ его не разъ дуракомъ и глупцомъ и наконецъ даже давалъ ему подлый совѣтъ идти къ скопцамъ, а самъ хотѣлъ жениться на Бодростиной, съ которой онъ, вѣроятно, все время состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ она давно дала Висленеву обѣщаніе, что, овдовѣвъ, пойдетъ замужъ не за Горданова, а за него, и онъ этимъ дорожилъ, потому что хотѣлъ ее освободить отъ среды и имѣлъ въ виду, получивъ вмѣстѣ съ нею состояніе, построить школы и завести хорошія библіотеки и вообще завести много добраго, чего не дѣлалъ Бодростинъ.

На указанное же Висленеву препятствіе для его жепитьбѣ въ томъ, что у него въ Петербургѣ есть живая жена, онъ отвѣчалъ, что «это ничего не значитъ: у насъ нельзя

развестись, а на двухъ жениться можно-сь; я знаю, этому даже примѣры есть».

Такимъ образомъ общаго вывода изъ его показаній нельзя было сдѣлать никакого, кромѣ того, что онъ дѣйствительно помѣшанъ, и все, что онъ говоритъ, въ самомъ дѣлѣ «ничего не значить».

Его отвели и опять посадили въ контору, а показаніе его, получивъ огласку, сдѣлалось предметомъ шутокъ и предположеній, все болѣе и болѣе удалявшихся отъ истины. Показанія же мужиковъ открывали иное: крестьяне стояли на томъ, что они ничего знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ, какъ все это сталося. Добывали-де огонь; кто-то загалдѣлъ; всѣ кинулись въ одно мѣсто; можетъ кого невзначай и толкнули, а на барина хотя и были сердиты, но его не убивали, и слово «пестраго барина», то-есть Висленева, объ убійствѣ брали не иначе какъ въ шутку, такъ какъ онъ-де блаженненькій и всегда невѣдомо что говорилъ. А на тѣло же они напали случайно: начали опахивать на бабахъ; заднія бабы нахлестали хорошенько переднихъ кнутьями, а тѣ разогнались да ткнулись на что-то и попадали, а потомъ глядятъ, а подъ сохой тѣло! Стали разсматривать и ужаснулись: видятъ баринтъ! А убивать его они не убивали, и полагають, что если у него голова изломана, то это не иначе какъ его невзначай уже мертвого сохой долбанули. Указаніе было весьма важное, а послѣдствія его—еще важнѣе: острые сошники указанной сохи оказались покрытыми кровью съ прилипшими по мѣстамъ бѣлыми волосами, признанными за волосы покойнаго Бодростина.

Дѣло выяснилось въ томъ отношеніи, что причина смерти была трехгранная рана, и слѣдовательно теперь предлежала трудная задача отыскать виновника этого удара. Межъ тѣмъ въ домѣ волненіе стало уже успокоиваться и водворялся порядокъ: вскрытыя и описанныя тѣла Бодростина и Ларисы были одѣты и покрыты церковными покровами; къ вечеру для нихъ изъ города ожидались гробы; комната, въ которой лежалъ трупъ самоубійцы, была заперта, а въ открытой залѣ надъ тѣломъ убитаго уже отслужили панихиду, и старый заштатный дяконъ, въ старомъ же и также заштатномъ стихарѣ, читалъ псалтирь. Такъ какъ мертвецъ начиналъ портиться, то погребеніе было назначено на другой же день послѣ вскрытія.

Между всѣми паличными людьми были распределены разные обязанности по приготовленію похоронъ: кто хлопоталъ въ городѣ, кто распоряжался дома. Гордановъ оставался ни при чемъ. Къ величайшему своему неудовольствію, онъ чувствовалъ себя нездоровымъ: у него была лихорадка, выражавшаяся безпрестанною дрожью, и какое-то необъяснимое, но крайне непріятное безпокойство вокругъ ничтожнаго укола на ладони. На послѣднее обстоятельство онъ не обращалъ вниманія, но то жаръ, то знобъ лихорадки досаждали ему и мѣшали соображать. Что это за дивные распоряжки ведетъ Ропшинъ: онъ самъ уѣхалъ въ городъ, а старика Синтянина и его пріятеля, этого господина Ворошилова, упросилъ тутъ распоряжаться дома, и они за это взялись; генералъ ходитъ козыремъ и указываетъ, что гдѣ поставить, что какъ приготовить для предстоящихъ похоронъ покойнаго; межъ тѣмъ какъ жена его и падчерица одѣваютъ и убираютъ Ларису, для которой Ропшинъ обѣщаль исходатайствовать у мѣстнаго архіерея право на погребеніе. Одного Ворошилова какъ-то не видно, но онъ за то чувствуется; онъ сдѣлался душой смятенныхъ властей, которыя не знаютъ, за какую нить имъ взяться, чтобы разъяснить трехгранную рану?

И когда Гордановъ въ большомъ затрудненіи расхаживалъ по своей комнатѣ, его еще болѣе изумило то странное обстоятельство, что предъ самыми сумерками господинъ Ворошиловъ, незванный, непрошенный, явился его навѣстить.

У Павла Николаевича даже уши запылали, а Ворошиловъ, съ своей кошачьею мягкостью, начинаетъ его внимательнѣйше спрашивать о его здоровьѣ.

— Больны?— началъ онъ.— Чѣмъ? что съ вами такое сдѣлалось? Вѣрно простудились?

— Очень можетъ быть.

— Это ничего нѣтъ легче, особенно въ эту пору, а тутъ еще и покоя нѣтъ.

— Какой покой!

— Да; а тутъ еще этотъ сумасшедшій... какъ его: Висленевъ, что ли?

— Да, Висленевъ.

— Помилуйте, скажите, какого вздора онъ на васъ наговорилъ: будто вы все знали.



— Это меня нимало не беспокоитъ, а вотъ досадно, что я нездоровъ.

— Ну, однакоже... все одно къ одному...

Ворошиловъ замолчалъ и началъ въ растяжку нюхать табакъ изъ своей золотой табакерки.

Горданову не терпѣлось, и онъ съ нарочитымъ спокойствіемъ проговорилъ:

— Что же одно къ одному? Что вы этимъ хотите сказать? Развѣ меня въ чемъ-нибудь подозрѣваютъ?

— Нѣтъ, не подозрѣваютъ,—отвѣчалъ, ошелкивая пальцы, Ворошиловъ:—а недоумѣваютъ, съ чего и съ кого начать, да и гдѣ начало-то—не видятъ.

— А ваше какое же мнѣніе: гдѣ начало?

— Да, по моему мнѣнію, оно должно крыться еще въ московской кончинѣ племянника Бодростина: это событіе престранное. Я о немъ разбѣсѣдовался съ Висленевымъ... Разумѣется, мое дѣло сторона, а такъ отъ нечего дѣлать разболтался: онъ говоритъ: «я знаю: его Гордановъ у цыганъ отравилъ».

— Экой болванъ!

— И я говорю. Я не имѣю чести васъ много знать, но...

— А что же дальѣе-съ?

— Ну, потомъ смерть этого княжескаго управителя, какъ его?.. Ну, какъ били его звали-то?

— Свѣтозаръ Водопьяновъ,—былъ точно такой же идиотъ, какъ и Висленевъ.

— Вотъ именно! Вы прекрасно сказали, Свѣтозаръ Водопьяновъ. Но это эпизодъ самый простѣйшій: его убили по ошибкѣ...

— Вы такъ думаете?

— Ну, конечно; а теперь Бодростинъ легъ,—ужь это поправка.

- Но кому же была нужна эта поправка?

- А вотъ въ этомъ и весь вопросъ. Крайне сомнительно, чтобъ это были мужики...

— Но вы развѣ не полагаете, что въ народѣ противъ Бодростина было дѣйствительно враждебное возбужденіе?

— О, нѣтъ! Я совершенно вашего мнѣнія: въ народѣ возбужденіе было, но кому оно было нужно?

— Кому? вотъ прекрасный вопросъ! Соціализмъ въ воздухѣ носится: имъ каждый дуракъ бредитъ.

— Пожалуй, что вы и правы; но кто же здѣсь изъ социалистовъ?

— А Висленевъ.

— Но вѣдь онъ сумасшедшій.

— Такъ что-жъ такое?

— Ну, ужъ гдѣ сумасшедшему вести такое дѣло? Нѣтъ, должно быть совсѣмъ иное лицо, которое всѣмъ руководило и которому нужна была эта послѣдняя поправка, и на это есть указаніе, кому она была нужна.

— Ну, если есть указаніе, тогда это другое дѣло; но что же это за указаніе?

— Да, совсѣмъ ясное указаніе, при которомъ не нужно уже много ума, чтобы добраться до истины. Чиновникамъ бы я этого не сказалъ, но вамъ, такъ какъ мы ведемъ простой разговоръ, я скажу.

— Сдѣлайте милость: это очень любопытно.

— Довольно простой маленькій фокусъ, и я его вамъ фокусомъ и объясню: позвольте мнѣ ваши руки?

Гордановъ нехотя подаль Ворошилову свою правую руку.

— Нѣтъ, вы обѣ позвольте.

— На что же это?

— А что? развѣ у васъ болитъ еще рука?

— Вы отгадали: у меня болитъ рука.

— То-то вы ее носили на подвязкѣ, ну, да ничего: видите вы эту вещь?—спросилъ онъ, показывая Гордалову хорошо знакомый ему складной ножикъ, найденный на столѣ возлѣ бодростинскаго трупа.

Гордановъ нервно отдернулъ руку.

— Чтò, вы думали, что я васъ уколоу?

— Какая глупость!

— Ну, разумѣется, — отвѣчалъ, не обижаясь, Ворошиловъ: — я вамъ только хотѣлъ показать, какъ иногда ничтожною внезапностью можно смутить самаго праваго человѣка.

— А развѣ вашъ фокусъ-покусъ долженъ служить къ тому, чтобы смущать правыхъ?

— Нѣтъ, Боже сохрани! А вы знаете ли, откуда могъ взяться этотъ ножъ возлѣ трупа? Нѣтъ; я вижу по вашимъ глазамъ, что вы этого не знаете. Этотъ ножъ былъ нуженъ тому, кому нужно измѣнить форму трехгранной ранки на

трупъ. Однако, я злоупотребляю... вы вѣрно слабы... вы блѣднѣете.

Гордановъ вскочилъ и гордо вскрикнулъ:

— Милостивый государь! Что вы меня штудируете, что ли, или испытывали на мнѣ свою тонкость?

Но Ворошиловъ ему не отвѣтилъ ни слова, а, отвернувшись къ окну, проговорилъ:

— Ага! вотъ я вижу уже и гробы привезли,—и съ этимъ отправился къ двери и, остановившись на минуту на порогѣ, добавилъ:

— Ахъ, знаете-съ, я было совсѣмъ и позабылъ вамъ рассказать пресмѣшной случай.

— Извините, пожалуйста, а я не могу болѣе слышать никакихъ случаевъ, я боленъ.

Гордановъ позвалъ слугу, но Ворошиловъ все-таки не вышелъ, а продолжалъ:

— Нѣтъ, вѣдь это, о чемъ я вспомнилъ, прямо васъ касается.

Гордановъ началъ совсѣмъ терять терпѣніе и съ нервическимъ подергиваніемъ лица спросилъ:

— Что, что такое «меня касается»?

— Да ихъ неумѣлость.

— Чортъ знаетъ, что такое! О чемъ, о чемъ вы говорите?

— Я говорю о нынѣшнихъ чиновникахъ, которые...

— Которые?—передразнилъ Гордановъ:— да вы представьте себѣ, пожалуйста, что я не признаю никакихъ чиновниковъ на свѣтѣ.

— Ну, извините меня, а ихъ нельзя отрицать, потому что они суть, ибо они могутъ отрицать ваше право свободы.

— Право свободы... Усердно васъ прошу, скажите ясно, что вы столь любезно принесли мнѣ сообщить?

— Ахъ, вы также, пожалуйста, не безпокойтесь, я уже пока все уладилъ.

— То-есть какъ... что такое вы уладили?

— Ничего, ничего, вы не безпокойтесь, они со мною захотѣли посовѣтоваться и они васъ не тронуть, изъ вашей комнаты... и о Глафирѣ Васильевнѣ я настоялъ на томъ же. До свиданья!

Когда Ворошиловъ отворилъ дверь и вышелъ, прово-

жавшій его глазами Гордановъ совсѣмъ потерялся и остановилъ изумленные глаза на входившемъ слугѣ. Дѣло было въ томъ, что Гордановъ увидалъ насупротивъ своей двери часового казака.

— Извольте видѣть? — спросилъ его, затворяя двери, взошедшій лакей.

— Скорѣй мнѣ арники на тряпочку и одѣться.

Человѣкъ подалъ то и другое. Гордановъ одѣлся, но вмѣсто того, чтобы выйти, вдругъ раздумалъ и перемѣнилъ планъ, сѣлъ къ столу и написалъ: «Не знаю, кто намъ измѣнилъ, но мы выданы и я арестованъ. Расчеты на бунтъ положительно не удались. Остается держаться однихъ подозрѣній на Вислецева. Мою записку прошу возвратить».

Запечатавъ эту записку, Гордановъ велѣлъ лакею отнести пакетъ Глафирѣ Васильевнѣ и дожидаться отвѣта, и человѣкъ, выйдя съ этимъ его посланіемъ съ лѣстницы, повернулъ въ маленькую, такъ называемую «разрядную» залу, гдѣ прежде Михаилъ Андреевичъ занимался хозяйственными распоряженіями съ управляющимъ и бурмистромъ, а теперь помѣщались Синтянинъ и Ворошиловъ, предъ которыми лакей и положилъ съ улыбкой конвертъ.

— Прытокъ же онъ! — проговорилъ Ворошиловъ, принимая одною рукой со стола этотъ конвертъ, а другою — подавая лакею двадцатипятирублевый билетъ.

Черезъ минуту письмо Горданова было скопировано, вложено въ новый конвертъ и тотъ же лакей понесъ его къ Глафирѣ. Передавая посылку горничной, лакей шепнулъ ей, что письмо это онъ представлялъ на просмотръ и похвалился ассигнаціей. Дѣвушка передала это Глафирѣ и, получивъ сама сто рублей, вынесла лакею запечатанный отвѣтъ и распечатанные пятьдесятъ рублей.

Меркурій полетѣлъ опять черезъ ту же таможду и изумилъ Ворошилова и Синтянина не только быстротой отвѣта, но и его содержаніемъ. Глафира писала на томъ же самомъ листкѣ, на которомъ были строки Горданова: «Что это за гнусная выходка. Свободны вы или арестованы, правы или виноваты, какое мнѣ до этого дѣло? Если вы думаете, что со смертью моего мужа наглость ваша можетъ дѣйствовать свободнѣе, то вы ошибаетесь: я сама сумѣю себя защитить, и есть другіе люди, настолько мнѣ

преданные, что сумѣютъ обуздать ваши проски. Въмѣсто отвѣта совѣтую вамъ, при первой возможности, оставить навсегда мой домъ, и знайте, что я не имѣю желанія числить васъ въ счету людей, съ которыми хотѣла бы встрѣчаться».

— Подите-ка сюда, любезный другъ!—поманилъ Ворошиловъ лакея, и, когда тотъ приблизился, онъ прямо спросилъ его, сколько ему за это дали.

Человѣкъ отвѣчалъ откровенно.

— Прекрасно,—сказалъ Ворошиловъ:—войдите же теперь сюда, въ эту комнату; вы отдадите отвѣтъ господину Горданову послѣ, а теперь пока посидите здѣсь.

И съ этимъ Ворошиловъ заперъ на ключъ отслужившаго ему свою службу шпіона.

Что это могло значить? Павелъ Николаевичъ вызвалъ звонкомъ другихъ слугъ, но ни отъ одного изъ нихъ не могъ добиться отвѣта о своемъ пропащемъ безъ вѣсти лакеѣ.

Человѣкъ безъ вѣсти пропалъ въ домѣ! Гордановъ рѣшительно не зналъ, что ему думать, и считалъ себя выданнымъ всѣми... Онъ потребовалъ къ себѣ слѣдователя, но тотъ не явился; хотѣлъ позвать къ себѣ врача, такъ какъ врачъ не можетъ отказаться посѣтить больного, а Гордановъ былъ въ самомъ дѣлѣ нездоровъ. Но онъ вспомнилъ о своемъ нездоровьѣ только развязавъ свою руку и ужаснулся: вокругъ маленькаго укола, на ладони, зияла темненькая каемочка, точно бережокъ изъ окисдиваннаго серебра.

— Этого только не доставало!—прошепталъ, холодѣя, Гордановъ, и, хватая себя за голову, онъ упалъ, совсѣмъ одѣтый, въ постель и уткнувъ голову въ подушки, зарывавъ впервые съ тѣхъ поръ, какъ сталъ себя помнить.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

### Сидъ пережилъ.

Затѣ, гдѣ лежалъ мертвецъ, былъ накурень ладаномъ и въ немъ царилъ тяжелая, полная таинственности полутьма. Красноватый огонь восковыхъ свѣчъ освѣщала только лишь Перукотвореннаго Спаса, да мертвое тѣло, имѣвшее какое-то неспокойное положеніе. Это происходило, вѣроятно, оттого, что одно колено мертвеца окостенѣло въ согнутомъ поло-

женін и руки его застыли въ самомъ широкомъ размахѣ. Колѣна невозможно было выправить, руки же хотя кое-какъ и стянули, однако, связанные въ кистяхъ, онѣ оттого еще болѣе тонорцились въ локтевыхъ суставахъ и дѣлали врозь. Отъ этого трупъ имѣлъ тотъ безпокойный видъ, какъ будто онъ ежеминутно готовится вскочить и схватить кого-то.

Длинный черный гробъ, сдѣланный непомятой глубины и ширины, въ виду сказанной нескладности трупа, стоялъ на полу. Въ ногахъ его горѣла свѣча. Остальная комната была темна, и темнота эта ощущалась по мѣрѣ удаленія отъ гроба, такъ что у дверей изъ гостиной, чрезъ которыя ожидали вдову, было совсѣмъ черно.

Павихида была отиѣта; священникъ стоялъ въ траурной ризѣ и не зналъ, что ему дѣлать; дяконъ подувалъ въ кадило и, размахивая имъ, немилосердно пускалъ и безъ того наюлюющій залу ладанный дымъ. Чиновники покакивали, почетные дворовые люди, явившіеся на положеніе во гробъ, шептались: вдова не являлась.

Съ нею происходило нѣчто странное: она боялась видѣть мертвого мужа, боялась не суевѣрнымъ страхомъ, какимъ мертвецъ отпугиваетъ отъ себя простодушного человека, а страхомъ почти сознательной и неотразимой естественной опасности. Корень этого страха крылся, однако, въ чемъ-то близкомъ къ суевѣрію. Глафира-нигилистка и Глафира-спиритка не вѣрила ни въ Бога, ни въ духовное начало человека; но игра въ спиритизмъ, заставлявшая для вида разсуждать о независимой природѣ духа, развила въ ней нѣчто такое, что она могла принимать какъ казнь за свое шарлатанство. Къ ней противъ ея воли пристало нѣчто такое, отъ чего она никакъ не могла отвязаться. Это ее сначала смѣшило и занимало, потомъ стало досадовать и пугать, наконецъ даже минутами пугать. На ней оправдывались слова Альберта Великаго, что на свѣтѣ нѣтъ человека, совсѣмъ недоступнаго страху сверхъестественнаго.

Она вѣрила, что злодѣйство, къ которому она стремилась, не пройдетъ ей безнаказанно, но какому-то такому же неотразимому закону, по какому, напримѣръ, она неудержимо довершила это злодѣйство, утративъ охоту къ его довершенію.

Съ той самой поры, когда простучали колеса экипажа, на которомъ ей мужъ отвѣзжалъ въ ясъ съ Жозефомъ и

съ Гордаповымъ, Глафира Васильевна еще ни на минуту не отдохнула отъ овладѣвшаго ею тревожнаго чувства. Ей по минутно казалось, что ее кто-то куда-то зоветъ, кто-то о чемъ-то спрашиваетъ, кто-то переменяется на ея счетъ, и то вблизи тихо смѣется, то гдѣ-то далеко заливается громкимъ злобѣщимъ хохотомъ. Глафира, разумеется, не допускала тутъ ничего сверхъестественнаго и *знала*, что это нервы шалить, но тѣмъ не менѣе ей надоѣдало, что чуть только она хоть на минуту остается одна, какъ сейчасъ же начинаетъ чувствовать у себя за спиной какое-то беззвучное шмыганье, какое-то сильное и плавное движеніе какихъ-то тѣней. Она слышала различныя измѣненія въ этихъ движеніяхъ: тѣни то медленно *плыли*, то вдругъ неслись быстро, быстро летѣли одна за другою и исчезали, какъ будто таяли въ темныхъ углахъ или уходили сквозь стѣны.

Она искала облегченія въ сообществѣ Синтииной и Вѣры, остававшихся здѣсь ради похоронъ Ларисы, такъ какъ, по ходатайству услужливаго Рошнина, самоубійцу разрѣшено было похоронить по христіанскому обряду. Глафира не обращала вниманія, что обѣ эти женщины не могли питать къ ней ни уваженія, ни дружбы: она съ ними не разставалась; но въ то время, когда ей надлежало сойти въ залъ, гдѣ ее ждали къ панихидѣ, обѣ Сингины занимались тѣломъ Лары, и потому Глафира Васильевна потребовала, чтобъ ее проводилъ Рошнинъ.

Предшествуемые лакеемъ со свѣчой въ рукахъ, они сошли внизъ и, пройдя рядъ темныхъ комнатъ, приблизились къ двери, которая соединяла залъ съ гостиной. Лакей взялся за дверную ручку и повернулъ ее, но дверь не поддавалась. Онъ употребилъ усиліе, но тщетно; ему взялся помогать Рошнинъ, но дверь все-таки оставалась неподвижною. Шевелящаяся ручка обратила на себя вниманіе людей, собравшихся въ залъ, и нѣкоторые изъ нихъ поспѣшили на помощь, и взялись за это съ усердіемъ, въ пылу котораго ни по ту, ни по другую сторону никому въ голову не приходило справиться, воистнѣ ли отперть дверной замокъ: двери тянули, дергали и наконецъ съ одной стороны успѣли отломить ручку, а съ другой — сопровождавшій Глафиру лакей успѣлъ уронить на полъ и погасить свою свѣчу. Тогда Рошнинъ отодвинулъ снизу и сверху

шпингалеты и, собравъ силы, налегъ ровно на оба края отвора: двери съ шумомъ распахнулись, и твердый нарчевый покровъ тихо поѣхалъ съ согнутыхъ колѣнъ мертвеца на землю, открывая предъ глазами Глафиры ракурсъ труна.

Это пустое обстоятельство такъ неприятно повліяло на разстроенные нервы вдовы, что она насилу удержалась на ногахъ, схватясь за руку Ропшица, и закрыла ладонью глаза, но чуть лишь отняла ладонь, какъ была еще болѣе поражена: предъ нею несли со стола ко гробу тѣло мужа, и на немъ былъ куцый кирасирскій мундиръ съ распоротю и широко разошедшеюся спинкой... Мало этого, точно изъ воздуха появилось и третье явленіе: впереди толпы людей стоялъ краснолицый монахъ...

— Что же это такое, откуда здѣсь этотъ монахъ? — истеричливо спросила шопотомъ Глафира.

— Я не знаю, — отвѣчалъ Ропшицъ.

— Узнайте.

И, оставшись одна, она старалась успокоиться и заставляла себя равнодушно смотрѣть, какъ мужа уложили въ гробъ и поставили на катафалкъ.

Ропшицъ принесъ ей извѣстіе, что монахъ этотъ захожіи сборщикъ на бѣдный монастырь и живетъ на селѣ третій день.

Глафира послала ему десять рублей и внимательно въ него всматривалась, когда онъ подошелъ ее благодарить; монахъ былъ человекъ какъ человекъ, съ добрымъ, краснымъ лицомъ, веселыми голубыми глазами и запахомъ вина и елсы. Это несомнѣнно былъ тотъ самый монахъ, котораго она испугалась въ часъ убійства.

— Это вы приходили ко мнѣ вчера?

Монахъ, извиняясь, отвѣчалъ, что это точно былъ онъ, и что онъ зашелъ въ комнаты по ошибкѣ, потому что не зналъ дороги въ контору.

Глафира еще дала ему ассигнацію и потомъ, придя къ себѣ, спросила Ропшица о мундирѣ:

— Зачѣмъ на него не надѣли его новый дворянскій мундиръ?

— Зачѣмъ же новый закапывать въ землю, когда этотъ былъ испорченъ и нигуда болѣе не годился? — отвѣчалъ Ропшицъ.

— Испорченъ? Неправда, я его осматривала, и онъ былъ цѣлъ.



— Да; одинъ есть и цѣлый, а этотъ распоротъ?

— Какимъ же образомъ, кто его могъ распоротъ.

Ропшишь махнулъ рукой и сказали, что до этого не доберешься, а по подозрѣнiямъ выходитъ, что толстый кофидитеръ Иванъ Савельевъ, желая дразнить Сидя Тимофеевича, бралъ этотъ мундиръ у гардеробщика, и чтобы вѣзть въ него, распоротъ его спинку.

— И вы потому его и надѣли на покойника?

— А разумѣется; зачѣмъ терять хорошее платье?

— Да; вы совсѣмъ пѣмецъ, — произнесла Глафира, удаляясь.

Ночь она провела лучше прежнихъ, но на разсвѣтѣ пробудилась отъ страннаго сна: она чувствовала опять какія-то беззвучныя движенiя и видѣла какія-то бѣловатыя легкія птицы, которыя все усложнялись, вѣялись, собирались въ какія-то группы и очертанiя, и затѣмъ предъ ней вдругъ опять явился монахъ, окруженный какимъ-то неописаннымъ, темновато-матовымъ сіяніемъ; онъ стоялъ, склонивъ голову, а вокругъ него копошились и на самыхъ плечахъ у него вили гнѣзда большія бѣлыя птицы. И онъ былъ такъ тихъ и такъ грустно смотрѣлъ ей въ глаза и шепталъ:

«Ну, вотъ я сдержалъ мое слово; ну, вотъ я явился».

«А, я знаю кто ты: ты Свѣтозаръ Водопьяновъ», — подумала въ отвѣтъ ему Глафира и съ этимъ проснулась.

Непродолжительный, но крѣпкій сонъ и это тихое сновидѣніе ее успокоили: она не захотѣла долѣе оставаться въ постели и сошла внизъ навѣстить гробъ.

Утро еще чуть намѣчивалось на небѣ, въ комнатахъ было темно, но люди уже встали и шла уборка. Въ залѣ при покойникѣ былъ одинъ дьячокъ; онъ зѣвалъ предразсвѣтной зѣвотой и едва бормоталъ. Глафира Васильевна постояла, поклонилась гробу и ушла бодрая, крѣпкая и успокоенная. Нервы ея окрѣпли и страхи смело какъ рукой. Черезъ два часа былъ выносъ въ церковь. Утро ободняло и перешло въ красный и морозный день; готовился выносъ; собрался народъ—все собралось въ порядкѣ; вдова снова сошла въ залъ. Священники облачились; у чтецаго авалоя стоялъ Сидя и молился, читая безъ книги: «Расторгнемъ узы ихъ и отвержемъ отъ насъ иго ихъ. Живыи на небеси посмѣется имъ и Господь поругается имъ». Сидя былъ тихъ самъ и точно утѣшалъ покойнаго въ послѣднія минуты его пребы-

ванія въ домѣ. Гробъ подняли и понесли; шествіе тронулось и въ немъ оказался участвующимъ и Гордановъ. Онъ шель издали и не искалъ случая подойти къ Глафирѣ.

Вотъ и храмъ: небольшая сельская церковь переполнилась людьми и воздухъ въ ней, несмотря на довольно высокій куполь, сталъ нестерпимо густъ; солнце било во все окна и играло на хрусталихъ горящаго паникадила; становилось не только тепло, но даже жарко и душно; головы начинали болѣть отъ смѣшаннаго запаха трупа, ладана, лапти, суконной онучи и квашеной овчины. Чѣмъ долѣе, тѣмъ это становилось неспоенѣе, и когда при отиѣваніи все наполнявшіе церковь взяли въ руки зажженные свѣчи, Глафирѣ стало казаться, что въ насыщающемся дымомъ воздухѣ какъ будто опять что-то носилось и вѣяло. Привычныя головы и спокойная совѣсть еще кое-какъ переносили эту удущающую атмосферу, но Глафира совѣсьмъ была готова упасть. Она не разъ хотѣла выйти, но боялась выдать себя этимъ кому-то и въ чемъ-то, а чрезъ нѣсколько времени она была уже до такой степени вновь подавлена и разстроена, что не понимала самыхъ простыхъ явленій: сторожъ полѣзъ было по лѣсенкѣ, чтобъ открыть окно; но лѣсенка была плоха и онъ, не долѣзши, упалъ. Глафирѣ казалось, что это такъ и слѣдуетъ. Въ народѣ заговорили, что «онъ не пуцаеть»: ее интересовало, кто это «онъ». Въ отиѣваніи она только слышала возгласы: «Боже духовъ и всякія плоти». «Паки и паки» и опять слова: «Боже духовъ и всякія плоти» и опять «паки и паки», и еще и еще «Боже духовъ!» и «увы мнѣ, увы земля я и пепель; поношенье и прахъ»... Ужасно, тяжело, невыносимо до крайности: лобъ ломить, силы оставяютъ, а тутъ вдругъ куда-то всеобщая тяга; въ тѣснотѣ предъ Глафирой расчистилось мѣсто: между ею и гробомъ уже нѣтъ никого, ее шлютъ, ей шепчуть: подходите, идите проститься!

Вокругъ гроба пустое, свободное мѣсто: Глафира оглядывалась и увидала по ту сторону гроба Горданова. Онъ какъ будто хотѣлъ ей что-то сказать глазами, какъ будто звалъ ее скорѣе подходить или, напротивъ, предостерегалъ не подходить вовсе,— не разберешь. Межъ тѣмъ мертвецъ ждалъ ее, лежа съ закрытымъ лицомъ и съ отпущеніемъ въ связаннхъ платкомъ рукахъ. Надо было идти, и Глафира сдѣлала уже шагъ, какъ вдругъ ее обогналъ пьяный

Сидя; онъ подскочилъ къ покойнику со своими «расписками» и началъ торопливо совать ему въ руки, приговаривая:

— На тебѣ, нѣ; я добрый рабъ, я тебя прощаю!

Сидя потянули назадъ, но онъ не подавался и, крѣпко держась одною рукою за край гроба, держалъ и тормошилъ окостенѣвшія руки, пока всунуль дѣтскія запяски покойнаго, которыя считалъ его «расписками».

Гордановъ воспользовался этимъ моментомъ; онъ вскочилъ на ступень катафалка съ тѣмъ, чтобы выпнуть изъ рукъ мертвеца кощунственное отпущеніе Сидя и тѣмъ облегчить прощаніе Глафирѣ, которая въ эту же минуту подпалась на ступень съ другой стороны гроба. Но лишь только они выровнялись другъ противъ друга, какъ платокъ, которымъ были связаны окоченѣвшія руки покойника, будучи раздерганъ Сидомъ, совсѣмъ развязался и мертвецъ предъ глазами всѣхъ собравшихся въ церкви людей раскинулъ наотмашь руки.

— Это не я! Это онъ!—воскликнула Глафира, падая безъ чувствъ на полъ.

Ее подняли и понесли къ дверямъ. Вынеся на воздухъ, ее посадили на цоколъ и стали заботиться привести въ чувство, а между тѣмъ погребеніе было окончено и могилка зарывалась.

Гордановъ въ это время ни на минуту не отступалъ отъ Глафиры; онъ зорко за нею слѣдилъ и боялся ея перваго слова, когда она придетъ въ чувство, и имѣлъ основаніе этого бояться. Новая опасность угрожала ему въ лицѣ маленькой глухоумной дочери Синтянина, которая, стоя здѣсь же, между отцомъ и Ворошиловымъ, держала въ рукахъ хлысть Глафиры съ аквамариновой ручкой. Откуда могъ взяться въ ея рукахъ этотъ хлысть, бывшій съ Гордановымъ въ лѣсу во время убійства и тамъ же невозвратно потерянный и занесенный еягомъ?

Гордановъ терялъ самообладаніе, замѣтивъ, что глухоумная смотритъ на него какъ-то не только особенно, но даже неумѣстно пристально, и вдругъ начинаетъ къ нему приступать.

— Чего ей нужно? что такое она хочетъ сдѣлать?

Онъ невольно попятился назадъ, а глухоумная, дѣлая знаки отцу и показывая на Горданова, подавила нуговку въ ручкѣ хлыстика и, выдернувъ оттуда потайной трех-

гранный стилеть, бросама хлысть и стилеть къ ногамъ Горданова.

— Госнода, трехгранная рана открыта! — воскликнулъ Ворошиловъ, поднимая и показывая трехгранный стилеть, на которомъ кровь засохла вдоль всѣхъ граней. — Это, если я не ошибаюсь, вещь вдовы покойника.

— Итъ, итъ, это не моя вещь, — простионала, приходя въ чувство, Глафира. — Это... это... — продолжала она, отодвигаясь отъ Горданова: — я это давно отдала.

— Кому-съ?

— Ему.

Она указала на Горданова.

Ворошиловъ вынулъ изъ кармана сложенный листъ бумаги и, подавая его одному изъ главныхъ слѣдователей, проговорилъ:

— Вы здѣсь изволите увидать полномочія, по которымъ я прошу васъ сейчасъ же арестовать и отослать въ острогъ вдову Бодростину и господина Горданова.

Гордановъ и Глафира только переглянулись.

— Вы Карташовъ? — прошепталъ слѣдователь.

— Да, тотъ, о комъ здѣсь пишется.

— Ваше требованіе будетъ исполнено. Взять ихъ!

Глафира и Гордановъ были арестованы, а Ворошиловъ, или Карташовъ, обратясь къ ушлымъ мужикамъ, проговорилъ:

— Молитесь Богу, ребята, правда будетъ открыта!

— Подай Господи, —дохнула толпа, и начала благодарно креститься и окружать со всѣхъ сторонъ глухонѣмую дѣвочку, которая дрожала и искала глазами мачиху.

## ЭПИЛОГЪ.

Пронесеніе на похоронахъ получило быстрѣйшую огласку. За эффектомъ этого событія были позабыты и сخرةцкая Лариса, и заключенники Форовъ и Евангель, а цѣлая масса мелочей остались вовсе незамѣченными. Такъ, между прочимъ, прошла незамѣченною смерть старика Сидя, который, переживя своего Прода и увидавъ поношеніе Продады, упился на кухнѣ виномъ и, идучи домой, сбился съ дороги и попалъ въ конопляную кошалъ, гдѣ и захлебнулся. Незамѣтнымъ остался даже и самъ Гордановъ, который былъ арестованъ уже не домашнимъ арестомъ, а взятъ въ заключеніе. Вездѣ только ходила басня о мертвецѣ и въ ней полагалась вся суть. Эту вѣсть едва одолѣвалъ новый слухъ, что Карташовъ, или Ворошиловъ, оказавшійся контръ-фискаломъ генерала, къ которому являлась въ Петербургѣ Глафира, былъ немедленно отозванъ, и съ нимъ уѣхалъ и его землемѣръ, въ которомъ крестьяне признали слесаря Ермолаича, бывшаго въ положайникахъ у Сухого Мартына, когда добывали живой огонь.

Вслѣдъ за этою вѣстью быстро слѣдовала другая: Гордановъ былъ отчаянно боленъ въ тюрьмѣ; говорили, что у него антоновъ огонь въ рукѣ и что ему непременно будутъ ампутировать руку.

Это тоже была истинная правда: Гордановъ, дѣйствительно, былъ сильно боленъ и въ первый же день ареста требовалъ ампутаціи пораженной руки. Въ виду его крайне болѣзненного состоянія допросомъ его не обременяли, но ампутацію сдѣлали. Онъ былъ твердъ и, пробудясь отъ хлороформа послѣ операціи, спокойно взглянулъ на свою коротенькую руку. Вечеру острожный смотритель сказалъ Гор-

данову, что его непременно хочет видѣть Ропшинъ. Гордановъ подумалъ и сказалъ:

— Пусть придетъ.

Явился Ропшинъ и съ первыхъ же словъ сообщилъ, что онъ съ величайшимъ трудомъ нашелъ къ нему доступъ чрезъ подкупъ.

— Въ чемъ же дѣло? — спросилъ Гордановъ. — Сообщите скорѣе: мнѣ много нельзя говорить.

Ропшинъ сталъ совѣтовать не выдавать Глафиру Васильевну.

— Вамъ отъ этого не будетъ легче, — говорилъ онъ: — между тѣмъ какъ вы погубите Глафиру Васильевну... вамъ некому будетъ помочь ни однимъ грошемъ.

— Вы правы... что же далѣе?

— Вы знаете, что Глафирѣ Васильевнѣ теперь одно средство: чтобъ опровергнуть всѣ подозрѣнiя въ соучастii съ вами...

— Она дастъ доказательства, что находится въ соучастii съ вами, — перебилъ Гордановъ.

— Да; она выйдетъ за меня замужъ.

— Желаю вамъ съ нею счастья.

— Покорно васъ благодарю; но дѣло въ томъ, что мнѣ нужно знать, могу ли я рассчитывать на вашу скромность, если предложу вамъ за это...

— Сколько?

— Пять тысячъ.

— Мало.

— Извольте десять.

— Хорошо; а деньги съ вами?

— Нѣтъ; да вамъ и нельзя беречь. Я ихъ вамъ дамъ, когда... все будетъ кончено.

— Надуете.

— Я могу думать то же самое относительно васъ.

— Меня? Нѣтъ, я не вы и не ваша невѣста: у меня есть моя каторжная совѣсть, и вы можете сказать вашей будущей женѣ, что я ее не погублю — она повѣритъ. Но я хочу ручательства, что я не буду забыть.

— Вы будете имѣть доказательства, что о васъ помнить.

И Ропшинъ сдержалъ свое слово: черезъ день онъ снова купилъ свиданiе съ Гордановымъ и сообщилъ ему, что Воронилова немедленно отзовутъ, арестованныхъ крестьянъ

вынустить и все обвиненіе ляжетъ на одного Висленева, который, какъ сумасшедшій, невмѣняемъ.

— Это хорошо,—сказалъ Гордановъ.

И въ тотъ же день, сдѣлавъ надъ собою усиліе, бельной дакъ показаніе, которымъ отъ всего выгораживалъ себя и Глафиру, и требовалъ къ себѣ прокурора, чтобы представить доказательства, что онъ, Гордановъ, самъ былъ такая же полномочная особа, какъ и Карташовъ, или Ворошиловъ, и вмѣнать въ дѣло единственно по нитригѣ, потому что наблюдалъ за ними.

Столь неожиданное показаніе это опять все наново переплетало и путало, но Гордѣевъ узелъ внезапно разсѣкъ смертью: ночью того же дня, когда Гордановъ открылся въ качествѣ наблюдателя за наблюдателями, ему внезапно сдѣлалось хуже и къ утру другого дня онъ былъ бездыханецъ. Врачъ заключилъ, что Павелъ Николаевичъ умеръ отъ антонова огня, а въ городѣ утверждали, что онъ былъ отравленъ для того, чтобы не открылъ ничего болѣе. Истину же знали два человѣка: Ропшинъ, да осторожный смотритель, которому лояльный Генрихъ честно сообщилъ деньги, обшачанныя Горданову.

Со смертью Горданова дѣло приняло еще новый оборотъ: теперь въ всемъ выходилъ виновнымъ одинъ сумасшедшій Висленевъ, который нimalo и не оправдывался и оставался совершенно равнодушнымъ къ своей судьбѣ. Онъ, впрочемъ, повидимому, не ясно сознавалъ, что съ нимъ дѣлали, и ничѣмъ не интересовался. Являясь на допросы, онъ то несъ свой вздоръ и выставлялъ себя предтечей другихъ сильнѣйшихъ и грозныхъ поваторовъ, которые, воспитываясь на пожахъ, скоро придутъ съ ногами же водворить свою новую вселенскую правду, то вдругъ впадалъ въ какой-то ракъ покаянія и съ азартомъ раскрывалъ все тайники своей души, и съ неумѣстною откровенностію рассказывалъ истинную правду обо всемъ, что онъ перенесъ въ своей жизни отъ разныхъ коварныхъ людей и въ особенности отъ Глафиры и отъ Горданова. Онъ со слезами на глазахъ увѣрялъ, что эти люди были въ зломъ между собою заговорѣ на жизнь Бодростина и его. Висленева, обращали въ свое орудіе; но все эти послѣдующія сознанія Жозефа уже не имѣли значенія послѣ первыхъ его запоечныхъ показаній, которые, въ связи со страннымъ его

поведеніемъ, только укрѣпили за нимъ репутацію умопомѣшаннаго; и опъ, наконецъ, былъ официально подвергнутъ освидѣтельствуванію. При этомъ актѣ Жозефъ снова проговорилъ все, что зналъ, утверждая, что опъ хотѣлъ жениться на Бодростиной и что этому нимало не мѣшало то, что опъ уже женатъ, но что Глафира его предала, ибо имѣла намѣреніе выйти за Горданова, и непременно за него выйдетъ. Но когда ему сказали, что опъ ошибается и что вдовы Бодростиной болѣе уже не существуетъ, потому что она на десятый день послѣ смерти Михаила Андреевича вышла замужъ за Рошнина, а Гордановъ умеръ, то Висленевъ, нимало этимъ не смутясь, отвѣчалъ:

— Вотъ, видите, какал, однако, Гордановъ каналья: опъ умеръ, а между тѣмъ опъ меня научалъ идти къ скопцамъ денегъ просить.

За всѣ эти заслуги Жозефъ былъ официально признанъ сумасшедшимъ и, какъ опасный сумасшедшій, совершившій въ припадкѣ безумія убійство Бодростина, посаженъ въ сумасшедшій домъ, гдѣ опъ и будетъ доживать свой доблестный вѣкъ. Опъ здоровъ, и хотя имѣетъ видъ утопленника, обладаетъ, однако, хорошимъ аппетитомъ. Что касается до его умственной стороны, то хотя сумасшествіе Висленева засвидѣтельствовано самымъ неопровержимымъ образомъ формальными актами,—но всѣ люди, близко знавшіе этого героя, находятъ, что опъ теперь точно таковъ же, каковъ былъ во всю свою жизнь, изъ чего многимъ и приходится на мысль дѣлать выводъ, что главнѣйшее несчастье Жозефа заключается въ несвоевременности освидѣтельствованія его разсудка.

Такъ завершилось дѣло, на сборы къ которому потрачено столько времени и столько подходовъ, вызывавшихся взаимнымъ другъ къ другу недоверіемъ всѣхъ и каждаго. Актеры этой драмы въ концѣ ея сами увидали себя дѣтьми, которыя, изготовляя бумажныхъ солдатиковъ, все *собираютъ* произвестъ имъ генеральное сраженіе и не замѣчаютъ, какъ время уходитъ и зоветъ ихъ прочь отъ этихъ игрушекъ, безвѣстно гдѣ-то погибающихъ въ черной ямѣ.

Остается сказать, что подѣлалось съ другими дѣйствующими лицами этого разсказа.

Мѣсяцевъ пять спусти послѣ убійства и ряда смертей,



заклучившихъ исторію большихъ, по неудавшихся замысловъ Горданова и Глафиры, часовъ въ одиннадцать утра ранняго великопостнаго дня, по одной изъ большихъ улицъ Петербурга шла довольно скорыми шагами молодая женщина въ черной атласной шубѣ и черной шляпѣ. Она часто останавливалась противъ надписей объ отдающихся вънаймы квартирахъ, читала ихъ и опять, опустивъ на лицо вуаль, шла далѣе. Очевидно, она искала наемной квартиры и не находила такой, какая ей была нужна.

Сзади ея, невдалекѣ, шелъ человекъ, по походкѣ и бодрости котораго тоже надо было полагать, что онъ еще не началъ старѣться, хотя голова его была почти на половину сѣда, и вдоль каждой щеки лежали по двѣ глубокія морщины.

Когда оба эти лица поровнялись и мужчина равнодушно опередилъ даму, послѣдняя слегка вздрогнула и, сдѣлавъ нѣсколько ускоренныхъ шаговъ, произнесла цѣльнымъ взволнованнымъ голосомъ:

— Андрей Ивановичъ!

— Александра Ивановна! вы ли это? — воскликнулъ на этотъ зовъ Подозеровъ.

— Какъ видите, я сама, — отвѣчала Синтянина.

— Откуда вы?

— Теперь изъ Москвы, а въ Москву прямо изъ своего хутора.

— Зачѣмъ же васъ Богъ прпнесъ сюда?

— Зачѣмъ? мой мужъ очень боленъ, — и она при этомъ рассказала, что пули старика Синтянина, все болѣе и болѣе опускаясь, стала такъ невыносимо его безпокоить, что онъ непременно хочетъ, чтобъ ему ее вынули.

— И мы, — добавила она: — третьяго дня пріѣхали сюда.

— Только третьяго дня?

— Да; мы еще живемъ въ гостиницѣ, и я ищу квартиру.

— Квартиру ищите! Позвольте мнѣ вамъ помочь.

— Съ удовольствіемъ позволяю: я въ этомъ городѣ какъ въ лѣсу, и если вамъ ничто не мѣшаетъ мнѣ пособить, то вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе.

Подозеровъ, разумѣется, увѣрилъ ее, что у него теперь никакихъ срочныхъ занятій нѣтъ, да хотя бы и были, то онъ не могъ бы ими заниматься при такой радости, какую составляетъ для него встрѣча со старыми друзьями.

— Квартирь мы тоже не станем ходить высматривать, потому что это напрасная трата силъ и времени, а вы и безъ того, кажется, устали.

— Это правда.

— Ну, вотъ, видите ли. Мы сейчасъ зайдемъ въ такую контору, гдѣ намъ за небольшую плату доставить всѣ свѣдѣнія о свободныхъ квартирахъ въ той мѣстности, гдѣ вы хотите.

— Я хочу здѣсь, вотъ въ этомъ кварталѣ.

— Непремѣнно здѣсь?

— Да, непременно здѣсь или вблизи отсюда, потому что здѣсь живетъ хирургъ, который будетъ дѣлать операцию моему мужу.

— Развѣ это ужъ рѣшено?

— Да, рѣшено; вчера у насъ уже были три извѣстныхъ оператора.

— И что же: они находятъ операцию возможною?

Александра Ивановна покачала плечами и, вздохнувъ тихо, проговорила, что она не знаетъ, что и думать объ ихъ отвѣтахъ: одинъ говорить «нельзя», другой утверждаетъ, что «можно», а третій сомнительно тридцать головой.

— По Иванъ Демьяновичъ,—добавила она:—разумѣется, склонится на сторону того, который обѣщаетъ ему вынуть пулю,—и вотъ потому-то мы и хотимъ поселиться поближе къ тому доктору.

— И прекрасно: я тоже живу здѣсь по сосѣдству, и хоть небольшая вамъ будетъ во мнѣ помощь, а все-таки могу пригодиться.

— Еще бы: и очень даже.

Въ это время они вошли въ контору, получили нѣсколько адресовъ и черезъ полчаса наняли небольшую, но очень уютную квартиру, по средствамъ, какими располагала Синьщина.

— Теперь вы, конечно, не откажетесь проводить меня до дому и посѣтите моего старика?

— Непремѣнно, непременно, и съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Подозоровъ. — Я Ивану Демьяновичу очень признателенъ.

— Merci; онъ тоже очень будетъ радъ васъ видѣть: онъ даже вчера о васъ вспоминалъ. Ему хотѣлось взглянуть на Петербургъ, а главное, что ему хотѣлось достать себѣ хо-

рошій образъ Христа, и опъ все говорилъ, что вотъ вы бы, какъ любитель искусства, могли бъ ему помочь въ этомъ. Но что же вы сами: что вы и какъ вы?

Подозеровъ сдержалъ вздохъ и, закусивъ слегка нижнюю губу, отвѣчалъ, что ничего; что опъ чувствуетъ себя какъ должно и какъ можно чувствовать себя на его мѣстѣ.

— Я думаю, смерть Лары васъ ужасно поразила? Я долго не рѣшалась послать Катѣ денегъ; но это было совершенно необходимо вызвать ее къ арестованному мужу.

— Да; скажите на милость, что это за дѣло у Филетера Ивановича?

— Ахъ, ничего не умѣю вамъ сказать: вступался за крестьянъ, ходилъ, болталъ свои любимыя прьсказки, что надо бы одну половину дѣятелей повѣсить на жилахъ другой, и, наконецъ, попалъ въ возмутители. Но теперь, говорятъ, дѣло уже не совсѣмъ для него несчастливо и вѣрно скоро окончится. Но что же вы, что съ вами? вы уклоняетесь отъ отвѣта.

— Миѣ хорошо.

— Счастливый человекъ и рѣдкій: вамъ всегда хорошо.

— Да, почти всегда: я занятъ, работаю, ѣмъ въ нѣтъ лица хлѣбъ мой, а работа—превосходный врачъ.

— Отъ чего, отъ какой болѣзни?

— Отъ всѣхъ душевныхъ болѣзней.

— Значитъ онѣ еще не прошли?

— Что-жъ дивнаго: я человекъ, и на миѣ тоже тягуютъ тяжести жизни.

— Теперь вы снова свободны, — проговорила, не подумавъ, Сиктянина.

— Я всегда былъ свободенъ,—послѣшшо отвѣтилъ Подозеровъ, и тотчасъ добавилъ:

— Если я искалъ развода, то дѣлалъ это для спокойствія Лары, но отнюдь не для себя.

Сиктянина на него посмотрѣла и сказала:

— Я такъ и думала.

— Конечно-съ, на что же миѣ это было? я не веду моей родословной ни отъ какихъ славныхъ гусей: я не графъ и не князь, чтобы быть шокированнымъ поведениемъ жены.

— Вы Испанскій Дворянинъ.

— Не знаю, но знаю, что меня замарать никто не можетъ, если я самъ себя не марю. Притомъ же, если для

чьего-нибудь счастья пужно, чтобы мы отступились от этого человека, то неужто тут еще есть надъ чѣмъ раздумывать? Я не могу быть спокоенъ, если я знаю, что кого-нибудь стѣсняю собою, и удалился отъ жены, желая пока своей совѣсти.

— А теперь вы покойны?

— Конечно, мнѣ уже болѣе нечего терять.

Генеральна задумалась и потомъ проговорила:

— Зачѣмъ же все только... терять? Жизни должно быть еще много впереди, и вы можете что-нибудь «пайти» и не потерять.

— Перестанемъ объ этомъ.

— И впрямь я не знаю о чемъ говорю,—и съ этими словами она вошла въ свой номеръ, гдѣ былъ ея больной мужъ.

Генераль Синтяшинъ, обложенный подушками, сидѣлъ въ одномъ креслѣ, межъ тѣмъ какъ закутанныя байковымъ одѣяломъ ноги его лежали на другомъ. Предъ нимъ нѣсколько въ сторонѣ, на плетеномъ стулѣ, стояла въ золоченой рамѣ картина вершковъ десяти, изображающая голову Христа, вѣнчаннаго терніемъ.

Увидавъ Подозерова, Иванъ Демьяновичъ очень обрадовался и хотя протянулъ ему руку молча, по скаль ее съ пескываемымъ удовольствіемъ.

— Садитесь, — произнесъ онъ въ отвѣтъ на привѣтствіе гостя и на его вопросъ о здоровьѣ. — Мать, дай намъ чаю, — обратился онъ къ женѣ и сейчасъ же добавилъ: — радъ-съ, весьма радъ-съ, что вы пришли. Хотѣлъ посылать, да послонъ не нашель. А видѣть васъ радъ, можетъ скоро умру, падо съ друзьями проститься. Вирочемъ, у меня-съ друзей пѣтъ... кромѣ ея, — добавилъ генераль, кивнувъ по направлению, куда вышла жена.

Подозеровъ промолчалъ.

— Грустно-съ, — заговорилъ генераль, стараясь говорить такъ тихо, чтобы не слыхала жена: — грустно-съ, достоочтенный мой, умирать обманутымъ людьми, еще грустнѣе жить обманутымъ самимъ собою.

— Что это у васъ за мысли?

— Подвожу итогъ-съ и разсуждаю объ остаткѣ: въ остаткѣ пуль и отпускатся будетъ нечѣмъ у сатаны. Одиъ вотъ-съ

Его заслуги, вотъ-съ вся и надежда,—заклучилъ онъ, вздохнувъ и показавъ глазами на вѣнчанную тернѣемъ голову.

— У васъ превосходный заступникъ,—молвилъ въ тонъ ему Подозеровъ.

— Да-съ; слава Богу, слава Ему,—отвѣчала генераль и, не сводя глазъ съ картины и перемѣнивъ тонъ, продолжала:—Вы знаете, и наконецъ рѣшился сдѣлать себѣ операцію: хочу, чтобы вынули эту проклятую пулю.

— Развѣ она стала васъ очень беспокоить?

— Да, ужасно беспокоить,—и генераль весело прошептала:— Это-съ вѣдь бѣсовская пуля. Да-съ, и вѣдь прохожу изъ кантонистовъ; я былъ простой солдатъ, простой и добрый солдатъ-товарищъ; мать свою почиталъ, а какъ эта проклятая пуля въ меня попала, я пошелъ въ чины, сдѣлался генераломъ и всю жизнь мою не вспомнилъ Бога. Да-съ; но Онъ меня вспомнилъ: я чувствую: Онъ скоро придетъ... Я снова знаю, какъ Онъ приходитъ; когда я мальчишкой пасъ чужихъ жеребятъ, я видѣлъ Его и еще, когда кантонистомъ въ казармахъ рыдалъ я разъ ночью о своей крестьянскѣ-матери. Онъ тоже былъ благъ; но съ тѣхъ поръ, какъ я... сталъ всѣхъ мучить... Вотъ я купилъ... вчера эту... картину, — громче говорилъ онъ, услыхавъ шаги возвращающейся жены: — говорить, будто это работы Гверчино... не самого Гверчино, можетъ-быть его школы...

— Голова писана со смысломъ.

— Да, я читалъ, что Гверчино писалъ вдохновенно. Какъ вы находите?

— Сильная кисть и освѣщеніе сверху... да это какъ будто манера Гверчино... умно и тепло.

— Нѣтъ, выраженіе?

— И выраженіе мнѣ нравится.

— А все не то, а все не то, что я зналъ въ дѣтствѣ...

И Синтянинъ сбросилъ съ ногъ одѣяло и тихо вышелъ за перегородку, унося съ собою картину.

— У него часто такія минуты?—спросилъ шопотомъ генеральшу Подозеровъ.

— Съ давнихъ поръ почти постоянно погруженъ въ размышленіе о Богѣ и о смерти,—отвѣчала та едва слышно.

Изъ-за перегородки послышался вздохъ и слова: «помилуй, помилуй!» Синтянина молча стояла посреди комнаты.

— Зачѣмъ вы не взяли сюда Вѣру?—прошепталъ Подозеровъ.

— Вѣру?

— Да; она бы очень много хорошаго вносила собою въ его душу.

— Вѣра...

И генеральша, замѣтивъ тихо входившаго мужа, не договорила; но Иванъ Демьяновичъ, слышавшій имя Вѣры, тихо молвилъ:

— Моя Вѣра умерла.

— Вѣра умерла!

— Да, умерла. Развѣ Alexandrine вамъ не рассказала, какъ это случилось?

— Нѣтъ.

— Вѣра моя простудилась, искавъ ее (онъ указалъ на жену) и найдя этотъ стилетъ, которымъ Гордановъ убилъ Бодростина.

— Вы увѣрены, что это сдѣлалъ Гордановъ?

— Увѣренъ, и всѣ увѣрены. Божье-съ: я это знаю, и вы мнѣ можете вѣрить: предъ смертью люди не лгутъ. Гордановъ убилъ, да-съ; а потомъ Горданова убили.

— Да; я читалъ, что онъ умеръ въ острогѣ.

— Онъ отравленъ, и отравилъ его Ропшинъ.

— Ропшинъ!—Зачѣмъ это Ропшину было?

— Онъ пустилъ въ воду концы. Вотъ въ это время, какъ вы съ Сашей ходили искать квартиры, ко мнѣ заходилъ тотъ... Картановъ, или этотъ... знаете, который былъ тамъ?..

— Ворошиловъ,—сухо подсказала генеральша.

— Вотъ именно!.. Но дѣло въ томъ, какія онъ мнѣ сообщилъ чудеса: во-первыхъ, онъ самъ, все это открывшій, чуть не остался виноватъ въ томъ, зачѣмъ открылъ, потому что въ дѣло вмѣшалось соперничество двухъ наблюдательныхъ персонъ, бывшихъ на ногахъ. Оттого все такъ въ комокъ да въ кучу и свертлось. Да что объ этомъ толковать. Я лучше сообщу вамъ пріятную новость. Майоръ Форовъ освобожденъ и арестъ ему вмѣнесть въ наказаніе.

— Да, слава Богу. Бѣдная Катя теперь оживеть.

— Оживеть? Гм!.. Вотъ будетъ странность.

— А что же съ ней такое?—живо вмѣшался Подозеровъ.

— Что съ ней тако-ое? — переспросилъ генераль. — Да развѣ Alexandrine вамъ ничего не сказала?

— Нѣтъ; да и Катерина Астафьевна сама мнѣ тоже, какъ уѣхала, ничего не нишетъ.

— Чему же вы тутъ удивляетесь?

— Да все-таки хоть бы немного, а слѣдовало бы написать.

— А если нечѣмъ-съ написать-то?

— Какъ такъ?

— У бѣдной Кати быть легкой ударъ, — молвила генеральша.

— Наперекоски хватило-съ: правая рука и лѣвая нога отнялись.

— Какое несчастіе!

— Да-съ; подбираемся-съ, подбираемся... и замѣтите-съ, что довольно дружно одинъ за другимъ. А вѣдь въ существѣ нечему здѣсь много и удивляться: всему этому такъ надлежало и быть: жили, жили долго и наступила пора давать другимъ мѣсто жить. Это всегда такъ бываетъ, что смерти вдругъ такъ и хлынуть, будто мѣшокъ прорвется. Катерина же Астафьевна, знаете, женщина тучная, съ сердцемъ нетерпичимъ... пріѣхала къ намъ какъ разъ во время похоронъ Вѣры, узнала, что мужъ въ тюрьмѣ, и повезла ногой и руку повѣсила.

— Но позвольте же: ей всего сорокъ пять, сорокъ шесть лѣтъ?—перебила Подозеровъ.

— Даже сорокъ четыре,—поправила Синтяпина.

— Ну такъ что же-съ такое? Хотите, вѣрно, сказать, что, молъ, надо лѣчить? Ее и лѣчили.

— Ну-съ, и что же?

— И ничего: лѣкаря мази выписываютъ, въ аптекахъ деньги берутъ, а она все лѣвою рукою крестится и хвалитъ Бога: «правъ Ты, Боже, меня наказуя; дай Ты грѣшной плоти моей настрадаться».

— Женщина благороднѣйшаго характера и великой души,—произнесъ Подозеровъ.

— Катя—ангелъ,—заключила Синтяпина: —и она...

— Выздоровѣетъ? Разумѣется, выздоровѣетъ,—говорилъ, стараясь придать голосу какъ можно болѣе увѣренности, Подозеровъ.

— Нѣтъ, она умретъ,—отвѣчала, слегка поблѣднѣвъ, генеральша.

— Умретъ? Почему?

Александра Ивановна пожалала плечами и проговорила:

— Не знаю сама почему... но такъ какъ-то... она здѣсь все совершила земное...

По переходѣ Синтяинныхъ въ ихъ новое помѣщеніе, на другой день вечеромъ, всѣ эти три лица опять собрались вмѣстѣ и, ведя тихую бесѣду предъ каминомъ, вспоминали немногихъ милыхъ имъ лицъ, остающихся еще тамъ, на теплыхъ нажитыхъ, и заговорили объ Евангелѣ и о Форовѣ. Собесѣдники припоминали то тѣ, то другія изъ оригинальныхъ выходокъ майора, слегка посмѣивались надъ его безвѣрjemъ и напускнымъ нигилизмомъ, и всѣ соглашались, что не дай Богъ ему пережить Катерину Астафьевну, что онъ этого навѣрно не перенесетъ. Среди такого рода бесѣды вдругъ неожиданно дрогнулъ дверной звонокъ, и почтальонъ подалъ письмо, адресованное генералу въ Москву, а оттуда пересланное въ Петербургъ, въ гостиницу, и тамъ направленное наконецъ сюда, на новое его помѣщеніе.

— Это письмо отъ отца Евангела,—сказалъ генераль:— и притомъ большое письмо: все вижу пестрѣютъ въ строкахъ имена. Вѣрно новости. Не читать ли-съ вслухъ?

— Конечно,—отозвалась генеральша.

И генераль началъ читать вслухъ письмо Евангела, которое тотъ самъ въ началѣ же называлъ письмомъ «плачевно-утѣшительнымъ». Въ этомъ письмѣ Евангелъ, съ своимъ духовно-поэтическимъ юморомъ, путавшимся въ тяжелыхъ фразахъ семинарскаго построенія, извѣщалъ, что «Господу Богу, наказующу и благодѣищу, угодно было, чтобы дѣла, залутанныя человѣческимъ безстудjemъ и злобой, повершились судомъ, необозначеннымъ въ уложеніяхъ, въ конхъ за безвѣріе взыскивается, но самый завѣтъ Божескій не соблюдается». Евангелъ повѣствовалъ, что, по везанной смерти Горданова, за которою не замедлилъ еще болѣе неожиданный и «скоропостижный бракъ неутѣшной вдовицы Глафиры Васильевны Бодростиной съ Генрихомъ Рошинымъ», дѣло о самой смерти покойнаго Бодростина какъ-то вдругъ ступевалось, и всѣ остаются довольны, не исключая главнаго виновника, умопомраченнаго Висленева, сидящаго въ сумасшедшемъ домѣ, чѣмъ онъ не только не обиженъ, но, напротивъ, необыкновенно дорожитъ этимъ удобнымъ положеніемъ и самъ до того за него стоитъ, что когда кто-то надъ нимъ подшутилъ, будто жена намѣревается его



оттуда вынуть и взять на поруки, то Йозефъ страшно этимъ встревожился и самъ всѣмъ паноминать, что онъ опасный помѣшанный и убійца, на каковомъ основаніи и упрасивать не выдавать его женѣ, а, напротивъ, приковать на самую толстую цѣпь и бросить ключъ въ море, дабы ни жена, ни Кишенскій какъ-нибудь не похитили его насильственнымъ или тайнымъ образомъ. «Они хитрые», внушалъ онъ начальству дома умалишенныхъ, требуя строжайшаго за собою присмотра: «я васъ для вашей же пользы предупреждаю: строго меня держите, а то они меня украдутъ, а я опять кого-нибудь убью и вамъ очень дурно за это можетъ достаться». «Симъ манеромъ замугивая, казусный оный криминальникъ (продолжалъ Евангелъ) столь все свое начальство подчинилъ своей власти, что его даже на двѣ цѣпи посадили, что и не кажется никому лишнимъ, ибо онъ, что день, все объявляетъ себя на большія и большія злодѣянія склоннымъ и способнымъ». Такимъ образомъ этотъ виновникъ смерти Бодростипа, по увѣренію Евангела, оставался своею участію совершенно доволенъ. Гордаловъ, по его словамъ, тоже, вѣроятно, долженъ быть доволенъ, ибо послѣ столь гнусной жизни ему потребенъ смертный покой, дабы не причинить большого безпокойства, которое онъ, какъ открылось, намѣревался сдѣлать всѣмъ жаждущимъ быстрого обогащенія, предполагая завести въ разныхъ мѣстахъ конторы для продажи на сроки записокъ на билеты правительственныхъ лотерей. Онъ хотѣлъ вездѣ продавать записки на *одни и тѣ же* билеты на срочную выплату и, обобравъ всѣхъ, уйти въ Швейцарію,

«О себѣ скажу,—писалъ Евангелъ,—что и самъ ни на что не ропщу. Хотя я и посидѣлъ пѣкую годину злую во узнищѣ, но зато осіялся тамъ силою повою, при коей миѣ мнится якобы уже ничто не странно. Панька моя хотя неспокійно приняла сіе мое злоключеніе подъ видомъ бунтовщица, но зато и въ ея душѣ промелькнуло, что намъ съ ней нѣтъ разъединенія, ибо разлученные тѣлами, мы съ нею непрерывно чувствовали себя вмѣстѣ, а тѣлесная разлука неизбежна и къ оной надо себя держать въ готовности. Превелебному Генриху въ семъ дѣлѣ и говорить нечего, какая благая часть досталась: столь славной и богатой жены мужемъ онъ, я мыслю, и не чаялъ сдѣлаться, а Глафирѣ Васильевнѣ тоже нескудная благодать, ибо она симъ оборо-

томъ всё взоры отвела отъ всего, ей неподобнаго, да и мужа получила вѣжливаго, который ее отъ всѣхъ тяжестей управленія имѣніями и капиталами ея вполне освободилъ, и даже собственноручные ея расходы, говорятъ, весьма точною цифрою ограничилъ, такъ что она отъ всѣхъ нынѣ соблазновъ гораздо независимѣе. Ларисѣ Платоновнѣ и той не къ худу это послужило, ибо дало ей силы печали свои окончить смертью вольною, о коей разныя можно имѣть мнѣнія, такъ какъ и между вѣрующими писателями есть мыслители, не осуждающіе вольной смерти, ибо въ иныхъ случаяхъ не все ли въ нѣкоей степени одинаково, отпустить себя своею рукой или чужую навести на себя? А хотя бы и не такъ, то была она женщина, — сосудъ скудельный и слабый, и за то ей простится все, а побужденіе ея было, конечно, благородное: освободить того, кого она счастливымъ сдѣлать была обязана, да не сумѣла. И сему тоже будетъ ко благу, да не обольщается напередъ сей философъ, что мы, будучи созданы по образу Божію, такую же и власть Божію имѣемъ, что довольно намъ сказать разслабленному: «возьми одръ твой и ходи», чтобъ онъ тотчасъ же всталъ и началъ ходить по слову нашему. Нѣтъ, это не такъ: надо бережно обращаться съ сощетеніемъ жить, свизующихъ дикое мясо съ живымъ организмомъ, и ради спасенія сего организма потерпѣть иногда и гадкое мясо дикое».

Генераль остановился и, взглянувъ на Подозерова, замѣтилъ, что это на его счетъ *nota bene*; но, не получивъ ни отъ кого никакого отвѣта, продолжалъ далѣе чтеніе письма, въ которомъ авторъ, отыскивая благо для всѣхъ потерпѣвшихъ отъ зла, доходилъ до супруговъ Форовыхъ и въ томъ же душевномъ, покорномъ и грустно-шутливомъ тонѣ началъ:

«Другу моему Катеринѣ Астафьевнѣ во всемъ этомъ было послѣднее испытаніе, которое она до самаго послѣдняго своего конца выдержала съ величайшею для себя честью».

— Какъ до самаго послѣдняго конца? — перебила генеральша.

— Такъ здѣсь написано: «до самаго послѣдняго своего конца».

— Что это такое? — сказала тревожно Александра Ивановна и, вставъ, поглядѣла черезъ плечо мужа въ листокъ

прочла что-то молча глазами и молча же еѣла на прежнее мѣсто. По щекамъ ея текли двѣ длинныя, серьезныя слезы, которыя замѣтилъ и Подозеровъ, и генераль, и оба отгадали, въ чемъ дѣло, и старикъ продолжалъ чтеніе.

«До послѣдняго конца своего (читалъ генераль) она не возронтала и не укорила Провидѣніе даже за то, что не могла осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ правой руки, по должна была дѣлать это лѣвою, чѣмъ и доказала, что у иныхъ людей, противъ всякаго повѣрья, и съ лѣвой стороны чорта нѣтъ, а у иныхъ онъ и десницею орудуешь, какъ у любезнаго духовнаго сына моего Павла Николаевича, который предъ смертію и съ Богомъ пококетничалъ. Кончина же сея доброй муроносицы воспослѣдовала назадъ тому восемь дней весьма тихая и праведничья и послѣдовала она не отъ какой-либо сугубой скорби, а отъ радости, ибо была въ этотъ день объявлена намъ вѣсть, что Форовъ отъ обвиненія въ бунтовничьей крамолѣ вторично и окончательно освобождается... Вѣсть сія Катерину Астафьевну столь рѣзко обрадовала, ибо была противъ всѣхъ нашихъ ожиданій, что она воспрыгнула и было обѣ руки подняла, чтобъ обѣими благословить Господа милости, но, произнеси звукъ «сла», упала навзничь и отошла тихо и безболѣзненно. И я, все это видѣвый, далъ ей глухую исповѣдь и свидѣтельству вамъ о ея спокойной кончинѣ и о томъ тоже присовокупляю, что мужъ ея былъ снмъ событіемъ ожесточенно тронуть, ибо имѣлъ къ тому и весьма внушительный случай. Трафилось такъ, что лучше нарочно и первостатейный сочинитель не придумаешь: благоволите вспомнить *башмаки*, или, лучше сказать, исторію о башмакахъ, которые столь часто были предметомъ шутокъ въ нашихъ собесѣдованіяхъ,—тѣ башмаки, которые Филетеръ обѣщаль принести Катеринѣ Астафьевнѣ въ Крыму и двадцать лѣтъ купить ихъ не собрался, и буде вы себѣ теперь это привели на память, то представьте же, что майоръ, однако, весьма удачно сію небрежность свою поправилъ, и идучи, по освобожденіи своемъ, домой, первое, что сдѣлалъ, то зашелъ въ складъ съ кожевненнымъ товаромъ и купилъ въ ономъ для доброй супруги своей давно ею жданныя башмаки, кои на нее на мертвую и надѣты, и въ конхъ она и въ гробъ нами честно положена, такъ какъ, помните, сама не разъ ему говорила, что «придетъ-де та пора, что ты ку-

пишь мнѣ баламаки, но уже будетъ поздно, и они меня не порадуютъ». Совершенно такъ все оно и случилось по ея прорицанію, на что я и обратилъ его внимательность. Форовъ былъ прежалкій: онъ все время похоронъ даже нервно дрожалъ и сердился, кусалъ ногти и, не чувствуя слезъ, кои изъ глазъ его выпрыгивали, до того представлялся грубымъ и неласковымъ, что даже не хотѣлъ подойти ко гробу и поцѣловать жену, и отвѣчалъ: «Зачѣмъ я стану ее мертвую цѣловать, когда я ее вволю живую цѣловалъ». Такъ религиозно храня свое грубое невѣріе и представляясь безчувственнымъ, онъ и не прощался съ покойною: увѣряя, что онъ съ мертвыми никакихъ отношеній не умѣетъ соблюдать и все это считаетъ за глупыя церемоніи. Но подивитесь же, какаѧ съ самимъ съ нимъ произошла глупость: по погребеніи Катерины Астафьевны, онъ, не зная какъ съ собой справиться и все-таки супротивъ самой натуры своей строитствуя, испилъ до дна тяжелую чашу испытанія и, бродя тамъ и сямъ, очутился ночью на кладбищѣ, влекомый, разумѣется, *сущестующею* силой самой любви къ *несущестующему* уже субъекту, и здѣсь онъ соблаговолилъ присѣсть и, надо думать, не противу своей воли, просидѣлъ цѣлую ночь, припадая и плача (по его словамъ отъ того будто, что немножко лишнее на утро принялъ); но какъ бы тамъ ни было, творя сей сѣдальень на хвалитѣхъ, онъ получилъ тамъ сильную простуду и въ результатѣ оной перекосило его самого, какъ и его покойницу Катерину Астафьевну, но только съ сообразнымъ отличіемъ, такъ что его отецъ Кондратій щелкнулъ не съ правой стороны на лѣвую, а съ лѣвой на правую, дабы онъ, буде вздумаетъ, могъ бы еще правою рукой перекреститься, а лѣвою ногой сатану отбрыкнуть. Не знаю, однакоже, удосужится ли его высокоблагородіе это сдѣлать, ибо послѣ сего полученнаго имъ перваго предостереженія, весьма возможно вскорѣ и второе, а потомъ съ третьимъ все изданіе его брениа и вообще можетъ быть закрыто. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ онъ не хочетъ еще мнѣ довѣрять и даже на самое сіе предостереженіе весьма злится и, какъ оный тонувшій въ пьномъ видѣ въ канавѣ бодростинскій Сидъ изрыгаетъ похвальбу, что, пожалуй, всѣхъ насъ переживетъ и научить какъ можно никакихъ предостереженій не слушаться. Но, впрочемъ, его вы скоро самолично увидите, такъ какъ го-

сподинь майоръ, тяжело двигая правою ногой, быстро собирается течь въ оный ванъ всепоглощающій Петербургъ, а причину своей поѣздки отъ меня скрываетъ, говоря, что я ся не одобрю, а онъ не желаетъ разбиваться въ своихъ мысляхъ, ибо дѣлаетъ то, что вздумалъ единственно лишь именно въ виду обстоятельствъ и побуждаемый къ тому полученнымъ имъ первымъ предостереженіемъ. На-дняхъ вы его сами узрите и тогда мнѣ придется вамъ завидовать, что вы опять и на чужбинѣ, въ опомъ нѣмецкомъ *буртъ*, соберетесь всею остающеюся пока нашею личностію вкупѣ, тогда какъ мы съ Палнькой все болѣе спротивемъ. И будете вы прежде меня знать, какъ другъ мой Филетеръ Ивановичъ съ предостерегающимъ его начальствомъ въ брань войдетъ. Замыкаю же сіе мое обширное посланіе къ вамъ тою вѣстью, что я о васъ обо всѣхъ молюсь, желаю вамъ здоровья и всѣхъ благъ, и утверждаю и васъ въ истинѣ, что все бываетъ ко благу, такъ какъ и въ семъ трепетномъ дѣлѣ, которое мы недавно только пережили, вамъ, государь Иванъ Демьяновичъ, тоже дана, по моему мнѣнію, добрая наука: вамъ, вѣчно надѣявшимся на силу земной власти, окончаніе гордановскаго дѣла можетъ служить урокомъ, что нѣтъ того суда, при которомъ торжество истины было бы неизбѣжно. Палнька моя всѣмъ вамъ кланяется и увѣряетъ, что Андрей Иванычъ непременно скоро женится, ибо, употребляя ся ученыя выраженія, онъ до сихъ поръ «наблюдалъ въ любви одну тактику, а теперь станетъ соблюдать практику». Соглашаюсь, что сей учеными словами украшенный дискурсъ отъ жены моей страдаетъ какъ нѣкоею изрядно-свойственною ей безтолковостью, но тѣмъ не менѣе, какъ бывали уже случаи, что о вещахъ, сокрытыхъ отъ мудрыхъ и премудрыхъ, пророчествовали слѣпцы, то и сіи убогія ея прорицанія примите отъ вновь паки свои права священства воспріиравнаго Евангела Минервина».

— Вотъ и все письмо,—проговорилъ генераль, складывая листокъ:—и какое интересное письмо.

— Да; очень интересное,—отвѣчала съ горечью Синяпина, сидя въ томъ же неподвижномъ положеніи.— Пѣтъ болѣе моей Кати; нѣтъ моего лучшаго друга.

— Да, пирится кладбище,—молвилъ Подозеровъ.

— Ну, что дѣлать: жили, жили вмѣстѣ, пора, видно, на-

чать недалеко́ одинъ за другимъ и умирать,—произнесъ генераль и, поглаживая себѣ поясницу, точно началъ высматривать, гдѣ бы, по расположенію комнаты, удобнѣе было поставить очередной столъ для его тѣла.

Генераль недаромъ осматривалъ себѣ мѣсто: немного спустя послѣ этого дня, Подозеровъ, заставъ его дома одного, имѣлъ случай убѣдиться, что Синтининъ, приготовляясь къ операціи, готовится и къ смерти. Иванъ Демьяновичъ встрѣтилъ гости съ усвоенною имъ въ послѣднее время привѣтливостью, въ которой, однако, на этотъ разъ было еще что-то торжественное, задушевное и серьезное. Кто видалъ человѣка, приготовляющагося выдержать серьезную операцію, тотъ, конечно, замѣтилъ то особенное внушающее «нѣчто», которое за нѣсколько дней до операціи разливается по лицу больного. Это «нѣчто», угнетающее гораздо болѣе, чѣмъ ожиданіе самой смерти, это ожиданіе пытки, выражающееся обыкновенно свособычною печатью силы и смиренія.

Синтининъ подвелъ Подозерова къ столу, на которомъ лежалъ листъ бумаги со свѣжею еще подписью Ворошилова, и прошепталъ:

— Прочтите и подпишите.

Бумага эта была духовное завѣщаніе, которымъ Синтининъ упрочивалъ за женой все свое небольшое состояніе, етовннее около десятка тысячъ.

Подозеровъ подписалъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ, принимая отъ него бумагу, генераль. — Это необходимая вещь. Нужно оградить Саму отъ всякихъ безпокойствъ. Я поздно объ этомъ подумалъ. Кромѣ этого, у нея будетъ мой пенсіоншика, но она его лишится, когда выйдетъ замужъ.

— Почему же вы думаете, что Александра Ивановна непремѣнно выйдетъ замужъ?

— Да это такъ должно быть, но не въ томъ дѣло, а вотъ что-съ: вотъ я вамъ поручаю письмо, вамъ нѣтъ нужды знать его содержаніе.

— Совершенно справедливо.

— Когда я умру и когда меня похоронятъ, отдайте это письмо моей женѣ.

— Извольте.

— И непременно лично сами отдайте, — добавил генераль, вручая Подозерову пакетъ.

— Непременно исполню все такъ точно, какъ вы хотите, — отвѣчалъ Подозеровъ, и недолго ожидалъ, когда настало время исполнить это порученіе.

Операция, сдѣланная Синтянину, была объявлена счастливою, а результатомъ ей была смерть, которая, разумѣется, отнесена насчетъ несчастной случайности. Генераль былъ похороненъ и его вдова осталась одинокою. Она не растерялась ни на одну минуту, не шаржировала своего положенія, она ничѣмъ не затруднялась и ничего не проектировала. О своихъ памѣреніяхъ она вовсе молчала, даже ежедневно навѣщавшему ее Подозерову не было извѣстно, долго ли она останется въ Петербургѣ, или же немедленно уѣдетъ назадъ къ себѣ въ хуторъ. Послѣ трехъ дней, въ теченіе которыхъ было много хлопотъ о погребеніи, Подозеровъ и генеральша видѣлись всякій день; но потомъ, послѣ похоронъ, они вдругъ какъ бы начали другъ друга чуждаться: они встрѣчались съ удовольствіемъ, но затруднились бесѣдовать, какъ бы боясь сказать что-нибудь такое, что не должно. Наконецъ, по возвращеніи Александры Ивановны на девятый день изъ церкви, Подозеровъ, будучи обязанъ исполнить просьбу покойнаго, сказалъ ей:

— Я имѣю къ вамъ маленькое порученіе.

Синтянина поглядѣла на него и спросила:

— Какое?

— У меня есть къ вамъ письмо.

— Отъ кого?

— Отъ того, отъ кого вы теперь всего менѣе можете этого ожидать.

Александра Ивановна посмотрѣла на него и проговорила:

— Вѣроятно, отъ моего покойнаго мужа?

— Да, вы отгадали; онъ отдалъ мнѣ это письмо за пять дней до своей смерти и взялъ съ меня слово передать его вамъ лично въ девятый день по его смерти. Вотъ это письмо.

И онъ подавъ вдовѣ конвертъ, на которомъ было написано ея имя, съ припиской: «прошу распечатать и прочесть немедленно».

«Прошу распечатать и прочесть немедленно», — повторила генеральша и, спокойно сломавъ печать, пробѣжала

нѣсколько строкъ и тотчасъ же сжала листокъ въ рукѣ и покраснѣла.

— Вы меня извините, я съ вами теперь на часочекъ прошусь,—попросилъ, не желая ее стѣснять, Подозеровъ.

Вдова кусала губы и, краснѣя, продолжала молчать.

— Прощайте,—повторилъ Подозеровъ, подавая ей руку.

Но Александра Ивановна тихо отвела отъ себя эту руку и, затрудняясь, проговорила:

— Пойдите, пожалуйста... вамъ нельзя уходить... Здѣсь есть очень странный капризъ...

— Что такое?

Смущеніе генеральши на минуту еще усилилось, но потомъ внезапно какъ бы сразу ее оставило; она развернула смятый листокъ и, тщательно положивъ его снова въ конвертъ, проговорила:

— Возьмите это письмо.

Подозеровъ взялъ.

— Теперь прочитайте его.

Онъ вынулъ листокъ, прочелъ его глазами, и смущеніе, овладѣвшее нѣсколько минутъ предъ тѣмъ Александрой Ивановной, теперь овладѣло имъ.

— Что же,—началъ онъ послѣ паузы:—я долженъ исполнить то, что здѣсь сказано.

— Да.

— Вы позволяете?

— Я не имѣю права запретить.

— Я читаю.

И онъ прочиталъ вслухъ:

«Сознавая, сколь я всегда былъ недостоинъ прекрасной и доброй жены моей и опасаясь, чтобъ она послѣ моей смерти, по своей скромности и по скромности человѣка, ею любимого и ее любящаго, не оставалась вдовой, я изъ гроба пропну ее, не соблюдая долгаго траура, выйти замужъ за Андрея Ивановича Подозерова. Чѣмъ скорѣе мнѣ будетъ это сдѣлано, тѣмъ скорѣе я буду утѣшенъ за могилкой и успокоенъ, что я не всю ея жизнь погубилъ и что она будетъ еще хоть сколько-нибудь счастлива прежде, чѣмъ мы встрѣтимся тамъ, гдѣ нѣтъ ни женъ, ни мужей, и гдѣ я хочу быть прощенъ отъ нея во всемъ, что сдѣлалъ ей злого.

«Если жена моя, прочтя эти строки, увидитъ, что я



ошибался и что она никогда не любила того, о комъ я говорю, то она должна поправить мою ошибку, предавъ это письмо сожженію; но если я разгадаю ея сердце, то да не оскорбитъ она меня неискренностію и передастъ это письмо тому, кто его ей вручилъ. Такова моя воля, которую я завѣщаю исполнить».

Далѣе была черта и подъ нею слѣдующая приписка:

«Андрей Ивановичъ! Я знаю и знаю, что моя жена любитъ васъ съ тою покойною глубиной, къ которой она способна и съ которою дѣлала все въ своей жизни. Примите се изъ рукъ мертвеца, желающаго вамъ съ нею всякаго счастья. Если я правъ и понимаю ваши желанія, то вы должны прочесть ей вслухъ это мое письмо, когда она вамъ его передастъ».

— Я прочелъ,—сказалъ Подозеровъ.

— Слышу,—отвѣчала, закрывъ рукой глаза, генеральша и, отворотясь, добавила:—теперь уйдите пока, Андрей Ивановичъ.

На другой день Подозеровъ пришелъ къ Синягиной позже часа, въ который онъ обыкновенно ее навѣщалъ, и засталъ ее чѣмъ-то занятою въ ея спальнѣ.

Она вышла къ нему черезъ нѣсколько минутъ, и испустили они повидаться, какъ вдругъ кто-то позвонилъ, и прежде чѣмъ хозяйка и гость могли сообразить, кто бы могъ быть этимъ посѣтителемъ, густой басъ, освѣдомлившійся объ Александрѣ Ивановнѣ, выдалъ майора Форова.

Филетеръ Ивановичъ былъ точно тотъ же, какимъ мы его всегда привыкли видѣть, въ своемъ вѣчномъ черномъ, полустегнутомъ сюртукѣ, въ военной фуражкѣ съ кокардой и съ толстою папиросою въ рукѣ, но онъ держалъ большую лѣвую руку за бортомъ сюртука и немножко волокъ правою ногой.

— Здравствуйте-съ, здравствуйте!—отвѣчалъ онъ на радостныя привѣтствія хозяйки и сейчасъ же, поцѣловавъ ея руку, обратился къ Подозерову:—Ну, что же это за протоканалы такіе у васъ архитекторы-то? А

— А что такое?

— Да какъ же-съ: идутъ ступени на лѣстницѣ и вдругъ терраса и посрединѣ террасы, гдѣ не ожидаешь, еще опять ступень, идешь, хлопъ и растянулся. Вѣдь за это вѣшать надо ихъ брата.

— Да бросьте вы о лѣстницахъ! — перебила его генеральша:—говорите скорѣе о томъ, откуда вы и что тамъ у насъ?

— Откуда—сами знаете, а насчетъ того, что у насъ, то у насъ ничего: произошелъ небольшой «моръ звѣрей», но еще довольно скотовъ сохраняются живыѣ.

— Да звѣри бы пусть умирали...

— Ну, ужъ извините меня, а я не такъ думаю, — мнѣ звѣри милѣе скотинѣ. При этой смѣтѣ, позвольте доложить, что господинъ и госпожа Рошнины вамъ кланяются: они еще не издохли, и даже не собираются.

— Но ваша жена, ваша жена!

— Она умерла.

— И вы объ этомъ такъ равнодушно говорите?

— А что же вы хотите, чтобъ я вылъ какъ собака, чтобы меня за это отъ всѣхъ воротъ гнали? Благодарю-сь. Да я, можетъ-быть, и самъ скоро умру.

— Да вы простите меня, Филетеръ Ивановичъ, вы, пожалуйста, не пейте, а то въ самомъ дѣлѣ...

— Ну, ужъ сдѣлайте ваше одолженіе,—перебилъ майоръ:—никогда не пробуйте надо мною двухъ штукъ: не совращайте меня въ христіанскую вѣру, потому что я черезъ это противъ нея больше ожесточаюсь, и не уговаривайте меня вина не пить, потому что я послѣ такихъ увѣщаній долженъ вдвое пить, — это ужъ у меня такое правило. И притомъ же мнѣ теперь совсѣмъ не до того: пить или не пить, и жить или не жить. Меня теперь занимаютъ дѣла гораздо болѣе серьезныя: я пріѣхалъ сюда «по пенсіонскому вопросу».

— Это еще что за вопросъ такой?—спросилъ, удивись, Подозеровъ.

— А въ томъ-то и дѣло, что есть такой вопросъ, и я вотъ съ нимъ третій день вожусь въ Петербургъ...

— Вы уже здѣсь третій день?

— Да, а что такое!

— И не заглянули ко мнѣ?—поненяла генеральша.

— Некогда было-сь: прежде всего дѣло, я долженъ снѣ-пнуть, потому что мнѣ скоро шестьдесятъ лѣтъ и, видите, ногу едва велочу: Кондрашка стукнула... Я вѣдь пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы жениться.

Слушатели такъ и ахнули.

— Какъ жениться?—спросили они оба въ одинъ голосъ.

— Разумѣется, законнымъ бракомъ.

— На комъ же?

— Само собою разумѣется, что на превосходнѣйшей особѣ,—на госпожѣ Ванскокъ.

— Ну-съ?

— Не погоняйте, я и такъ расскажу: вы знаете, какъ, говорятъ, будто богатыри, умирая, кричали: «нѣ, нѣ, нѣ»,—значить богатырскую силу передавали?

— Такъ что же?

— Вотъ такъ и я: я теперь развалина, а она молода,—сей, бѣдной, жить надо, а жить женщинѣ трудно и тяжело, такъ я хотѣлъ ей свой пенсіонъ передать. Этому меня Евангелова попадья одинъ разъ научила, и я нахожу, что это очень практично.

— *Enfant terrible* съ сѣдыми волосами,—проговорила, впервые во вдовствѣ своемъ размѣясь и качая головой, Синтянина. — Вошь что онъ сдѣлалъ изъ благого совѣта!

— То-то и есть, что я изъ него ничего не сдѣлалъ, потому что это благороднѣйшее существо отвергло мое предложеніе.

— Это та, которую вы называете Ванскокъ: она васъ ствергла?

— Да-съ; не только меня, но и мой пенсіонъ! Явись благороднѣйшей дѣвицѣ Ванскокъ, я ей предъявилъ, что я уже совсѣмъ дрянь и скоро совсѣмъ издохну, и предлагаю ей мою руку вовсе не потому, чтобы мнѣ была пужна жена для хозяйства или чего прочаго, но хочу на ней жениться единственно для того, чтобъ ей мой пенсіонъ передать послѣ моей смерти, но... эта благородная и вѣрная душа отвѣчала, что она пренебрегаетъ бракомъ и никогда противъ себя не поступитъ даже для виду. «А къ тому же, добавила она, — и пенсіона ни за что бы не взяла, такъ какъ моя оппозиціонная совѣсть не дозволяетъ мнѣ имѣть никакихъ сдѣлокъ съ правительствомъ». Каково-съ?

— Довольно оригинально,—отвѣтилъ Подозеровъ.

— Оригинально? Очень о васъ сожалѣю, если это вамъ только оригинально. Нѣтъ, это-съ грандіозно. Я уважаю крупныя черты и вѣрность себѣ даже въ заблужденіяхъ.

— Да, я даже съ удовольствіемъ слушаю про это высо-

комѣрие о сдѣлкахъ; а что до браковъ, то вѣдь они самимъ же женщинамъ нужны.

— Нужны, да, нужны, особенно для такихъ, какъ тѣ стриженныя барышни, которыя, узнавъ отъ Ванскокъ о моемъ предложеніи и о ея благородномъ отказѣ, осаждали меня вчера и сегодня, чтобъ я вмѣсто Ванскокъ «фигуривно» женился на нихъ. Да, да, да: для этихъ браки нужны, а для меня и благородной Ванскокъ—нѣтъ: мы и такъ хороши.

— А что же вы всѣмъ другимъ вмѣсто брака дадите?

— А ничего не дадимъ! Не наше дѣло. Мы знаемъ, что для насъ не надобно, а что вамъ нужно — васъ касается. Вы насъ побѣдили больше чѣмъ хотѣли: и установляйте свои порядки, да посчитайтесь-ка теперь съ мерзавцами, которые въ нашъ слѣдъ пришли. Вы насъ выгнали, да-съ; голодомъ шершавыхъ нигилистовъ выморили, но не передѣлали на свой ладъ, да-съ. Великая Ванскокъ издохнетъ звѣреніемъ и не будетъ ручною скотинкой, да-съ! А вонъ новизна... сволочь, какъ есть сволочь! Эти покладливѣе: они какую хотите ливрею на себя вздѣнуть и любымъ манеромъ готовы во что хотите креститься и съ чѣмъ понало вѣнчаться... Ну, да довольно. Прощайте, я сиѣшу въ десять часовъ на поѣздъ.

— Какъ на поѣздъ? развѣ вы нынче ужъ и уѣзжаете?

— Непремѣнно; вонъ тамъ, у двери, и мѣшокъ мой, да и что мнѣ здѣсь дѣлать? Довольно: Ванскокъ мени укрѣпила, что не всѣ-съ, не всѣ звѣрки въ скотинѣ обратились, есть еще люди, какихъ я любилъ, а вамъ я не нуженъ. Вѣдь вы къ намъ назадъ не поѣдете?

Генеральша промолчала.

— Молчите, значить я угадалъ: не поѣдете; и прекрасно, право, не тратьте-ка попусту время, смерть медлить не любить.

— Ну, пусть же ее подождетъ, я еще не жила,—отвѣчала генеральша.

— Да; вы поживите и, пожалуйста, хорошенько поживите: вы вѣдь русалочка, въ васъ огонекъ-то и подъ водой не погасъ. Ну и прекрасно, когда же ваша свадьба?

— Скажите, когда?—повторилъ этотъ вопросъ, подходя и беря ея руку, Подозеровъ.

— Вы помните сами, какъ это намъ завѣщено,—отвѣтила Александра Ивановна.

— Въ томъ письмѣ сказано: «какъ можно скорѣе».

— Надо такъ и...

— Такъ послѣзавтра?

— Филетеръ Ивановичъ!

— Что-съ?

— До послѣзавтра... для моей свадьбы вы можете здѣсь подождать?

— Извольте, могу, но дѣло въ томъ, что вамъ надо меня гдѣ-нибудь спрятать, а то меня эти барышни очень одолѣли съ своимъ желаніемъ вступить со мною въ бракъ.

— Ну, мы васъ скроемъ,—отвѣчала съ улыбкой Подозеровъ, уводи Форова къ себѣ.

Черезъ два дня, вечеромъ, онъ и его жена провожали майора на станцію желѣзной дороги.

— И вотъ мы мужъ и жена, и вотъ мы одни и другъ съ другомъ,—сказалъ Подозеровъ, отъѣзжая съ женой въ каретѣ послѣ ухода поѣзда.

— Да,—уронила тихо Александра Ивановна.

— Ты хочешь молчать?

— Пить; я хочу жить!—отвѣчала она и, обвинивъ ругами голову Подозерова, покрыла ее зовущими жить поцѣлуями.

Годъ спустя, у двери, на которой была прибита дочечка съ именемъ Подозерова позвонилъ бѣлокурый священникъ: онъ спросилъ барина, — ему отвѣчали, что его пить теперь дома.

— Ну, госпожѣ доложите, что приѣзжіи священникъ Евангель,—произнесъ гость, но прежде чѣмъ слуга пошелъ исполнить его просьбу, въ комнатахъ послышался радостный воскликъ, и Александра Ивановна, отстранивъ чело-вѣка, бросилась священнику на шею.

Тотъ вдругъ заплакалъ и потомъ, оправаясь, сказалъ:

— Дайте же войти: не хорошо въ дверяхъ попа цѣловать.

— Вы, разумѣется, у насъ остановитесь?

— Могу, для того, что и вещи мои еще здѣсь на дрожкахъ.

Александра Ивановна послала за вещами, устроила Евангелю уголокъ, напоила его чаомъ и показала ему своего сына.

— Хорошо,— оцѣнилъ Евангелъ:— да вамъ и надлежитъ не быть смоковницею неплодною; я думаю, вы добрая мать будете.

Та сдѣлала тихую гримаску и съ укоризной себѣ проговорила:

— Балую его немножко.

— Немножко ничего,— отвѣтилъ Евангелъ:— а много опасайтесь. У госпожи Глафиры Васильевны тоже родился сынъ.

— Вотъ! мы о нихъ мало слышимъ

— Да, разъединились вобще, но того-съ... она того... бадуетъ ребенка очень, и одна ей въ немъ утѣха.

— Говорять, она несчастлива?

— Свыше мѣры. Наказанъ странно темный путь въ ея дѣлахъ. Сей мужъ ея—ужасный человѣкъ-съ: онъ непременно тайну какую-нибудь ея имѣеть въ рукахъ... Богъ знаетъ: говорятъ, что завѣщаніе, которымъ ей досталось все,—подложно, и будто бы въ его рукахъ есть тому все доказательство; но что-нибудь да есть нечисто: иначе она ему не отдала бы всего, а вѣдь она въ такомъ бываетъ положеніи, что почасту въ рубль нуждается!

— Я это слышала, что будто даже Форовъ ей ссужаетъ деньги.

— Онъ почти весь свой пенсіонъ ей отдаетъ.

— И та беретъ?

— Ну, вотъ подите-жь! Да что и дѣлать: не на что за лѣкарствомъ послать: ни мариландской пашироски выкурить. А у Рошнина просить тяжело, чѣмъ занять у Форова.

— Однако, какая ужасная жизни!

— О, она наказана жестоко.

— А вотъ и мой мужъ идетъ!—воскликнула Александра Ивановна, заслышавъ знакомый звонокъ.

Послѣ радостныхъ свиданій и обѣда, Евангелъ, удалясь съ Подозеровымъ въ его кабинетъ, обратился къ нему съ грустнымъ видомъ:

— Не хотѣлъ я для перваго свиданія огорчать Александру Ивановну и не все ей сказать. Вѣдь Форовъ, знаете, тому недѣли съ три, изъ-за Глафиры такъ жестоко съ Рошнинымъ поругался, что при многихъ гостяхъ далъ ему слово публично въ собраніи дать ослууху; пришелъ гнѣвный ко мнѣ, легъ въ банѣ поспать и...

— Не проснулся?

— Вы отгадали.

— Значитъ послѣдній изъ нигилистическихъ могиканъ свалился.

— Да вотъ въ томъ-то и дѣло, что еще былъ ли онъ тѣмъ самымъ, чѣмъ старался казаться!

— А что? Нѣтъ; я думаю, что Форовъ до извѣстной степени былъ себѣ вѣренъ.

— До извѣстной степени, это, пожалуй, такъ. А то вѣдь его окостенѣлая рука тоже была съ крестнымъ перстосложениемъ. Никто же другой, а самъ онъ ее такъ сложилъ... Да можетъ и враждовать-то онъ не по сему глаголемому нигилизму, а просто потому, что... поладить хотѣлъ, да не умѣлъ, въ обязанность считалъ со старою правдою на ногахъ быть.

— Пожалуй вы правы; ну, а что, скажите, какъ Висленевъ?

— Здоровъ какъ стѣна. Панишка слыла ему вагонничекъ изъ зеленого платя покойницы Вѣры, онъ взялъ и говорить: «Вотъ что меня погубило: это зеленое платье, а то бы я далеко пошелъ». Онъ-таки совсѣмъ съ ума сошелъ. Удивительно, право: чего не было и того лишился! Кой же лѣтний его когда-то политикой обвинялъ? А? Я этому тоже удивляюсь.

— Все удивительно, отецъ Евангель: вы были бунтовщикъ, я—соціалистъ, а кому это было нужно?

— Не понимаю.

— И не поймете.

— Именно, именно, какъ проведешь предъ собою все, что случилось видѣть: туманъ, ей-Богу, какой-то пойдетъ въ головѣ, кто тутъ нынѣ самого себя не вырекается и другого не коверкаетъ, и изъ всего этого только какая-то темная, мусорная куча выходитъ.

— Да, да, не легко разобрать, куда мы подвигаемся, идучи такъ на ногахъ, которыми кому-то все путное въ клочья хочется порѣзать; но одно только покуда во всемъ этомъ ясно: все это прологъ чего-то большого, что неотразимо должно наступить.

# Оглавление.

XXVII ТОМА.

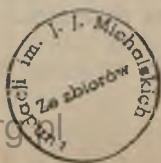
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Черезъ край.

	стр.
I Вѣсти о Гордановѣ . . . . .	5
II. Синтянина беретъ на себя трудную заботу . . . . .	9
III. Превыше міра и страстей . . . . .	11
IV. Слѣдъ . . . . .	16
V. Лара отыскана и устроена . . . . .	19
VI. Битый небитаго везеть. . . . .	22
VII. Бесѣды Сумасшедшаго Бедуина . . . . .	27
VIII. Свѣтозарово воскресенье . . . . .	30
IX. Дѣло темной ночи. . . . .	34
X. Предъ послѣднимъ ударомъ . . . . .	40
XI. Воръ у вора дубнику украль . . . . .	42
XII. Огненный змѣй . . . . .	47
XIII. Событія близатся . . . . .	52
XIV. Послѣднія вепышки стараго огня. . . . .	55
XV. Красное пятно. . . . .	59
XVI. Живой огонь . . . . .	62
XVII. Ларисина тайна . . . . .	67
XVIII. Соломенный духъ . . . . .	72
XIX. Коровья смерть . . . . .	80
XX. Нежить мечется . . . . .	85
XXI. Ночь послѣ бала . . . . .	96
XXII. Вунтъ. . . . .	105
XXIII. Вѣсть о Ларисѣ . . . . .	110
XXIV. На ворахъ загораются шапки . . . . .	114
XXV. Одинакія книги въ разныхъ переплестахъ . . . . .	120
XXVI. Сидь пережилъ. . . . .	129
Эпизодъ . . . . .	137

INSTITUT  
BADAŃ LITERACKICH PAN  
BIBLIOTEKA

00-530 Warszawa, ul. Nowy Świat 73  
Tel. 20-52-53











F

24.124/25-27